

Resistance and Opposition
Arts Review

ROAR

Вестник антивоенной
и оппозиционной культуры

Номер четырнадцатый / пятнадцатый

От редактора

Стихи

<i>Виталий Зимаков</i>	9
<i>Иван Платонов</i>	11
<i>Никита Рыжих</i>	18
<i>Прометей</i>	25
<i>Полина Барскова</i>	27
<i>Сергей Соловьев</i>	31
<i>Сержант Поприщин</i>	31
<i>Яков Подольный</i>	32
13.07.24	32
<i>Евгения Шабаета</i>	36
<i>Саша</i>	40
<i>Вера Полозкова</i>	48
<i>Александр Бараш</i>	52
<i>Ольга Зондберг</i>	54
<i>Роман Лейбов</i>	58
<i>Екатерина Улитина</i>	59

<i>Маруся Сердцебьонцева</i>	61
<i>Михаил Капилков</i>	67
<i>Альбин Петров-Бесфамильный</i>	76
<i>Василь Сафаргалеев</i>	83
<i>Олександр Шевченко</i>	89
<i>Анна Розэ</i>	95
<i>parvaolle</i>	98
<i>Сергей Давыдов</i>	100
<i>Дима Снус</i>	102
<i>Дмитрий Рубин</i>	104
<i>Максим Д. Шраер</i>	109
<i>Николай Милешкин</i>	112
<i>Андрей Чернов</i>	115
<i>Павел Квартальнов</i>	121
<i>Наталья Бесхлебная</i>	123
<i>Посол мира</i>	134
<i>Денис Сорокотягин</i>	143
<i>О.К.</i>	148
<i>Алена Максакова</i>	150
<i>Андрей Сурай</i>	155
<i>Ваня Иудов</i>	163
<i>Ростислав Ярцев</i>	172
<i>Татьяна Платонова</i>	176
<i>Антон Погребняк</i>	177
<i>Инна Кулишова</i>	183
<i>Вадим Ямпольский</i>	196
<i>Владимир Гандельсман</i>	198
<i>Кристина Ришко</i>	200

Эссе

<i>Маша Булочка</i>	204
<i>Дарья Кошкина</i>	209
<i>Роман Столяр</i>	215
<i>Анонимно</i>	223
<i>Ольга Хорн</i>	233

Проза и драматургия

<i>Давид Дектор</i>	237
<i>Ася Акатова</i>	238
<i>Юлия Акула</i>	241
<i>Александр Шевченко</i>	249
<i>Исмаил Иман</i>	255
<i>Кир Федоров</i>	261
<i>Элина Лехциер</i>	272
<i>Павел Квартальнов</i>	275
<i>Дарья Жарская</i>	279
<i>Никита Рыжих</i>	285
<i>Кристина Гептинг</i>	297
<i>Неся Максимова</i>	301
<i>Марина Диденко</i>	309
<i>Никита Ивин</i>	323
<i>Саша Марк</i>	328

Переводы

<i>Владимир Фещенко</i>	331
-------------------------------	-----

Арт

<i>Татьяна Малкина</i>	337
<i>Татьяна Бонч-Осмоловская</i>	338
<i>Станислав Львовский</i>	339
<i>Оля Тамкович</i>	345
<i>Марина Стараканами</i>	356
<i>Макс Острый</i>	359
<i>Криминализа и Рулампо</i>	362
<i>Екатерина Галактионова</i>	369
<i>Екатерина Галактионова</i>	375
<i>Екатерина Галактионова</i>	385
<i>Дмитрий Гармаш, Денис Смирнов, Гарик Оганесян, Мария Ракитина</i> 389	
<i>Герман Звездин</i>	390
<i>Богдан Кравцов</i>	394
<i>Арсений Максимов</i>	395
<i>Vukolović</i>	398
<i>Юлия Семченко</i>	403
<i>Партия мертвых</i>	404
<i>Анна Карандина</i>	408
<i>арт-группа «The Great Tits»</i>	411
<i>DianaVaskina</i>	414
<i>Гали-Дана Зингер</i>	418

Юридическая информация

От редактора

Этот сдвоенный 14-й/15-й номер — проклятый номер ROAR — мы не могли выпустить очень долго: вся редакция по очереди тяжело болела, у нас были технические проблемы, — господи, чего только у нас не было. Мне эта заминка кажется предельно точной символически: я понимаю, как тяжело бывает нашей редакции (все, кто работает с ROAR, — волонтеры). Я правда это понимаю. И я хочу сделать сейчас то, что, кажется, совсем не принято делать: я хочу посвятить это «письмо редактора» не читателям, а моим коллегам по изданию.

Дорогие коллеги, во-первых, я немыслимо, неимоверно благодарна вам за то, что вы делаете все это. Я ищу слова, которые выражали бы мои эмоции в полной мере, и не нахожу. Я горжусь сотрудничеством с каждым из вас. Просто: спасибо вам. Во-вторых, я хочу сказать вот что: мы все надеялись, что ввяжемся в это дело «на два-три номера», — но мы сейчас начали работу над шестнадцатым. Это ужасно, потому что это происходит в силу ужасных обстоятельств, — но это ужасно еще и потому, что ужасно тяжело, и я отдаю себе в этом отчет. Спасибо, что вы здесь, и спасибо, что вы держитесь. В-третьих, мы постоянно имеем дело с эмоционально тяжелыми, порой невыносимо тяжелыми текстами и арт-работами. Спасибо вам за то, что вы готовы не просто с ними взаимодействовать, но пропускать их через себя с тем напряженным вниманием, которого требует работа корректоров, редакторов, верстальщиков, переводчиков, координаторов, — всех. В-четвертых: я понимаю, что часы, которые вы проводите, трудясь над ROAR, вы урываете и у своего рабочего, и у своего личного времени. Это бесценный подарок. Я понимаю, разумеется, что ROAR — это общее дело, но изо всех сил надеюсь, что когда-нибудь смогу, в свою очередь, оказаться вам полезна. И, наконец, последнее: а-а-а-а-а-а, мы выпустили этот номер!!!! :))))))

А теперь поименно: мои благодарности всем, кто работал над основной версией номера: шеф-редактору Марии Вуль и нашим редакторам и корректорам М. К., Ольге Чайке, Артему Хлебникову, Ю. И., Антону Кухто и другим. За английскую версию огромное спасибо ее шеф-редактору Аде Кордон, Татьяне Рудяк и потрясающей команде наших переводчиков. И конечно, этот номер никогда не вышел бы вообще, если бы не работа нашей команды верстки, — это Елена Урман, Анна Г.,

Юлия Щербино, Лилия Сафронова, Маша Торovich и Марта В. И спасибо огромное Вете Сбитниковой и ее команде за дизайн и за техническое функционирование сайта.

Выход следующего, шестнадцатого номера ROAR состоится в конце декабря. Мы начинаем формировать этот номер уже сейчас и будем рады рассмотреть стихи, прозу, арт- и саунд-произведения, имеющие отношение к основной тематике издания, в любых форматах: пожалуйста, присылайте их на адрес roar.review.2022@gmail.com. Мы заранее благодарны.

С уважением,
Линор Горалик,
издатель и главный редактор ROAR.
31 октября 2024

СТИХИ

ДОВОЕННЫЕ НОВОСТИ

*

*...чтобы освободить место для фотографий,
старуха подслеповато смотрит во двор.
Миклош Месеи. Фильм*

видит всё что ей положено видеть
бог в векорасширителях
прямо и просто
так пишут доносы
так я взял застарелый след
от пореза отражением высохшего ручья
из каденций менухина в прилуки немухина
и обратно вэн с антикоррозийными заплатками
в апреле азалии в мае глицинии
болели гортензии после сезона дождей
военная топография анатомической карты

*

1

река огибает дом
ржавый строгий ошейник висит на дереве
беременная кошка прячется от жары
лакает из родника не обращает внимания на лебедя
что плавает/бродит вокруг
щиплет траву из рук
копачинская вместо своей скрипки девятнадцатого века
взяла в руки молотки для ясного dies irae уствольской
и здесь как в начале «молчания» перед глазами ребёнка
мельтешение танков за стеклом вагона
комиксистка из владивостока по дороге к вокзалу
сказала что её не трогает ничего кроме

переосмысления доступного фольклора
гравировка александры пацманюк на стеклянном доме
печной трубой растёт стеклянная лапка/ветка
изнят а вийсэ — изнят видечисэ

2

разделённый надвое рельсами
лес под раннеапрельским
ливнем недорастаявшим светом
виолончель габетты
единственные посетители
непереводимого кафе перед закрытием
ливень в лесу склонившемся к костру
пробует натяжение жильных струн
так можно отвлекаться до тех пор
пока не увидишь новый бронетранспортёр
дождь начался во второй половине леса
когда он закончится неизвестно

*

балтийским морем в декабре
две-три случайных фразы губайдулиной
в исполнении шарон бецали
— я тону
вслед за отцом из вороньего квартала
повторяет шуберт окерблума
— я тону
рыбой сорвавшейся с клюва
балтийским морем в декабре
хозяин парусника напоминает мельвиля
снявшего молчание моря
мельвиля перед патрисией франкини
довоенные новости с берега
две-три случайных
получаешь вместе с сигаретами
и деталями для сломанного опреснителя

#

.
ТАК всё будет.
Будешь лежать в боли размышляя о боли.
В целом: стекло; выносимое стекло. Но.
Сначала: дуб напротив; в тесном воздухе,
в безножье окна. Затакт. Потом частное:
тяжёлая пустота яблока в правой ладони.
(в коконе узел-эха создаётся, осознаётся).
Мелется. Шар-зарница-мышца-ласточка.

.
Утром.
Снова: шар-зарница-мышца-ласточка.
Вынести повторимое. Повторимость.
Вынести повторимое из огня. Из себя.
Соло. Соль-алчущая. Разделён___ная.
На языке. Контр-замók. Контур-знака.
Закон
(в бездомности, в гравитации насилия)
: отрицающие необходимость новояза
выдают настоящему индульгенцию.

##

.
Парадокс настоящего времени в том, что
оно сейчас очевидно повторяется — мы
никогда ещё не были так реально внутри
Истории (внутри иронии; внутри языка)

,
касаясь её рождения, пасхи, матки,
фаллопиевых труб

.
И прошлое оказалось мразью-снега

.
Как? переписать язык, который уже был
Который — ты:
Агнец и отделившееся знание: что бог
умер

.
Жертвоприношение-Исаака смотрит на
функцию-ножа и, переходя в речь, в цинк
-речи, самостирается как это стихотворе

.
Пребывая вне времени — оно рот (и род?)
Авраама на мне

Объект #03072024

.
... и вы вызываете ментов и скорую
Курите, пьёте чай
Они приезжают; звонят; входят в квартиру
Вопросы, бумаги
Они уезжают; его увозят
Входит похоронный агент
Ленточки, грузчики, крест, деньги и т. д.
Вы курите, пьёте кофе
Он уезжает
Вы пьёте водку
Пытаетесь уснуть
Листаете ленту новостей
Под утро почти засыпаете
Утром едете в морг, ЗАГС, на кладбище,
в кафе заказать поминки,
в церковь поминальную службу

.
Телефон звонит и звонит

.....

Похороны, поминки

.
9 дней

(Курение, чай, кофе, водку, соцсети
я опускаю как ничто-войны и ничто-тела)

Вы впервые смотрите фильм
Читаете книгу
Потом в первый раз занимаетесь сексом;
любовью
Называете вещи своими именами

Потом вы садитесь и пишете первое
Стихотворение

..... (раз миссисипи)
..... (два миссисипи)
..... (три миссисипи)

И если в нём:
в его немоте:
в его здесь и сейчас: есть
синтез, анализ, ф(н)орма и смысл —
значит вас и Улисса уже нет:

слияние
внесемантического сада и текста
(читай тела и письма)
создало Эвридику опередившую,
убившую Орфея — время
эмансипировавшее прямой эфир;
где солдат:ка своими глазами
(читай у тебя во рту)
видит, т. е. отрезает от себя
ничто-языка.

И вот тогда
текст-тела как ветер-деревя
как дополнение в синтаксисе

собственноручно рисует
абсолютно-бессмысленную фигуру
отстранения-в-речи
став речью
влюблённой в отстранение.

.

.

.

И в этом уравнении —
она: вычитание
гравюры из плоскости.
Вырывание
фрагмента-времени из обезличенности.
Вырывание образа из материи
(из матери).

.

Разрез (течение-разрыва)
как инструмент (как оружие) творения
кажется ей богом
: божественной идеей.

.

(темой, тьмой, методом)
Тем, что могло бы выжить.

.

Рисовать насилием.
О, да —
эй, ода —
искусство как насилие
(слепой слепок послесловия)
нужно ей сейчас больше, чем
ритм жизни.

.

Режимы ос__тек__ле__не__ни__я

,

ламинирование документальности:

.

отсечённые; бликующие-мерца

; просвечивающие через себя
; сжигая коды-ментальности

.
перешед на множественное
число третьего лица среднего рода
(как посмертный поцелуй прощания)
местоимения горят

,
уничтожаясь во языке, в его-янтаре,
январе (рождении; январе-рождения;
опережении-февраля; его чернил) —

.....
И ничто говорит как рефрижератор-речи :
— Ооо, лепестки-левого-фронта-искусств

О, опадающий грим-свечи

, вскрывающий _____ся фитиль (ликвор)

воско/жёлтобеломедленно/свободноопадая

Я — билатеральное то, что чиркает

пустотой о тело:

громом о небо:

молнией о дождь:

удержись мной

Объект #28072024

.

*Смысл и конописи
присвоить золотой, жёлтый, бронзовый
— их чистые и грязные полутона — и*

.

тогда: рукотворное красное пятно
одеяния Марии проснётся межострым;
голубое — непрощённым, ломким,
можно НЕ сказать расколотым
; зелёное — ближне-земляным
, всегда вокруг Христа

.
Андрей Рублёв в Благовещенском соборе
московского кремля страх в губы целовал
(как и положено монаху), но для начала
их надо нарисовать —

.
кусками цвета выкормить облицованное:
и глубокая механика полужеста света —
доне'льзя рас_____творится в вывихе нас
тоящего

Объект #29072024

.
*Она как бы снег, который внутри смерти
И не выпутывается
Кабинетный, замкнуто-личный,
гносеологический, травестийный снег*

:
текст, который: я и о-пустоте-сквозь-меня
хор — висит и возложен, как изморозь —

.
нас двое

.
(ииииии —
невозможность рук: Харон разжимающий
Хроносу рот : в поцелуе забирает монету)
(разбирая монету на : язык и другой язык)

Врезаемые измеряемым —
потец Введенского, момент и цепь
воскресений Введенского — я, "Наташа и
Куприянов"

:

входит соборование-СССР — помазывает
освящённым маслом крестообразно
лоб, щёки, губы, ноздри, кисти рук;
пишет «милосердие» на теле — <сим
волизируя ум, слово, чувство, дело>:
символизируя почему,
когда меня нет (,а есть что?): мне хорошо?
Почему в предельности,
отсекаясь широко, как страна-без-Родины,
менты <внутри> ментальности как шорох?

.

Почему я — словами не нужен себе?
Почему ты — словами невозможен мне?
Давай сразу —
последние в списке кораблей:
сорок Профооя

.

Протиснувшись между губами и мечом,
почти-ничто-войны: дети, врождённых в
мелос-разрезающий рев _____ олюцию на
звук-меня и имя-меня —
нашли время звуко__ не__ проницаемым

.

ТАК — <почти> в видеоискателе чувствует
калибровку-языка, перешедшую Рубикон
И лишнее словосочетание
<в белом венчике из роз>
разрубает воду на перешеек и полуостров
на <Москва-Петушки> и
<между волком и собакой>

Звуки спят вспячь

Сад 1

Садись 2

Садист 3

Радость 4

Смертность 5

Стуки висят весят бесят

Ребенок 6

Человек 7

Пенсионер 8

Лейтенант 9

Мертвец 10

Арифметика добра бодро

На четырёх живых один мёртвый

На двух живых два мёртвых

На 0,256 живых сад из мёртвых

Цветов ладошек

Срезанные корешки

Смеленные вершки

Смелые кишки

Кошки мышки

Цвета оладушек

Помилуй боже

Из серых чувств тишины

Из пустых равнодуший молчания

Вытекают машины шины нечаянные отчаянные

Отчаяния

И спаситель спасатель пастель постель пастырь пластырь

Никому всё это не нужно

Замерзают лужи
Крови

И снег идёт
Слова снежинок чисты словно
По-прежнему все белы и все живы
Снег идёт
Снег подскользывается

Снег падает
Снег выпадает
Снег бежит
Снег хромает

Снег идёт
Миг идёт

Время останавливается на белых полях
Пустых тетрадей
Время стекает плевком реки со стены
Пуст и человек

И вокруг только снег
И тут только снег

И лишь снег
И лишь снег
И лишь снег
И лишь снег
И лишь снег и только снег

Сегодня буквы выпали в тетрадь
Свобода умирая выбирать
Звуки для криков
Птичьих стай

Одиночество это когда птичья стая
Неизбежна
Одиночество это когда птичья стая
Неизбежно возвращается
Домой из тёплых стран
И ты понимаешь неожиданно
И ты открываешь для себя словно книгу
Что эти птицы больше не стая
Что эти птицы никогда не были стаей
Просто ситуативное временное братство
Просто птичество птицтво птахство
Выдуманное слово никак не отменяющее
Факт того что слово стая выдуманно
Выдуманное слово любовь
Все слова на самом деле выдуманы людьми

Сегодня замёрзли замерли
В ожидании молчаливые птицы
Но ничего вокруг
Как назло

Не происходит
Вообще
Точка

Пиво пивное
Чудо чудное
Красень красная
Кровь копчёная
Рыба гнилая
Речка засохшая
Бог утонувший
В собственном беззвучном молчании

странные голуби

ищут повсюду
свои клювы

Зеркала направленные друг на дружку видят лишь самих
себя

Вода течёт в едином неразличимом порыве
Деревья переплетаются корнями и листья суммируются
Облака пуговицы пришиты к небесному ковру
А под ногами сырая земля кладбища мировой истории одиночества

Разрешён только секс с оружием
Разрешён только поцелуй с оружием
Разрешено только оружие

Мы увидимся
Мы ещё обязательно встретимся

Ты не произнесёшь ни слова
Ты станешь словом на тишине кладбища

Могила без цветов
Цветы без могил

Осенний дождь
Опустится на похороны

Осенний дождь
Пойдёт на кладбище

Осенний дождь
Опять пойдёт на кладбище

Осенний дождь
Опять пойду на кладбище

Осенний дождь

Опять упадёт упаду на кладбище

Я ничего не вижу

Я даже не знаю как выглядит кладбище

Клещи кладбища

Под кроватью

Клещи ничего

Под кроватью

Ничего

Под кроватью

Ничего

Нигде

Прости

Прощай

я люблю тебя больше чем пасху

я люблю тебя больше чем акции на алиэкспресс

я люблю тебя

а ещё я люблю цветы на твоём кладбище

Косица птиц слегка выступает из книжной страницы

Сколько перьев сколько клеток букв

Сколько решёток сколько хештегов

Мы идём в тихом чаянии

По воздушным ступеням неба

Перо не может называться пером

Поскольку оно лишилось птицы

Человек не может существовать

Без портретных рамок разбомбленных окон

Смерть из алфавита забытого имени
Чугунная ночь свернувшись клубком
Молока покрывает наши шаги перемешанные
В воздухе с птичьими песнопениями

Голос
Логос
Слог
Гол

Всё продано вместо того чтобы принадлежать человеку
Всё продано вместе с честью

Птица воображает небо которого нет, и по-прежнему нету
крыльев. Война перьев с отсутствием птицы перерастает
в птичий взрыв. И грибок ничего вырастает за спинами
скомканных в утиль улиц.

Ты можешь умереть
Где угодно и когда угодно
Особенно в нынешнее время
И в нынешних местах

Ты ничего не можешь
Мини бусик делает ту ту
Кого привезли
Никого

Ты не можешь читать эти
Стихи отрицания вероятно
Они никому не нужны

Никто никому не нужен

Ты нужен мне —

Но кто ты?

я работник культуры.

я советую детям «Остров сокровищ» и «Хроники Нарнии». Я храню на своей рабочей полочке учебники по античной литературе и искусству.

я работник культуры.

я заворачиваю книжки людей с хорошей позицией о свободе в белую бумагу, распечатаваю наклейки с названием, прячу на высокие полки, чтобы они больше не могли дышать.

я работник культуры.

я жонглирую обязательством праздновать день армии и убийц, и вместо мероприятия «солдатские будни» провожу викторину по мультикам с богатырями в третьем классе. я не могу говорить детям, что они обязаны умирать за свою тюрьму и называть это почетным.

я работник культуры.

у меня за плечами часы курсов о философии и великой литературе, папки эссе с анализом картин и скульптур.

я свободно говорю на двух языках.

я не пишу свободно на русском, потому что не хочу молчать за решеткой, но мольбы о мире, свободе, справедливости рвутся из груди кровавым кашлем.

я работник культуры.

я убеждаю коллегу с двумя детьми, которая ведет замечательные мастер-классы по рисованию, что не смогу подписать бумажку, где я будто самостоятельно выдвигаю кандидата, который «и так выигрывает».

я провожу квизы и исторические лекции с разбором картин для подростков в центре реабилитации наркоманов.

я совершаю сделки с совестью. я ищю меньшее зло. я перелопачиваю
себя в поисках храбрости.
я работник культуры.

Скандал

(греческий, ловушка — из беседы с Ириной Сандомирской)

Отойди от меня, человек, отойди — я зеваю.

Этой страшной ценой я за жалкую мудрость плачу.

Видишь руку мою, что лежит на столе, как живая —

Разжимаю кулак и уже ничего не хочу. (Довид Кнут)

Барашкова

Предлагает маленькую игру

Каждый расскажет свою гнусность

Вытащит на кончик языка

То, что бежит языка,

И лишь поэтому не делает жизнь не/совместимой с жизнью.

Тоцкий рассказывает историю про камелию.

В этом месте романа можно бы и заснуть:

Именно отсюда уже видать

Муху на ее узенькой пятке.

А прикинь, Тоцкий такой:

Когда тебе было 12 лет,

Я сказал — или ты берешь мой член в рот

Или ты идешь мести улицы в шляпе

С перышком крашеным красным.

О чем мы не говорим?

Нет лучше так о чем я не говорю

Нет лучше так о чем никто не говорит

Я не говорю о том, как предала друга,

старика и младенца

О том, что мне предложил Тоцкий (ответ мой был
нечленоразделен)

О том, как я попраля любовь

О том, как потом на коленях я выпрашивала любовь

А знаете, чего стоит встать на колени человеку моего веса в
культуре?

Мы не говорим о том, что нам просто не повезло
И наша агентность стала равна нулю пеплу ветру
О том, что никто из нас ничего не может противопоставить
Машине смерти, кроме себя в виде орудия;
За вычетом этой опции все остальное — пепел ветер ноль,
И все — все равно и уже никто ничего не хочет.
Лучше уж я в Калифорнии буду дуть коктейли и смотреть
волшебные фильмы

Ива Аллегре про Францию в 1943-м году —
Там все говорят о камелиях.

Чем Париж так воняет

Шанелью

Может быть, нужно подмыться?

Но, может быть, и нет?

Маленькое черное платье не пахнет:

Даже если эсэсовец дронит на него —

Всегда потом можно сказать, что

Маленькое черное платье — это траур по моей жизни.

Чем Париж так воняет?

Жидами

Берберова королева отворачивается

Лифарь королевич отворачивается

И только кишиневский поэт Довид Кнут

Поеживается возле Сены, когда идет убивать.

Отличный, кстати, поэт: лучше Набокова, не хуже Бунина.

Идет убивать вместо тех, кто превратит его стихи потом в
пыль забвенья,

В антологию даже не включит или включит в раздел
«комментарии».

Скандал умолчания заключается в том,

Что нам выпало такое непристойное время,

Когда стих твой отбрасывает тень,

Только если ты готов убить либо быть убитым

За стояние своих слов против:

Стихи без тени — вот моя идея для антологии.

.....

Там в тишине перебегают шумы
князь Вяземский, «Леса»

На меня направлен космический душ шарко
Я брожу как муратовская актриса шарко
(лишь муратовская, а не какая-нибудь другая),
тушь размазывая, светляков пугая.
Я пытаюсь «взять себя в руки» (заметил один дружок
Что, oprичь мастурбации, в словах этих мало смысла),
Но не в силах взять, отдаю себя на ожог,
На обжиг собственному, темному, несгорающему огню.
Вместо вещей вижу только тени вещей, только их виню —
Но как зато виню: подробно, любовно.
Обвиваю их, как ядовитый плющ,
Памятью, обпеваю их воплем, как известная ярославна.
Ко мне из чаш
То опоссум сконфуженный выбежит, то койот:
Мол, что ж ты, мать, так убиваешься, по кому?
Я ему разьясняю: человекозверь, знать не знает, о чем поет,
О чем орет, о ком надрывается в им производимом дыму.

...

Две эти смерти взяли лето мое в кавычки:
Словно плюща побеги вытекли по стене
Остается зябнуть, менять привычки.
Они меняются лишь от смерти — внушили мне.
Каждый раз, когда я теряю имя ли ноту дату
Капризно и развлеченно пишу тебе sms —
Словно плебс соверена призываю к ответу —
Но в ответ раздается ничего, нежный треск
Нарушения связи — плещут радиоволны,
Серый берег как губка поглощает туман
В Сан-Франциско, и век твой столь гротескно неполный
Прорывается будто жестко сдержанный стон.
Созиданье насмешка изуверство зиянье —

Все распалось-пропало, мой сиамский близнец,
Антипод/отражение, наше чванное знание
Стало чёрный колодец, мой сиамский беглец.
Снова август и август, я вбираю с экрана
Волчий ракурс Делона — я люблю пустоту —
Смерть опять обнажает загорелое лоно
Или лого, — твой голос как таблетка во рту.

Сержант Поприщин

Матушка, мартобря, две тыщи
числа не помню, — пишет письмо
сержант Поприщин,
вернувшийся с СВО.

Нефть горит, небеса в алмазах,
смерть говорит: Не худо мне —
передай армии карамазовых,
что лежат в вечерах на хуторе.

Родина-государыня сидит у зеркала,
прихорашивается. Губы — пушечкой,
нос — воронкою. Обмакнет
деточку в смерть, пульки сплевывает:
Ваня, Ваня, будешь ты территорией.

Матушка, глаза у тебя, как клёцки.
Будет тебе, главврач говорит, дом,
потерпи, и смеется
добрым — от Москвы до Сибири —
мертвым ртом.

Яков Подольный

13.07.24

Неспроста это все неспроста —

Скажут.

Я х-ским тебе языком говорю

Говорили.

Куку, Але, ты по х-ски не понимаешь?

Не понимаю.

А посмотришь — так человек.

Отвернулись.

Приехал оттуда уехал оттуда где там
на своем со своими кумекал

Те кто считают

Нет уж

Моги изъясниться

Моя твоя

Не пойми превратно

Очищайся от скверны

Своей

Экзо-не-нашести

Нашими станут

Дети твои и детей их дети

Почти

С оттенком с разрезом остаточным ино-шлейфом

И мы его возжелаем

Сорное семя

Несите же нам свои танцы

Которые мы ...

Включим Я. Свердловым в
одноимённые слойки

Так и быть

Так нам всем и быть

Повелел здесь городу быть

Х у-ал и нам велел

Сам не плошал

Возьмите себя руки возьденьте

Приведя М в положение Z

Затягивать до щелчка

Непрошенный гость хуже х-на

*Победители не щадили побеждённых, постоянно выказывая
непомерную гордость, презрение к покорённым народам,
жадность, скупость, свирепость и насилие.*

Естественно, что х-е ненавидели своих захватчиков

Вечные веки опухли

Ныне и пресная жизнь какая-то

И в кой-то веки

О-минь

Т-мин

Т-мина

И побольше побольше и

Ели без хлеба

Не хлебом единым

З-ки небесные

Без пролития крови

Лишних слов

Мир до оснований

Основания города в MDCCIII году

Вплоть до его разрушения

Нар о до на ций глухих селений

насильственных пере-

селений душ

народов

Союз неру

От души смеялись

В колыбели трех ре-

не передуши-

мы ли

не прочь — но

По радио за-вещали

По теле-

неведению

По навету

На ветру и

Шапка горит

Горит М-ва

Говорит Т-ва

Порывами 10 лет в секунду

Облачность переменная функции

Вычислить

Обезбредить

Дать жить

Как *нить* *дать*

— В ответе.

Сказано было в ответе

Что толку от цветов? А толку нет.
Как нет его от робких поцелуев
на станции, когда состав вот-вот

чихнёт в глаза влюблённые солёным.
Гудок поглотит «эй //чего-то там//
пожалуйста //чего-то там// Алёша!»

Что толку в наводнение от багров,
на третий день ещё мутящих воду
в надежде никого в ней не найти.

Что толку окна мыть в квартире бабки,
слепой, конечно, да ещё под осень,
за сутки до обстрела, два до взрыва.

Что толку на умолкший телефон
писать: ты знаешь, Миша засмеялся //
пополз // пошёл // а помнишь // помнишь // помнишь...

Что толку петь под кашель Гавриила?
Вот-вот прочистит горло — и заполнит
Планету его зычный баритон.

перевод с математического

Одна девочка
Разделила на ноль
Купила апельсин
И поделила его на ноль
Вова просил по-братски

разделить на два
но так чтобы воина одна вторая была чуть больше
чем анина одна вторая
Аня сказала нет
Одна вторая равняется одной второй
Половина не может быть больше половины
Это основы математики
На математике построен мир
Вова сказал нет не равняется
Вова сказал нет может
Вова сказал клал я с прибором на эту твою математику
Я ещё в детстве математичке на стул выдавил помидор
И хрен с ним с миром
Ну всколыхнётся
Let the sky fall!
Аня сказала ах так
Пусть говоришь всколыхнётся?
Я тогда
Я тогда возьму
Я тогда возьму и разделю на ноль!
Аня разделила на ноль
Почистила апельсин и разделила его на ноль
Съела одна, отправила кожурки в компост
Села на крыльце универа и стала ждать конца света
Подошёл человек в забавном сером костюме
Говорит: Аня
Делить на ноль безусловно можно
Можно но не имеет смысла
Так нас учили в школе
Но смысл появляется там
куда мы его вложили
Так нас учили после школы
Деление на ноль даёт любое число
Неопределённость или бесконечность
Отныне твой апельсин бесконечен
И неопределён
Приятного аппетита Аня

А Вова гондон

Я тут собираю фрагменты веры —
Выложу, возможно, себе витраж.
Митя собирает фрагменты Лены,
Лена не просила: «Бомб нам даждь».

Лена не просила, я не просила...
Чьими молитвами в Лену хлоп?
Я когда-то думала, я — Россия...
Вышло, я всего лишь её холоп.

Вышло, я всего лишь её Герасим.
Мнение моё — моё му-му.
Барыня сказала, забор покрасим,
Сделаем нарядную себе тюрьму.

Я плыву далече с моей собакой.
Утоплю — и точно тогда сбегу...
Можно ведь потом пережить, отплакать?
Там, на невзрывающемся берегу?

Я плыву — и в куртке сучонка воеет,
Лапами царапает под ребром.
Вроде и не хочется быть героем,
Но нам в школе, помните, про добро...

Может, мы для этого читали в детстве
Грустные истории, все дела?
Сучка беспородная, там, у сердца,
Не стесняйся, милая,
лай.

Что бы вам рассказать такого хорошего,
Да ещё о радости и любви,

Чтобы кубик тоски, ненароком проглоченный,
Наконец-то скребучие грани свои

округлил
и сплыл.

Да, чуть-чуть обожжёт всё тело извилистой траекторией,
Протрясёт.

Но потом покинет его, как всё.

Станет... скажем красиво, историей:-).

Всё, что нас покидает, не оскверняет нас.

Всё, что в нас застревает, становится нашим (нами?).

Я сегодня старьёвщик бывалых фраз,

Принимаю снами.

Не учись быть красивой, девочка, это в твоей крови.

Не учись быть солдатом, мальчик, это тебе не нужно.

Что бы вам рассказать о радости и любви,

Если кто-то, конечно же, станет слушать.

Что бы вам рассказать такого неважного,

Хрипловатого чик-чирик,

Чтобы тело, от грохота подуставшее,

Ощутило душу внутри.

1. 00 - 00

Неисчисленные, зачем мы
Покидаем свои кочевья,
Сходим с тропов, орбит значений
В топкость нового языка?
Оттого, что победной гжелью
И слепой пулемётной трелью,
Плотью вывернутой горелой
Говоримся теперь никак.
Колосилось да искололось,
По себе выжигает полость;
Нету воли, а только боль есть —
Хоть сади её, хоть соли.
Пасха с тленом, кутья с тмином,
Хлеб — железный — клин — журавлиный.
Вот фиалка, а вот калина
Процветают в глаза мои.
Через форзацы и эрзацы,
Из чернил выдирая пальцы,
Нам из чистого не начаться:
Эхо кровное изо рта.
Слово, сродственно всякой зерни,
Любит землю.
А ты — не семя:
брошенный
всеми,
можешь
не прорасти.

2.

Когда-то давно, не вспомнить,
мы делали куколки из травинок,
пеленали и шили платья,

только лица не давали им.
Расти, дочка, послушная, —
будешь нужная:
волос к волосу,
колос к колосу,
а вырос пустой пырей,
перекати-поле.
Соломенные сироты
при живой матери,
соломенные беженцы
при войне, которой нет.

Нет для соседа Дядьваси
Нет для Натальи Петровны
Нет для праведных в церкви
Нет для покупателей в продуктовом
Нет для школьников
Нет в роддоме
Нет-нет-нет-нет-нет
Ой там на горі ой там на крутій
Нет соседа Дядьваси
Нет Натальи Петровны
Нет праведных в церкви
Нет покупателей в продуктовом
Нет школьников
Нет роддома
Никогда не видел
Никогда не было
Нельзя убить тех, кто не жил
Невиденное бессмертно.
Прекрасное далеко.
Неназванного не существует.

держи мою руку
сломалась
оборвалось
и закричать невозможно

рта мне не нарисовали

3.

Был первый час, был час последний,
безумный царь ночи седой
встал под потолок в передней,
погромыхая колючей бородой:
я, говорит, служил обедню
когда на меня спустили собак
выключите, выключите мрак
мне это вредно
я растревожу их внутренности
в кишках их увижу знак
будущности.

Говорит ночной поэт:

нет

у меня нет свечей, глупый дед
их изглодали мыши и вообще
в военное время огня лучше не зажигать
вдруг враг
а ты разглядываешь потроха собак
право же, неприлично.

Входит кот. Кот:

Вот

Я.

Существую.

Кот уходит.

Раздаются сдержанные хлопки.

Поэт: какое преимущество
быть имуществом.

Часовой

вытянулся и замер
я, говорит, истёк глазами
под этот вой
я слышу его на той

стороне света
прошу, повесь собак
отвори мрак
дай разглядеть, скоро ли лето.

Говорит поэт:
нет, ничего нету
глупый дед, заткни за пазуху голос свой
стены здесь тихие и благородные, как конвой
я — коневод своих мыслей, я различаю сны
меня не сгрызло чувство войны
я живой

Дед отвечает:
Разве?
С потолка сыплется земляника.

4. Веночек

фотографировала страницы — перечитать их дома,
лица, — перецеловать потом.
Руки мои красивые, жертвенные и юные
крепко сплетены ладаница да вьюн.
Мы так смеёмся, смерти не будет будто
прячься под одеяло, идёт бука
личико-то белеется, вот ты где
голая лилия в предгрозовой воде.

этот пальчик доносы пишет
этот сказать не велит
этот глазки выткнет чтоб не глядели куда не надо
этот нажмёт курок за правое дело
а остальные срезаны пережаты
разлетелись по свету одуванчиковые дети
фффффф

5.

бир
икки

уч
турт
бешь

девочки с детскими лицами,
взрослеющие глазами
мальчики со щиколотками тоньше моего запястья
ломкокостные птенчики, прозрачные до оскомины —
на какие ветви повесили
гнёзда в чужой земле?

высохшие венки,
обездоненные колыбели
украсили лбы родных городов.
наше время пришло,
пришло пожинать нас
пора собирать
упавшие в нас
яблоки

Россия га — в России
я шаемес — живу
Узбекистан га я шаемес.
булют — облака
йом гир — дождь
Болит ли лёд, когда тает?
кула — улыбаться, смеяться
ман кулама — смешно
ог реде — болит
Болишь ли ты, просыпаясь?
иссык — горячий
совюк — холодный
таш — камень
огыз — рот
стихи — уменье
двигать слова
язык — это
язык

язык

самая сильная мышца человеческого организма

олты

етты

саккиз

туркиз

ун

6.

Я вышла из стихотворенья,
хлопнув заглавной С.

Руки мои
были красны, как строки.

Я шла на Донецк,
ДнепроГЭС,
сверкающий лес, плёс,
плеск струга, остроги.

Миги — летят — мили,
безропотно и мимо.

Небоходимо.

Небо цветится звёздами:
тюльпаны, герань, полынь —
безудержная полымь...

Когда я стал таким злым?

Когда я стал таким злым?

И вещает дьявол из телевизора пап и мам

и говорит: дьявол там,

там

и там, куда я укажу.

Папа встаёт

и говорит: ухожу,

чтобы ему помочь

рас-сеять смерть и ночь,

два-сеять смерть и ночь,

три-сеять смерть и ночь,

Ты со мной, дочь?

Ну?

я кнут
горячая линия
луч из горячей точки
многоточие
умолчание
порванным знаменем вырванное крыло
слом
геометрии взгляда времени
слов
Я вышел из стихотворенья,
как чистый бес:
имея голос,
но привыкая — без.
Ты ждёшь своего ответа?
Я здесь.

Когда отец уйдёт на войну,
я его оплачу и прокляну.

7. эпилог

Певучим
Прекрасным
Чарующим

-

Ласковым
Утешительным

—

Утишением боли
Слова перестали быть

Отнято столько слов

-

что

-

вот

—

мы

—

пресуществляемся

нашим молчанием можно разбить лица

—

Горе

Вина

Тревога —

Страх

Ненависть

Скорбь

мы доросли до слов, произносимых нами

Война

Нет

если горечь одна бездонна
если только вина всецела
что, моя золотая донна
что бы ты от меня хотела?
что тебе на последней сверке
рассказать о труде и силе?
песни, что никого не свергли
не спасли и не воскресили
кадры, что никому на свете
не вернут дорогого дома:
разве дети, спасибо, дети:
эти правда халва и сдоба
это то, как мне отдариться
удалось за лихие годы:
это стрелы, моя царица,
проливные лучи свободы.
из всего, что мы обнимали,
постигали, любили, пели
уцелело лишь арсенале,
оспедале и сан-микеле —
как в старинных сказаньях, то лишь,
что нежней миража в июле.
говорили, что ты утонешь.
это мы теперь утонули.
ну а ты, моя прима, блещешь
и полна глянцевитым соком
духи изображают вещи
мидии обживают цоколь
чайки наглые, как жандармы
старики веселее юных
и в палаццо журят бездарных,
а в тратториях славят буйных

вся рождественского подарка
вождеденнее и изящней:
и вода стоит на сан-марко
ослепительней настоящей.
хорошо, что ты абсолютна
и стройна, как закон кристалла.
хорошо, что делла салюте,
моя умница, устояла.
как и каждая кампанила,
певчая кирпичная птица
мама очень тебя любила
и надеялась возвратиться.
как посол своих милых мёртвых,
оккупированных, пленённых
я кладу у твоих потёртых
туфель ворох счастливых плёнок,
где мы как дуралеи скалясь,
озираем твои избытки.
хорошо, что мы повидались.
вот тебе их улыбки, вытки.
когда будет мой путь окончен, —
прежде высмеян и оболган, —
я сниму себе тут балкончик,
зафрахтую одну из гондол
оттолкну ее от причала,
лягу выцветшим такелажем.
и узнаю, что там звучало
среди мидий, под бельэтажем.

покуда ты есть ты, кого они убьют?
свой ненасытный страх, свой волчий неуют?
да нет, петлю рванув, натягивают ту же:
еще страшней хрипят,
сворачиваясь в жгут,
еще натужней лгут, а ты пребудешь тут,
неуязвим для них, смеющийся к тому же.

покуда мы есть мы, кого они клеймят?
у нас есть юмор твой, он расщепляет яд,
и правда, и чутье, и праведная ярость.
у нас есть дети, и — попробуй их заткни.
они сияют нам даже в такие дни,
когда мы вмиг одни
и смысла не осталось

кто в рамочке портрет — кто во весь дом мурал.
он заводной мертвец, а ты не выбирал:
ты делал что решил и ставил все что было.
о, кто тебя извел, тот станет генерал.
но разве выиграл тот, кто тело отобрал?
да нет, услышан тот, за кем судьба и сила.

есть неподкупный суд,
есть настоящий суд:
они идут, идут, цветы тебе несут,
повсюду на земле, в ком луч надежды слабый:
позволь тебя обнять и проводить в полёт.
когда вернется свет, когда отступит лёд:
ты будешь облечён
такой счастливой славой.

19.02.2024

да с чем же я борец я просто ну
бессонный очевидец как по кругу
истории ведут мою подругу
послушную разбитую страну

как пропаганда слуховой проход
закупорила как ушная сера
увещевай штабного офицера
начитанный ребёнок дон кихот

скажи ему: вавилов, мейерхольд,

флоренский, мандельштам, кушнир, навалый
и слушай после этот infernalный
сухой смешок на девяносто вольт

ребята мы тут были здесь тупик
здесь братский ров укрытый свежей сплетней
здесь скоро моя мама семилетней
хоронит сталина и прозревает вмиг

ну мы же марс исследуем мы вич
лечить умеем мы на воннегута
росли мы смерти возразить по сути
пришли
— умойся
подпиши
не хнычь

Освобождение от ностальгии

Из цикла «Стихи о постсоветском человеке»

То что происходит в России — лишает
среди других общих и частных потерь —
возможности лирически относиться
к месту рождения детства и юности
испытывать то что в просторечии
называется ностальгией

Гуляя в детстве а потом со своим ребенком
— сирень детские площадки — в парке
у кинотеатра «Ленинград» на Соколе
то есть на бывшем кладбище во Всехсвятской роще
то есть на месте массовых расстрелов
можно было тешиться иллюзией что это
в прошлом

Теперь это часть настоящего
И так было всегда — вопрос только
в проявленности и осознанности
Чудовищность насилия подлости лжи
залакированная нефтяными деньгами
сменила прежнюю бесчувственную заброшенность
безжизненную приглушенность серость вечности
и провинциальность безнадежности

Туда больше нельзя вернуться
ни физически ни в мыслях и фантазиях
если хочешь быть
лучшим что есть в тебе
а не частью этого мира

Но сто́ит заснуть или просто прикрыть веки —

и я снова на улице детства в Замоскворечье или
в безжизненной квартире на краю Москвы над пустырями
после развода с первой женой

А чаще всего — на даче

на веранде или на дорожке под вишнями в саду

Почему?

Это не ностальгия

Я по-прежнему — там

Нет тоски сожаления желания вернуться

Всё вокруг так же реально как сегодня

или завтра

Это тело моей жизни

Освободиться от него?

Из цикла «Пакет с пакетами»

в пакете с воспоминанием:

когда мы приходили в лес,
небо не спеша расцветало
на деревьях, плодоносило
шелестом тех редких слов,
которыми мы, чтобы того
гляди не потеряться, тихо
(по лесным меркам) и так

осторожно обменивались.
когда выходили оттуда на
свет, то ставила этот свет
нам осень, двуногая ярко-
рыжая собака, домашняя,
но с опытом одичания, её
переносная студия после
работы укрылась тонкою
плёнкой инея, и вспышки
были прохладны, и блики
мягки, и голоса рассеяны.

*

в прикладном пакете:

почему не записать в своём
несуществующем дневнике:
сегодня узнала, что уровень
усталости и стресса у крыс,
выяснили некие биохимики
лет пятнадцать тому, после
глочка горячего кофе, вы

не поверите, снижался; как производился эксперимент по доведению до стресса и усталости, кто им разливал горячий кофе и сидел-ждал результата, не рискну даже предположить; но, с другой стороны, если у нас войдёт в привычку таким образом отпаивать кофеом каждую крысу, опыт был полезный.

*

в пакете с одной ладонью:

синопсис: некая ладонь случайным жестом обнаруживает техническую возможность остановки времени и тем самым застывает в положении готовности к прикосновению; лица зритель не видит, но и так понятно: предполагаемое движение должно

было попасть в палату мер и весов как эталон нежности; вместо этого оно остановило время и не помнит обратного порядка микродействий (а подсказать некому), и потому, да, l'amour toujours в прямом значении и самом буквальном воплощении — из всех невозможных, данных нам в ощущениях — или в их отсутствии, раньше временном, а после жеста больше похожем на мел и мрамор.

*

в мелком пакете с эфирными:

наглотаешься обманной небесной
и давай, нарежая круги по морям,
выпрашивать суперспособности,
такие, как (мечтательно, курсив):
расточать ласки эфирным телам
(и слышать в ответ каждый раз):
ну, спасибо, хоть не ментальным.

*

в пакете с наступлением сентября:

запрыгнуть без разрешения на где
стол-был-яств и откусить от осени,
распробовать её горечь, сухость и
теплень, вдохнуть её анаэробный
доппио, чёрный за шёлком пенки,
маленькими прерывистыми вдох-
выдохами; не дожидаясь «брысь»,

уйти дворами, по которым лежат,
как иглы от использованных кем
попало солнечных лучей августа,
обломанные тонкие ветки, далее
не спеша по прозрачным улицам
(ощетинились готовыми лопнуть
каштанам) выйти к набережной
небесной реки, туда-сюда по ней
прогуливаться и петь то, чему не
учат в школе, внутренним своим
вольным слушателям, негромко.

*

в пакете с питомцем:

она у вас не кусается? а кто,
мальчик, девочка? и почему
хвост железный, из-за еды?

сколько она может прожить при должной подпитке? два года, иногда три, но вряд ли предскажешь, заглянув в её

раздельные подслеповатые панорамные гляделки; эй, а что она там делает с книгой, брошенной на горку мусора, выгрызает слова, которыми более нельзя пользоваться, погружена в апофатическое производство смыслов и не нужно её сейчас отвлекать? именно; как вы догадались, скажите же хоть что-нибудь.

КОНСПЕКТ

Вовка был мелкий злой крысеныш
Папаша стремный глаза белые как у психа
Вовка водился с дворовыми
С 12 лет на учете
Впервые залетел по малолетке
Потом выходил садился все мелочи
Ларек прохожие по ночам какая-то драка по пьянке
Взлет посадка взлет посадка
В 1984 в Мордовии ему воткнул в печень заточку
Один башкир

Так Вовка стал попаданцем

Он очнулся в Питере в 1964 ранним утром
Долго смотрел на свои тонкие руки
С обкусанными ногтями
Прикидывал что-то под стук
Ходиков на кухне
Шевелил тонкими губами
Двигал хлебные крошки по клеткам
Клеенки на коммунальном столе

И тут по радио заиграли гимн

Она пишет письмо политзэку:
«Ехала в машине на дачу,
видела там коровку.

У коровки такое вымя!
А что происходит с вами?»

Тело человека отрывается от земли,
делает сальто.

Они завернули каждую чашку в газетку,
положили в крепкую коробку,
только все равно не довезли.

Бери, тут без сдачи —
четыре сольдо.

Города-побратимы

Это законы физики:
даже на высокой скорости
движение обратимо,
а время — необратимо.
Осинки, березки, вязики.
Я раньше жила в одном городе,
а теперь живу в его побратиме.

Город-побратим — собирательный образ, но
сюда переехала, кажется, вся моя область.

Книжка в мягкой обложке,
анальгетики, но-шпа,
была еще кошка, теперь она умерла;
вода, перекус в дорогу.

Ангел на здании миграционной службы
вздымал два крыла
полукругом.

Знакомые буквы в бессмысленных
комбинациях, иногородцы безлицые.

Сам город красивый: цирк, зоопарк, банкомат,
международные платежи,
почта, обменник.

У меня тоже был брат, теперь его нет
(но он жив, жив) —
только племянник.

Племянник считает, что «нет войне»,
поэтому иногда звонит.

Мама выгуливает сына,
во дворе продают патиссоны
с оранжевой кожицей.
Лежат, красуются —
а двор даже похож на наш, если с улицы.

В этом парке с утра сыро
и как-то сонно,
на скамейке написано
«Осторожно, окрашено»,
кажется.

Маруся Сердцебьонцева

для своего внука и его сверстников,
которые родились в 2023 году,
и для их родителей,
которым их тетешкают во всем вот этом вот

Потешки наших времен

Люли-люли-люшеньки,
Девять лет Илюшеньке.
Восемь лет Наташеньке,
Путьке – а-та-та-шиньки.
Ложечки да вилочки,
Семь годков для Лилечки,
Двадцать два Ивашке,
Путьке дам нанашки!

Котя, котенька, коток,
Котя, рыженький хвосток.
Приди, котя, помогать,
Злого Путьку прогонять.
Котя веничек возьмет,
Путьку в угол заметет.
Чтобы наших малых деток
Не расстраивал прилет.

Баю-баюшки-баю,
Все хорошие — в раю,
Не ложися спать у стенки,
К стенке рано — зуб даю.

Баю-баю-баиньки,
Вата-вата-валенки.
Кремлеботов мы забаним,
В баню ваши баенки.

Ути-ути-утенька,

На экранах Путенька.
Мы настроим впн,
Путеньке — фигуренька.

Мишеньки да заюшки
Скоро будут баюшки.
Злого Путьку мы прогоним
Навсегда. Гуд-баюшки.

Ой-ли-лей, ой-ли-лей,
Путьке насуем люлей.
Не ходи в чужие земли,
Не расстраивай людей.

Ай-ли-люх, ай-ли-люх,
Всыплем Путьке пендалюх.
Полетит быстрее ветра,
Выше всех своих стерлюх.

Ай-ня-ня, ай-ня-ня,
Дам полцарства за коня.
Пусть на нем уедет Путька,
Пред собой Шайгу гоня.

А тыр-тыр, тыр-тыр, тыр-тыр,
Путька тянет за кадыр.
Ты не трогай свой кадыр,
А не то сотрешь до дыр.

Оппа-па, оппа-па,
Путька ставит на попа.
Сам стоит на трех попах,
И один из них в папах.

Оппа, оппа, оппа-пы,
Нафуняли нам попы.
Мы окошко приоткроем,
Чтоб повыветрить скрепы.

Ручки-потягушеньки,
До Пульки дотягушеньки.
По лбу — бом, по лбу — бом,
Развалился путькин дом.

Бу-га-га, бу-га-га,
Злого Пульку ждет Га-га.
А хорошим Ванечкам
Достаются прянички.

Гуси-гуси? Га-га-га!
Где там прячется Шайга?
Как ни широка тайга,
До Гааги два шага.

Кто-то красное бордо
Льет на белое пальто.
Обуваясь, крутит сальто,
Словно в цирке-шапито.
Кто-то белое манто
Садит в черное авто.
Мишку на пол, Зайке лапу.
Мы читали у Барто.

Ай, курлы, курлы, курлы.
Мы устали от урлы.
Мы их салом по сусалам!
Раскурочим их мурлы.

Ай, курлы, ай, курлы,
Пулька понабрал урлы.
Тут мы их за причиндалы
И обратно в кандалы.

У-лю-люшки, у-лю-лю,
Злого Пульку обнулю.
Обнулился Улюкаев —
Очередь всему Кремлю.

Ай-лю-лю, ай-лю-лю,
Я вам башни обнулю.
Мы опять начнем с нуля,
А вот так вот — вуаля.

Ты, Гундяка, не гунди,
Мою ляльку не буди.
Свою гадкую губеху
Намотай на бигуди.

Свет наш, Золотце, скажи,
Да всю правду доложи,
Кто в Кремле их всех подлее?
Всех упрямее и злее?
Чем от Курска и Орла
Занята твоя шобла?
Сколько вы уже втянули
В ростгвардейские дела?
Отвечали мне в Кремле,
А чего б не жить во зле,
Каждый вечер нам приносят
Крем-брюле на вертеле.

Ай ты, Вайночка-Вайна,
Ты глумлива и гнусна,
Всей стране мозги промыли,
Не твоя ли в том вина?

Ай ты, Шаечка-Шайга,
Твое место у ларька.
Выводи, покуда целы,
Непутевые войска.

Гуси-гуси? Га-га-га!
Жить хотите? Да-да-да!
Сдайте Путьку в Га-а-гу,
И чтоб больше ни гу-гу.

Мы забудем про Вайно,
Про унылое говно,
Мы напишем в штаны,
Чтобы не было войны.
Не гони, Вайна, войну,
А не то пойдешь ко дну.

Мы Скабеек-Соловеек
Отошлем на Соловки.
Мы Скабейкам-Соловейкам
Поприкрутим фитильки.

Мы Лаврушку да Патрушку
Настрижем на ремешки.
Мы Лаврушке да Патрушке
Перемелем потрошки.

Кириешке да Нарышке
Мы пропишем порошки.
Матвиешке да Лукошке
Учиним отвал башки.

Ай, бе-бе, бе-бе, бе-бе,
Вы сидели на трубе.
Перекроем вам трубу,
Мы вас видели в гробу!

И Гундяка, тили-бом,
Выбивал прощенье лбом.
А Захарка, в чем была,
Шмыгнула за купола.
А Лукошка — вот же фан,
Заховался в картофан.
Салом смазался Кадыр,
Да и бухнулся в тандыр.
А Патрушка лапочка,
На всех у него папочка.
А условный кремлебот

Запечатал глиной рот.
А Кабаечка без струн,
А кабаечник свистун.
Медвежутка буль-буль-буль,
Колокольчик дин-дин-дин,
Страшно, страшно поневоле.
Огребешь за всех один.
Чурики-чурики,
Путьке – окачурики.

Оп-па, оп-па,
Бубёна кочерыжка.
Как заварим этот суп,
Тут им всем и крышка!

В этом доме...

В этом доме снились люди,
днём и ночью снились люди,
снились словно и не люди,
словно овцы на погосте,
только волки не дремали,
становились сны короче,
а в один прекрасный год
перестали сниться люди,
стали сниться только волки,
только волки на погосте.

15 февраля 2024 г.

На дне колодца

На дне колодца стало пусто, как при дворе,
где люди в чёрном ищут фаворита,
пока заплаканная фрейлина
перебирает украшения из гагата
для вдовы, что в малом кабинете
с министром обсуждает,
во что ей обойдутся:
Château Lafite, уха из осетрины,
чёрный штоф, печатанье билетов,
пока лакеи обсуждают порядок блюд.

16 февраля 2024 г.

Читая антологию американской поэзии XX века

37) 38)

и на подкорке — тундра, сосны —
падая задевают за тусклый свет,
холод — спят штабелями,

нижний ярус редко доживает до утра,
тела тут же сбрасывают с обрыва, живые,
выработав ресурс, перемещаются в мёртвые;

классово-близкие политические коммуналы в скитах,
«каэры», урки, беспризорники, проститутки разбросаны по
всему острову.

Шестнадцать.
А так по три, по четыре.
Слоями.

Вид с Секирки мало чем изменился за последнюю половину
тысячи лет,
лиственные породы потеснили выработанные промысловые
хвойные.

Вовремя вспоминаю, что это
антология американской поэзии,
что цифры здесь лежат на поверхности
и живут они непринуждённо до неприличия долго,
иные просто перевалили за восемьдесят и девяносто.

1941–1945:
бумага нужна для агитационных плакатов, меньше печатают;
кто-то попал под борьбу с космополитизмом.

Пьянство, смерть в приюте для бедных,
больница для умалишённых, самоубийства.
Несколько примиряет.

Строка получается более густонаселённой,
не надо так громко кричать, чтобы быть услышанным.

Июнь 2023 г., Соловки.

Херонейский лев

*Некоторые утверждают, что отряд был
составлен из любовников и возлюбленных.*

Плутарх. «Жизнеописание Пелопида».

*In the story of Patroclus no one survives
Louise Glück. The Triumph of Achilles.*

Триста фиванцев
кому-то шёл семнадцатый год
и пух едва покрывал ланиты
кому-то было за сорок и кожа
выдубленная солью Эгейской пучины
скрепляла чеканные лица
как брусья гоплона

*Любящий не побежит, —
за любимца сражался
как Ахилл за тело Патрокла
как лев*

Священный отряд лёг поголовно
в битве при Херонее
под натиском конницы
македонского львёнка

Не стало Эллады
любовь не живёт в темнице

Над могилой
ста пятидесяти пар
поставили
памятник

Лев

без надписи

О любви

могут знать
только двое

2 июля – 30 ноября 2023 г.

Эолова арфа

Печальная страна вокруг молчит
Гавриил Державин. «Персей и Андромеда».

Неуловимая музыка трепыхалась, как пламя свечи
или как перелётная птица над утраченной атлантидой;
столбы стеклянной пыли дымились в пшеничном растворе
солнечных лучей,
превращая руинированные стены в театр прозрачных теней.

Улицы были усеяны листвой несуществующих деревьев.
Песок извивался по изумрудному газону, как голова мёртвой
змеи.

Ключки истлевшего меха топорщились на полированных
костях.

Всё скособочено и держится без гвоздей,
одного столба хватает на два забора,
как одного глаза.

- - -

У них были стеклянные души,
глаза-пуговицы и васильковые хоботки,
окрестные дети были от них без ума.

Однажды подул ветер,
они не знали, как поступить,
один из них поднялся и сказал:
(свет из распахнувшегося окна
делал его мохнатые ушки
похожими на дольки апельсина):

«Ветер приходит и уходит, переждём,

а там, глядишь, опять упадёт звезда».

Никто не стал спорить и даже
не поинтересовался, откуда ему это известно,
да и ветер не валил заборы, не выл, наоборот,
наполнял всё прелестной музыкой.

Музыка становилась всё чудесней,
как будто невидимый оркестр каждый день
пополнялся новыми музыкантами.

Март – апрель 2024 г.

Джунгарские Ворота

Между Тибром и Евфратом
среди пальм и кущ,
среди пенья райских птиц
на солнцепёке
серый дельфин
цедил мохито,
другой семенил
по мелкой гальке
и что-то шептал,
было видно,
что это что-то
не оставляет его ни днём...
но здесь нет ночи,
и было видно,
здесь всегда всё видно,
что, сколько бы он ни шептал,
это что-то не оставит его...
но здесь нет никогда.

Было скучно и душно
между Тибром и Евфратом,
только не райским птицам.

И вот один стал вспоминать,
как в водах Бискайского залива

он резвился в окруженье
весёлых друзей и прекрасных подруг.

Стал другой вспоминать о том,
как будучи ещё совсем юным
повстречал её —
необыкновенную с голубой кожей,
она была старше и едва его замечала,
даже имени её он не знал,
но помнил, как отражалась её коралловая улыбка
в ветвях изумрудного рифа.

Он искал её по всем океанам,
морям, даже заплывал
в пресноводные реки;
позже он слышал от какого-то морского конька,
что сошлась она с кувшиннорылым афалином
и что где-то в водах Бискайского залива
её переехал катамаран.

И было видно, что второму,
а здесь всегда всё видно,
стало совсем душно и тесно
и несносно в этом раю,
и когда он взмолился,
чтобы его отпустили назад в синие воды,
а если и этого ему нельзя,
чтобы погрузили на самое дно,
где ничего нет, кроме скал,
и через Джунгарские Ворота дует Ибэ,
это никого не удивило,
кроме райских птиц
и того серого дельфина.

XVIII

Мои руки целует клоун в золотом камзоле,
он уверяет, что влюблён в мои длинноты,
он, словно тень, преследует меня по утренней прохладе

и стоит мне замедлить шаг,
как он,
откинув треуголку и оголив брабантских кружев прядь,
спешит проделать реверанс.

Я не люблю его, но, несмотря на это,
он ходит, словно тень, за мной, он уверяет,
что только я умру — он завладеет телом,
и даже гроб купил на мелких колёсах,
и каждый вечер будет вывозить на променад.

Он только ради этого живёт — он ждёт,
когда ему достанусь, и я не против.

Сентябрь 2023 г., Венеция

Темно

Мимоходом только глянула в окно,
И я понял, что люблю её давно.
Иннокентий Анненский

Темно. Не разобрать лица
прохожего,
мерещится,
как киноплёнка,
ветер,
тапёр играет до-диез минор.

Блеснула папиросой прядь белая луны
лишь на мгновенье, и снова тихий ропот.
Стихло.

Кровь схлынула в песок по плотным листьям гиацинта
тик
так
как гирьки
на весах
как маятник
п/р/охо

ещё
железо фонаря
сочится сквозь ладони
ливнем
ноги
лицо как тлеющая плёнка
рдеет
ветер
стихло
и можно заново

жить

Скрипит, как снег, но только душно, так душно — что беги.
Переставляю, словно блики в китайском фонаре. Не убежать.

Насквозь сырая древесина,
следы из потемневшего песка ведут обратно — в густоту

волны

17 сентября 2023 г., Нью-Йорк

Я заходил в комнаты

Можно ли писать после после?

Я заходил в комнаты, где ничего не было, кроме страха
и запаха сердцебиения, я летал в Париж, чтобы его не видеть,

но, чтобы видели меня, я ходил по улицам города,
в котором когда-то жил и полгорода ходило за мной следом,
как тень

за предметом, меня запирали в библиотеке без книг
и выкачивали воздух, вместо диких зверей запускали будущих
докторов

философских наук, каждый вздох, сердцебиение записывались
на диктофон,

как интервью маньяка, и наказывались, как малые дети
детьми постарше.

Я раскололся, я стал безъязыким. Но я остался, ибо даже в
смерти мне
было отказано — в заложниках тоже были дети. Мои сны
заполнили
пустотой, я рвался, и подо мной ничего не было, и только
хмурое утро
прерывало падение. И всё начиналось заново. Всё это длилось,
длится...
Я живу после, после освенцима, после после, странно, что
я

Синева

И когда утомлённые мучнистым как глаза утопленника
солнцем мёртвые
отольются в синеве сомкнувшегося горизонта
и нельзя будет отличить неба от воды и даже
от солнца и из всех цветов останется только лазурь
ничего не изменится
просто мёртвое с мёртвым станет говорить на одном им
мёртвом
но таком понятном
языке
ничего не изменится
ничего

Ладожское озеро

Медуза и Грюнир

(Из эпоса о Финике и Харитоне. Записал Грюнир)

«Грюнир,
Глазки — оранжевые фонарики,
Сам чернobarхатный,
Как мама Нюкта,
Посмотри-скажи,
Я ли это?
Найди признаки».

ГрЮнир,
Глазки — оранжевые фонарики,
Сам черно-бархатный,
Как мама Нюкта,
Наклоняется, смотрит с сомнением,
Палочкой тычет,
Хрюнькает,
Осторожно предполагает:

Вроде ты это, моя Медуза.
Вижу на просвет печальный анамнез —
Древний возраст нежный,
Подлости божественные и гадства,
Остальное известно.

Вот и змейки твои на месте, шипят и вьются,
Висюльки фиолетовые холодеют.
Но я главных признаков, Медуза, не вижу:
Где сестро-братья мои,
Харитон и Финик?

Тут она отвечает ему чистойшей прозой:

«В начале Великого Паскудства они бегали по квартире с чемоданчиком, а потом пропали. Я думала, уехали в Израиль, и радовалась.

Один Финтик остался по хозяйству — ответственный, тощий, с синеватым рыльцем. А сама я лужей печальной спала в прихожей. Но вот однажды открываю гардероб — а они сидят на подушке, на летних моих шортах и футболках, почему-то в ковидных масочках, и глазки красные. Я говорю, как же так, почему вы столько времени здесь сидели? Прятались? А они в ответ, да ты сама нас сюда запихнула... И расплакались».

И что тогда? (это спросил Грюнир)
И тогда (а это уже Медуза)
Я достала их из гардероба,
Прижала к груди моей студенистой
С висюльками фиолетовыми,

Накормила их отборными желудями
И создала им аккаунт
Для занятий тайных,
Дел подзамочных,
Еще непонятней, чем прежде.

О, выдыхает Грюнир,
Вот теперь говорю, что вижу:
Ты моя большая Медуза.
Давай уже, давай, разожмурься,
Посмотри горлом,
Скажи глазами,
Посмотри и скажи глазами и горлом.

И я стану камешком веры.

(июль '23)

причиталочка Финика

ах куда ж мы тропочка-
апропопочка
ах подале от магистрали
где мы давеча играли

и ты майн кот

милиционер сережа
пора! пора!
бежи за мною тоже

вот сапоги тебе
вот нимесил мне в руку
нам нету сил
нести чужую руку

(осень '23)

песенка Харитона

по чистому полю
на вольную волю
гуляет-играет подполье

в полях елисейских
есть норки-лазейки
мы здесь их зовем елисейки

пройдешь — и в клубничных
полях безграничных

а что в них хранится
вам правильно снится

(осень '23)

медведко

перегной, не за мной, перегной
стрекотанье заброшенных вышек
а на Троицу хуже стрекочут
распрягай. сопрягай, сопрягай

я да шишкин родной
дюссельдорфской школы иван
мы пора? отправляемся в путь?

позабудь. не забудь, не забудь

к черной туче приладить вайфай
в черной чаше на лапе поправить капкан

о Ловец полу-мишек без доньев-покрышек,
я с тобой, ты со мной, будь со мной

(Троица '24)

+

о, покровительница благая Схакеспеаре,
что по небу плывешь без руля и пиаре,
о, явившая нам по паре
всякой дряни в ине и яне,

пойду ль да на минуточку выйду ль из леса,
погляжу, как там шотладская пиеса,
не дают ли уже билета.

а тебе-то чего не надо ль?

только не трогай падаль, учит Схакеспеаре.
мне, пожалуй, крепкого шибболета
и последний небезызвестник,
где о пожаре
в Глобусе.

(лето '24)

+

Поди проверь, еще ли в нашей власти
Валяться поперек проезжей части,
Внутри пророчества тускнея сиротливо,
Без сна и отдыха, прикорма и полива.

Деревьям нужен плед, полив, прикорм,
И стол, и конь, и блед, и град, и шторм,
А бревнам только неусыпный worm
(По-русски будет червь зубастый, вёрм).
Он солнце-фарами над дикой головой

Мотаает и кривится, сам не свой:

Бревно Бирнамское, лежи, тошни, сипи.
Лагай, лажай, не спи, не спи, не спи.

(лето '24)

+

дар подражательный
скоросшивательный
крепкодержательный

не оставляй меня — как я одна-то?

да посмотрим —
патолого бормочет анатом.
да, посмотрим —
некто ему отвечает.
воскресенья распоротых чаает.

(лето '24)

+

хорошо что я никто
да и звать меня никак
и мой домик тетрапак

а не то бы
я от злобы
лучше вам не знать чего бы

(лето '24)

+

здесь на светлой стороне луны
пели-шелестели солонцы
и отточие

мы играли добывали ци

из полыни
нам сгодились матери в отцы
и отныне

вы смотрите только со спины
и отточие

а потом заплакал небосвод
распороли мне лица живот
и отныне

(лето '24)

+

как на Брянском на вокзале
расселись собачьи дети,
стали вместе сидети,
шептати, дудети
в предвкушенье оказии
на площади Евтаназии,
чуть-чуть серендипити,
чтоб чок-чок да и выпити
во-дички

подходите, всякие дети,
станем вместе сидети
по-детски, по-хамски,
по-симски, по-мамски,
по-иафетски
сидеть станем,
шептать в бороду,
дудеть упорото
миру и городу
миру и городу

(лето '24)

+

Киник мой Диоген,

Финик мой Харитон,
Внутренний человек.

Дверку пнут — а там кенотаф,
Кучка камней и трав
И конфетка.

Сапог отшибли, а ты
Раз — и наружный.
За левым плечом,
За правым плечом
Со Stollen-ом
И Kunstwollen-ом.

(сентябрь '24)

И БОЛЬШЕ НИКТО НЕ УМРЁТ
КОМАР

Ветер бьётся в закрытую дверь
Под дождём остывает закат
Я на кухне жую огурец
Прямо с попкой, мне лень отрезать
Между окон таится комар
И на нём замирает мой взгляд
Ну и кто тебя создал, скажи?
Неужели наш маленький бог
Что живёт и везде и нигде?
Открываю окно комару
Угощаю собой комара
Фонарей еле видимый свет
Растворяется в шуме дождя

КОМА

если не эльфы и гномы, то всё-таки кто мы?
суть, точно плёнка, проявится потом на лбу.
плюну. забуду. сверну до республики комы.
в поле построю избу, заведу марабу.

буду кормить его кашей,
назову Аркашей.

быт минимален, а вид из окна лиминален.
хочется. колется. будто сверчком в кулачке.
жить бы как в фильмах, что снял для меня Вуди Аллен.
с шуткой в заначке и звёздочкой в чёрном зрачке.

полночь в зарядье, и вакуум в нашем замкадье.
я распадаюсь в избе на хаха и хихи.
по небу бродит пернатый лунатик Аркадий.
пишет стихи.

Я ХОДИЛ К БАБУЛЕ КАЖДУЮ НЕДЕЛЮ

я ходил к бабуле каждую неделю
мы делали домашку по русскому
языку
литературе
математике
между чем-то
из этого
она кормила меня лучшими
на всём белом свете
блинчиками с мясом
настолько вкусными, что
я забывал об уроках
на глазах выступала весна
а там и лето, земляника
у бабушки в огороде
пчелиные домики за заборчиком
пластмассовые солдатики
я уплетал блины
волга затекала в уши
взгляд закатывался
за облака

бабушки не стало в 2020 году
пандемия
а затем война
пластмассовые солдатики
вылезли из своих пластмассовых
братских могил
встали у моего дома
стучат костлявой пластмассой
в мою дверь
вступай, говорят
в наши ряды
блины готовы
весна пришла

С СЕРДЦЕБИЕНИЕМ

Этим утром, как золото, как маасдам, молчат о своём коты
Над моим Салаватом горит звезда, ей скорее всего кранты
Во сне упади, под подушкой себя найди
Там шумно в груди и закатом разлит парадиз
Зажмурься, чтоб он не утёк, и дави на газ
Там в небе расцвёл императорским цветом топаз
А голые веточки рвут горизонты, как молнии
Но в целом нестрашно, мы не гордые, сошьём новые
Сгорают кометы, по капле растёт алыча
Прорастают склады из молочного кирпича
И сига в моих зубах восстаёт из дыма
Зачем людям берег Батуми и земли Крыма
Зачем панорамные окна в клетке у горлицы
И даже если (не если, а когда) наша лафа закончится
Рисуй её, лафу нашу, чернилами-невидимками
Солнечными зайчиками, тающими с карниза льдинками
Перелётными птицами, их предрассветным пением
Чтобы сияние снилось, такое, чтоб с сердцебиением

ОНА НЕ ПОЯВЛЯЕТСЯ ПРОСТО ТАК

Мышь, которая шуршит за плитой
Не появляется просто так
Она неуловимая
И настолько лёгкая, что
Не попадает в гуманную мышеловку
Которую поставил человек
Отчего с лёгкостью забирает приманку
Промасленный хлебный мякиш
И не умирает
Ведь человек, как и мышеловка
Тоже гуманный
Человек устал ловить её
Он больше хочет просто
Увидеть её ещё раз
Он даже дал ей имя
Тимофей

А мышь заползает к нему в кровать
Пока он спит
Ложится у самого его уха
И шепчет
Не давай мне имени
Я есть неуловимая свобода
Свободу нельзя переименовать
Ты тщетно пытаешься поймать меня
Но меня надо выгрызать с мясом
А ты гуманный
Меня надо застать врасплох
Забетонировать пути моего отхода
Убить как жертву ритуала
Предать огню газовой конфорки
Твоя свобода начинается там
Где кончается моя
Не надо со мной сюсюкаться
Не давай мне имени
У свободы нет имени
У ветра нет имени
У ярости и любви нет имени
Оно есть только у рабов
Мне оно ни к чему

Человек просыпается
В 8:30 утра
Долго лежит и
Смотрит в потолок
Чистит зубы
Одевается
Садится в метро
Приходит в офис
Нехотя вдыхает
А коллеги у него спрашивают
Ну что, Вась, поймал?

МЫСЛИ ТОЛЬКО О ЕДЕ

саблезубый расстегайка

расстегает расстегай
у него в кармане айкос
а в наушниках замай

чиканутый почемучка
почемучит почему
вдруг над ним сгустились тучки
отправляют на войну

бородатый бородавка
почемучку расстегайку
отправляет по контракту
далеко и навсегда

бородатый бородавка
как на шею нам удавка
приставучая пиявка
наша общая беда

саблезубый расстегайка
утопает в блиндаже
залезает в дуло танка
превращается в драже

чиканутый почемучка
убегает по реке
повисает на колючке
превращается в беккен

бородатый бородавка
люди гибнут в бороде
крови соус кисло-сладкий
мысли только о еде

ТВЕРЬ

хочешь нет, хочешь верь, я спокоен как дверь
как уйду, ты запри — я поехал в Тверь
год без секса и отпуска, всё как в бреду
я уеду, оставив белиберду

я уверен, что белые тучи поместятся в рюкзаке
и доесть можно соль этих дней, если знать, за кем
я оставил в шкафу свой доспех, ты его померь
в нём ты блеск ручейка, вдоль которого теплится Тверь

и сгущается Дуче, кажись собирается deutsch
никаких «до свиданья», ведь ты мне почти что как дочь
я с такою тобою до ручки дойду, семена
и к утру распадусь на подсолнечные семена

И БОЛЬШЕ НИКТО НЕ УМРЁТ

мне сегодня снился странный сон
будто солнце отказалось сесть
за горизонт
застыло над кремлём
и говорило
люди всегда сражаются днём
а погибают
во тьме
я не сяду и
больше никто
не умрет
потом пришли космонавты
скрутили солнце
и посадили

Бог приедет в старом Мерседесе
Бог приедет в старом Мерседесе,
Узнать, как мы здесь живём,
что творим на этом свете,
Кого любим, чего ждём?

Он спросит по-отцовски нежно: дети,
как вам здесь, хорошо?
На третьей от Солнца планете,
Для вас сотворил Я её.

Мы не найдёмся что Ему ответить,
Мазут стирая с почерневшего лба,
Мы нефть качали с Божией планеты,
За нефть воевали с пеною у рта.

И глаза отводим стыдливо,
Забыли все патриотические слова,
Здесь было так хорошо, красиво,
А остались — нефть и война.

Вот что сотворили мы все вместе,
Он увидит и не скажет ничего,
Бог уедет в старом Мерседесе,
А приедет ли ещё?

17.05.2024

Край моїх розбитих мрій
Край моїх розбитих мрій,
щочоці мимоволі сниться,
море, рідний дім, столиця...
А втім — яка тепер різниця?
Тебе давно пожер вже Вій.

Останнє посланіє любови,
Підпало під численні заборони,
Вночі шука ворожі дрони,
Рано — палаючі дитячі стони,
Захлинаються від крові.

Не чути моря солоного,
Підірвалась на міні надія,
Й згасла моя ностальгія.
Тліє жовто-синя мрія,
З присмаком червоного.

Інстинкти древнії, ображена ти будиш:
Мир — це війна —
ця формула давно відома,
Свобода — рабство,
навіть у себе вдома,
Правдою — брехня,
ухвалена в законах,
Ненавидиш — а значить більше любиш.

Отруений дощ заливає нам душу,
Хто був нічим, умить став всім,
Дотла спалив ненависний той дім,
Що був чужим, а став тепер своїм.
Ненавидіти не хочу, але мушу.

Проклянеш, забудеш, але знай,
Останнім істини розбитим дзвоном,
Неписаним історії законом,
Хто вбив дракона — сам стає драконом,
Розбитих мрій моїх єдиний край.

23.07.2023

Я устал от ваших флагов
Я устал от ваших флагов,
Одностайности военных парадов,
Мне надоели все эти цвета,

За ними жадность, пыль и суета.

Мне нужен свежий ручей,
И чтобы он был ничей,
Но всем дан цветастый покров,
И воду здесь обагрила кровь.

Я искал живые глаза,
Но все глаза обратились в цвета,
Каждому — оттенок всеобщей лжи,
Нас всех настигла катаракта души.

Хотел найти где чистый свет,
Но здесь его и в помине нет,
Сапоги, автомат, молот да серп,
Солнце давно заменили в герб.

Пытался вернуться к тебе —
Спасаясь от пуль, лежу на земле,
Мы по разные стороны баррикад,
Но у всех нас общий самодельный ад.

Февраль 2023

808

Во дні чергового царя,
За Україну воювали,
І як один усім народом стали,
проти лютневої навали,
І говорили правильні слова...

Та час повзучою рукою,
Вбиває все, й не до покою.
Літає смерть над головою —
Вісімсот восьмий день війни.

І вже немає юродивих,
І не залишилось сміливих,
І в тих лісах, колись цнотливих,

Ходити за-бо-ро-не-но.

А той народ, колись єдиний,
Тепер один в усьому винний,
І з європейської родини,
Йтиме він один на смерть.

Не дочекались Вашингтона,
З новим і праведним законом,
Для нього стали полігоном,
Прости, Тарасе, все було дарма.

Не обнялись брати твої і сестри —
дарма просив, дарма благав,
Ти б й зараз їх усіх впізнав,
І слова б ті самі їм казав,
Але... не допомогло б.

Бо грязь Москви, варшавське сміття — їхні пани,
Посивілі патріоти, псевдогетьмани,
Ми самі в ті самі ліземо кайдани,
За двісті років ніц не віднайшли.

Революція гідності, нова українська надія,
Європа, безпідставна наївная мрія,
Корупція, лютий, злочинна атака росії.

Тривога. Війна. Дитина щосили втікає,
Минуле було. Майбутнього, боюся, немає.

11.05.2024

Мне снились волны
Мне снились волны
В синем море —
Омывали наше горе,
Не оставив больше боли,
Только волны, только волны...

Мне снились волны
В океане,
Возвышаются над нами
И, сливаясь с небесами,
Так огромны, так огромны...

Мне снились волны
Над Европой,
И вершушки небоскрёба,
Под водою этого потопа,
Уже все полны, телами полны...

Мне снились волны.
Под волнами
лишь кусочки мелкой стали,
И не слышен под цунами,
Грохот молний, грохот молний...

28.04.2024

Кількість загиблих зроста
Кількість загиблих зроста
Чи-то спочатку такою була?
Чи ми забули правильні слова?
І не можемо згадати...

Кількість загиблих зроста —
Пишуть телеграм-канали,
Кинулись зграєю — шакали,
Мов тільки того-то й чекали,
Запах трупів спалених дотла.

Підписатися.

Кількість загиблих зроста —
Повідомляють західні партнери,
У них складні політичні схеми,
Тому виникають певні проблеми,
І виборча кампанія ще не пройшла.

Вибачте.

Кількість загиблих зросла —
Говорять наші дипломати,
Дипфронту відважні солдати,
Вірні сини Батьківщини-мати,
У них як раз заміна посла.

Фуршет.

Кількість загиблих зросла —
Говорять і пишуть усі і усюди,
Цифри летять нізвідки в нікуди,
Але ж «загиблі» — це люди. Люди!
Та кому потрібні ті слова?

Знову вибух, трупи, новина.
ТСН і Реальна Війна,
Європрава і Труха,
Кількість загиблих знову зросла.

Підписались?

Кто-то в башне,
Кто-то в поле,
У кого-то сорок бед.
Нет у жалости неволи,
А у горя воли нет.

июнь 2022

Ждать,
Думать, что ничего не случилось,
Видеть,
Как слипаются ресницы
Маленького ребёнка,
Переставать надеяться,
Автоматически ориентируясь
На лучшее,
Забывая о прожитой жизни,
Потому что всё бесполезно,
Брать ребёнка на руки,
Выходить на свет,
Чтобы попасть под обстрел
И больше не ждать
И не переставать надеяться,
Потому что уже нельзя
Перестать.

июнь 2022

Беженцы 2

Летом муж погиб.
Снаряд прилетел в траншею.
«Я видела, как плывет кит
Около нас, на Шпрее», —
Оксана врачу говорит
В берлинской психбольнице.
Или ей это снится?

«Зашейте мне рот,
И я буду молчать».
Оксана — беженка.
Детей у нее нет.
Она говорит, что — пять.

Мужа привезли в гробу.
«Пустите меня, я могу
Его снова сшить!
Он будет жить!»

Люди её отвели от могилы.
«Он же простынет!» — кричала.
Теперь она в Берлине.
Диагноз — шизофрения.
«Кит у причала».

Кровавый каравай.
Отламываю корочку.
В кровавом платье невеста.
Белое под красным.
Красное на белом тесте.
Крошки на выжженной земле.
От ствола дерева
Остались обрубки:
Торчит, как чёрный перст,
Напоминающий о зле.

Канитель чёрных листьев
На голубом небе.
Солдат не знает украинского языка.
Он здесь раньше не был.
На зелёном лугу железо.
На свадьбе горе.
На горе — русские танки.
Чёрные в жёлтом море
Несжатой пшеницы.

Я теряю слова.
Я теряю дар речи.
Зажигаю свечи.
Чья это голова?
Лик — божий или человеческий?
Время рассекречено.
Всё — миг.
Миг — вечность.
Слово сейчас одно — Krieg.
Это — война.
Средоточие бессердечия.
Я немею от ужаса зла.
Бессловесная,
Будто на вече,
В толпе — одна.

Амнезия

Впервые с детства
Я хочу заболеть.
Я хочу локальную амнезию —
Это когда забываешь один какой-нибудь навык
Из приобретённых.
Я хочу забыть, как бояться.
Нужно ли мне для этого
Сорок лет ходить по пустыне
И умереть через сорок лет?
Кому-то хватило тридцати трёх,
Чтобы стать свободным.
Кому-то не хватает двух тысяч
Двадцати четырёх,
Чтобы взять пример.
И как это долго —
Две тысячи...
Почему-то лет, а не мошек,
Не их, которые залетают в горло
На слишком радостном вдохе,
Оставляя после себя солёный вкус смерти.

Мы поедаем мошек,
И мы живём вместо них,
Как советуют,
Каждый день, здесь и сейчас,
Как говорят, «на полную».
И видим, что мир цветёт и дышит,
Что он ярок и светел.
Но апокалипсис был
Тогда, в две тысячи двенадцатом,
И мы все давно мертвы и недвижны —
Иначе зачем нас так призывают жить?

Мы мертвы чуть больше двенадцати лет,
И это совсем не страшно.
И мы привыкли.
Смерть можно просто перетерпеть.
Какие-то сорок лет — а потом очнуться
Чьей-нибудь смелой внучкой.
И она больше не будет бояться,
Потому что страх её бабушки
Останется в строчках просроченных новостей
И давно безымянных портретах.
И она пошлёт Моисея на все четыре
Или даже на три
И уйдёт из пустыни одна,
Сжимая в ручке
Заветную пустоту забвения.

ЧАСТИЧНО

На частичные войны
люди ходят частями
частично мобилизуются
и также всегда возвращаются
целыми и сохранными
частями.

В частичную эмиграцию
ну то есть временную ну посмотрим
до лучшего
люди тоже отправляются по частям
отдельными чемоданами и
бандеролями
а потом собираются или совсем
рассыпаются.

На родине у всех них любимые
тоже частями
там и тут
в себе и отдельно
живые и мертвые
в течение дня.

Но люди на родине
однажды всегда собираются
в большое рукастое тело
из частей иммигрантов и
мобилизованных
живых и мертвых
чемоданов и бандеролей
без исключения
собираются.

У нас нет дороги назад.

ТОНКАЯ КРАСНАЯ ЛИНИЯ

Когда мне было примерно шестнадцать
Я как и все смотрел и вел тамблер
И однажды я увидел фотографии пожилых женщин
Которые всю свою жизнь были вместе
Я запомнил их строгие блузки и шерстяные юбки
И другой вестиментарный мир в кадре
И я им невероятно сочувствовал,
потому что две смелые женщины
Всю жизнь отстаивали простое но кулачное
право свободы
В своих строгих блузках и шерстяных юбках.
И я вспомнил забытый фильм Тонкая красная линия.
Про солдат уже забытых войн умирающих ни за что.
И в этот момент я подумал
что нет разницы между бытовым сопротивлением и военным.

Все мы немного солдаты.
Но никто не должен быть воином
Люди должны носить свои строгие блузки
или звездами расшитыми стразами
Как они захотят
И никто не должен бороться за право
Жить с тем, с кем он хочет.

Недавно я чувствовал,
Как по телу проходит тонкая красная линия
Я не мог понять и проснулся она как-то болела
Между мной и еще кем-то.
И потом я понял
Что эта тонкая красная линия
Как в том военном фильме
Это то что нас уже не отпустит
Это шрам на нас всех
И будут же прокляты те, кто нам это придумал.

общий совет: не смотри назад,
прошлое — это руины,
не вороши листву,
не прибирай свой сад,
не ожидай весну, —
там, где была страна,
всё заросло крапивой.
яблоки мокнут под ливнем,
стены привычно молчат.

расфокусируй взгляд.

там, где была страна,
в ряд поднялись могилы,
тени простых крестов,
комья раскисшей глины,
грязные облака.
что-то должно погибнуть,
сгнить, обратиться в пепел,
стоять с апрельским снегом,
ссыпаться с потолка.

трещины всё заметнее.
лёд унесёт река.

там, где была страна, —
брошенные квартиры,
вещи под слоем пыли,
значимые вчера.
мама польёт алоэ,
тлен отряхнёт с сувениров.
снимет застывший счётчик.
в общем, и всё.

пора.

скачет шальным изгоем
блик от часов, случайно
или вполне намеренно
пущенный со двора,

трогает кружку на полке,
крест за оградой,
крапиву,
лёд и апрельский ливень

там, где была страна.

Дмитрий Рубин

ЁБАНАЯ ІДЭНТЫЧНАСЦЬ

Отрывок из поэмы

<...>

ЁБАНАЯ ІДЭНТЫЧНАСЦЬ II

Я мужчина

Я должен быть цвета хаки

В траве ли упавший поверженный зеленью ног в небеса
неотрывно в попытке смотрящий

В зелёнке от комариных укусов что точно не больно но
только попали в тебя плохо прятался

В траве ли упавший

В бане

Где тоже мужчины чьи дула запряваны в гущу густую в
молчании хищника в поисках жертвы и маленький
мальчик

Маленький мальчик он тоже мужчина смотри как прижался
к груди материнской

Фиксация сука

Маленький мальчик

Он тоже мужчина пускай ствол обмякший и где ему спрятаться
что ты стесняешься ну-ка укольчик спускаем штанишки
в стенах цвета хаки

Я мужчина

Я должен быть цвета хаки

Была только майка такая же тонкая как синие вены что сразу
бросаются и с ними не спрячешься

А у тебя платье но где-то осталось цвета маскировки уже не
отыщется а вот отыскать бы

Площадью каменной к огромному фаллосу чтоб он засиял
увидав меня в платье с задраным подолом готовым
стрелять прямо в цель прямо в звёздочку

Капли стекают в густом мрачном воздухе
Вечный огонь заливаю невидимый спрятанный в платье от
взглядов от пристальных тоже мужчин

Я мужчина
Я должен быть цвета хаки
Я мужчина я должен быть цвета хаки
Ты мужчина ты должен
Ты мужчина ты будешь
Металлическим танком класть их под гусеницы
Те что не смогут стать бабочками
Тех кто не сможет стать бабочками
Того кто не спрыгнет с моста возле танка рекой за крысиным
отправится трупиком туда где мужчине за то что
мужчина они посадили сад розовый розовый розовый
розовый розовый
Как простынь что трогала наши тела этой ночью боялась
спугнуть

Я мужчина
Я должен быть цвета хаки
Я
Спал прижимая игрушку
Спал прижимая игрушку
Спал прижимая игрушку

Я мужчина
Мои длинные пальцы погружаются чтобы ласкать
Ласкают чтоб погружаться

Я мужчина
Я должен быть цвета хаки
Толстые пальцы погружаются в раны
Достают пули
Стреляют ими
Создают новые раны
В них погружаются другие пальцы
Другого мужчины

Достают пули
Стреляют ими
Я не знаю
Новые раны
Я не знаю
Новые раны
Должен быть цвета
Новые раны
Должен быть
Должен
Но я погружаюсь
Розовым розовым розовым садом
Заполненным чёрными чёрными перьями
Перья вращаются и
Лепестки превращаются в вихрь
Создаётся пространство без времени и
Уплываем
Мы
Я

Я
Должен
Не думать о Смерти
Моя Смерть принадлежит родине

Я

Цвета хаки

В платянице ждать автозака
Автозака
Та

Я

Настоящим мужикам нравятся только настоящие мужики

Танк застревает в воротах цирка

Цвета хаки

Я снимаю с себя всё

На руках остаются любовь боль и творчество плюются в
глаза тем кто прячет и прячется ведь мужество прятать
боятся и прятаться и

Верить что

Святое дуло делает тебя сильнее

Святое дуло делает тебя выше

Святое дуло делает тебя настоящим мужчиной

И все обелиски кончают фейерверками в небо цвета хаки

Мужское небо над мужской державой

Ржавой

Святое дуло делает тебя сильнее

Святое дуло делает тебя выше

Святое дуло делает тебя настоящим человеком

И все обелиски кончают фейерверками в небо цвета хаки

Небо великой победы

Под Грюнвальдом

Под Оршей

Под Ватерлоо

Над 15-летней девушкой которая сказала нет и получила
удар ножом в шею

Над 8-летней супругой которая не выдержала первой брачной
ночи

Над тысячами женщин

Убитых

За то что они женщины

Каждый год тысячи

Как тут не подрочить

На площади

В кабинетах

В закоулках

На всё это ёбаное небо цвета хаки

Маленький мальчик

Должен ебать маленьких девочек

Я

Снимаю с себя всё

На руках любовь боль творчество

У меня нет оружия

Лишь орудие

Даже пером я могу проткнуть глотку

Памяти наших отцов

Федору Полякову

Как наши отцы пережили советскую мерзость?
И как помогли нам найти противоядие памяти?
В них жила какая-то особая изощренная дерзость.

Эта дерзость была во всем — как проходили мимо паперти,
как завязывали галстук узлом чуть-чуть набекрень,
как не любили порожных слов и пятен на белой скатерти,
прощали своим коллегам и сотрапезникам, презирали лень,
как красиво они говорили «хрен тебе в зубы, чтоб не шаталась
шея»,
и как ненавидели праздники черни и площадную брань.

В голове после ухода отцов остается пустая траншея,
отвоевали солдатики, отпели свое, отпереводили, отлечили...

Не получается сказать обо всем, заведомо не упрощая.

Июньским вечером мы с тобой окажемся около ресторана
«Рецина»,
Предварительно помолчав, медленно проходя мимо Юден-
плаца.

В ресторане шумливо, подают смоляное вино, здесь не
мучает венцев вина,

здесь и мы с тобой усядемся за столик под фотографией
острова Наксос

и помянем отцов по-русски, по-иудейски и по-византийски,

а потом спустимся по лестнице в прошлое,

где им по восемнадцать,

где музы одеты в длинные узкие юбки, где фонарями горят
папироски,

где наложен запрет на слёзы, — где сыновьям позволено
толь-

ко смеяться, в бирибу резаться, — где кемарят мрачные
весельчаки,

где на кухонном прилавке в глубокой тарелке спит грубая
средиземная соль,

где, задыхаясь, поют о любви лещ-ципура, камбала-тубмала
и кефаль-печаль.

Авторская параллельная англоязычная версия:

In Memory of Our Fathers

for Fedor Poljakov

How did our fathers survive many decades of Soviet mendacity?

How did they manage to teach us the antidote to memory?

There lived in them such a distinct, elegant audacity,

it manifested itself in everything: how they sidestepped rules
of history,

how they tied the knots of their silk neckties a little askance,
disliked hollow words, stains on the tablecloth, unpolished
cutlery,

how they forgave the cowardice of colleagues and despised
laziness,

how gorgeously they pronounced “a punch in the mouth” or
“knock ‘em dead,”

and how they hated public holidays with bread and games and
impure language.

After a father’s departure an empty trench remains in one’s
head...

Our dear soldiers are done fighting, curing the sick, rhyming,
singing,
and I don't know how to put it without oversimplification.
Instead

one evening in June you and I will find ourselves in front of
Retsina Café,
after traversing Judenplatz, once the center of Jewish life, now
an emptiness.

We'll go inside, feel the aroma of resinated wine and see the
carefree faces of the Viennese who don't know guilt. We'll
occupy a table beneath the vistas of Naxos and remember
our fathers after the Russian, Jewish, and Byzantine rites.

Then we'll go downstairs into the past, where they are eighteen
and the muses

wear long black narrow skirts; where filterless cigarettes burn
like streetlights;
where tears are formally banned and sons are not allowed to
sulk,
only to play Biriba and laugh; where grim merrymakers sit
around in black vests;

where on the kitchen counter in a deep dish sleeps the coarse
Mediterranean salt,
where, panting, lie the three fish of sorrow: sea bream, flounder,
and red mullet.

Николай Милешкин

он увидел
солнце

и решил всех
переубивать

так стыдно
будто я

этот мир создал

родина

запах мороза
ранним утром

первый снег
на ещё жёлтых листьях

а не ваши крики
и не ваши флаги

салют

ребёнок
от испуга
плачет

9 мая 2021 года

Я. Т.

они тихие

любят детей
и котиков

читают молитвы
и ставят свечи

а что до поддержки
массовых убийств

так это они просто
телевизора насмотрелись

не готов

ни к труду
ни к обороне

а у нас что-то
кроме войны
было?

есть?

будет?

как комар
кровью

набухают они

духовностию

2024

МТАЦМИНДА

*Родина поэта — его стихотворение;
от стихотворения к стихотворению она меняется.*

Пауль Целан

кто-то вечно садится
в отъезжающий приус
под взглядами сумрачных местных
грызущих семечки или курящих
возле надписей russians go home

и когда возвращаешься к дому
гора так круто поднимается к небу
что чуть-чуть податься вперёд
и коснёшься щербатой брусчатки щекой

улица зажатая припаркованными машинами
пахнет привычно собачьим дерьмом
кажется ты уже тоже ориентируешься
в этой природной знаковой системе

у гранатового дерева поворачиваешь во двор
хозяин квартиры с лукавой улыбкой
угощает гранатом кислым как любое познание
сводит скулы хозяин смеётся пора собираться

вечереет на горе поднимается ветер
порывами проверяет на прочность стеклопакеты
хромая в хаосе мыслей измеряешь шагами
место которое скоро покинешь

напротив по окнам второго этажа
павлиньим хвостом расцветает
и медленно кружится светомузыка

равновесие оступает в пустоту

каждый чат с потенциальным арендодателем
начинается с фразы where are you from
вопрос настолько насущный
что оставляешь его без ответа

философия поэзия есть собственно ностальгия
тяга повсюду быть дома
уловить оплести языка паутиной пространство
чтобы в тексте у всех на виду схорониться
до следующего прочтения

только некуда возвращаться
дома не существует

тьму за окном разрывают
внезапные взрывы и всполохи

2022

я избегаю Никору
боюсь что меня подстрелят
мой украинский друг
словил там пулевое в ногу

город беженской славы
в плане преждевременной смерти
не менее безопасен
но более непредсказуем

вчера например вот тоже
кстати около Ваке
(район где живёт мой товарищ)
прямо посреди дороги
загорелась и взорвалась машина
из-за столкновения с мотоциклистом

я смотрел фотографии после
в новостном телеграм-канале
только минут пятнадцать назад
я проходил это место

там филармония рядом
женщина как из Твин Пикса
и рекламный плакат с моделью
похожей на Жанну Фриске

может быть кстати это
программа по защите свидетелей
и не было никакого рака
а теперь вот реклама антибактериального мыла
или чего там
не помню

но в целом Тбилиси летом
как эпоксидный набалдашник
на ручке КПП Вержний Ларе (простите)
с застывшими двухтысячными внутри

бутики с кислотной палёнкой
поштучные сигареты в переходах
я снова маленький и ничего не решаю
на днях даже встретил парня в клетчатых штанах и с чёрной
сумкой на ремне через плечо

не пойду я пожалуй в Никору
куплю на углу шоти по лар сорок
приду в свою пустую пристройку
(что сдают мне под видом квартиры)
и продолжу читать потея
книжку «Избыточность опыта»

2023

мы живём на горе
словно в книжке с раскладывающимися картинками:
первый слой — невысокие дома
второй — деревья
третий — старая церковь
четвёртый — верхушка горы и на ней светящийся ресторан
пятый — телевышка
шестой — луна в облаках и звёзды

мы заложили сами себя
в этой истории
не ищите нас
не перелистывайте

2022

ЭТОТ МОСТ
нет другой
не сухой
а со львами
возле марджанишвили где банк
tbc
и
макдональдс

мы давились словами
пили воздух чужой просто так

через ларс от империи
бегство повстанчества
не кура а мтквари ты чё

за саградой в иберии
солнце закатится
и над мцхетой иберской взойдёт

перезрелой шелковицы

с пятнами пьяными
не без русского следа ковёр

сохрани сакартвело
скрой нас рьяных и раненых
в сокровенного сердца зазор

2023–2024

с тобой за руку мы пойдём от ортачалы
шум проезжающих машин и шорох камыша
юстиции грибница с плачущими стенами

эхом отзывается в наших телах
гул пустых колоколов ищущих смысл
мы метеорные тела сгорающие в атмосфере
вечерняя прохлада горячее дыханье бродячего пса

весь город словно сберегаемый в ладонях
кура качает длинные жерди фонарей
мост в авлабари как застывший окрик самолёту
взлетающему будто бы прямо с горы

ручьи домов стекают вниз по склону
шершавая набережная берёт нас в свои скобки
я так устал и ничего не понимаю

смех пьяной публики пускает рябь по воде
вкус сигареты послегрозовое небо
серные бани закрытые магазины
в каждом шаге отзвуки будущих снов

плавучий ресторанчик с караоке
гладкие стволы высоких клёнов тянутся

тянутся

и тянутся

я говорю что не вернусь но возвращаюсь

в каждой тени преломляются наши отражения

скейт-парк

всё замерло

баланс на грани

перед внезапным дропом в темноту

пора возвращаться

2023–2024

Павел Квартальнов

ИЗ ЛИРИЧЕСКОГО ДНЕВНИКА

фабрики хрущёвки
пóезда рингтон
Зюзино Каховка
Нагатинский Затон
стоит жить неистово
чтоб лежать в Борисово

7 марта 2024 года
БКЛ

ТРАССА «КРЫМ»

Лейтенант в окошко харкнет
Из машины головной,
Он везёт на Харьков танки,
Он погибнет? — Всё равно.

Всё равно.
Всё равно.
Танку выстрелить — что сплюнуть,
Превратить её в говно,
Как пылинку, Таньку сдунуть,
Выбить косточки у ней,
Сдёрнуть солнце с небосклона.

Всё ровнее и ровней
По шоссе идёт колонна.

11–12 мая 2024 года
Селиховы Дворы, Курская область

за временем нам не угнаться
последняя стёрта черта
уже появились псоглавцы
и люди с ногами из рта
воруя бухгалтерским зетом
чужую судьбу и труды
они зажевали газеты
религию школы суды
не стало надежд и отваги
остались сомненья одни
как в принтере пачка бумаги
застряли грядущие дни
но дети светлы и беспечны
в ладонях хранят уголёк
как будто потёмки не вечны
как будто рассвет недалёк

12 июня 2024 года

Наталья Бесхлебная

подборка имени Льва Рубинштейна

У меня есть влажные салфетки

У меня есть сын

У меня есть обязательства

У меня есть рюкзак с бутылкой с водой и с пластиковым контейнером с хлебцами с пошехонским сыром Свежий ряд из Пятерочки

В маленьком кармашке у меня есть даже щипалочка для бровей и серо-зеленый карандаш для глаз тон номер 22

У меня есть серо-зеленый левый глаз и серо-зеленый правый глаз

Мои верхние и нижние ресницы похожи на маленькие нежные щеточки они соединяются когда я закрываю глаза и думаю

У меня есть жизнь

Но присмотревшись становится заметным

У меня есть anxiety что в переводе значит беспокойство/тревога/тревожность

Синонимами этого слова являются concern/worry/trouble/unrest/disturbance/alarm/alert/dismay

У меня есть неумолимо приближающиеся April and May

And so on

То есть у меня есть апрель и май и очень вероятно все
последующие месяцы

Но присмотревшись становится заметным

Идет война

У меня есть новостная лента

У меня есть VPN

У меня есть секретная почта на сервере с end to end шифрованием

У меня есть много упаковок ингибиторов обратного захвата
серотонина

Они захватили мой кухонный шкаф когда я достаю посуду
одна из упаковок падает

Я ловко ловлю ее на лету

Следовательно — у меня есть серотонин

У меня есть витамин D

Следовательно у меня есть витамин D

У меня есть бутылка с водой

Следовательно у меня есть вода

У меня есть влажные салфетки

Следовательно все вокруг меня чистое и аккуратное

Но присмотревшись становится заметным

У меня есть ключ от квартиры с брелком в виде черной
летучей мышки

У меня есть дверь

У меня нет дверного звонка

Если за мной придут они постучат — стилистически это
будет точнее

У меня есть склонность к деконструкции как в искусстве
так и в жизни которая у меня безусловно есть

У меня есть влажные салфетки

Но присмотревшись становится заметным

.

У нее две рыжие косы и короткое зеленое платье с голой
спиной

она зажимает телефон между правым ухом и плечом чтобы
освободить руки и оплатить кофе

ее косы прыгают вслед за ее наклоненной головой — левая
щекочет татуировку стрекозы над правой ключицей а
правая слегка задевает мужчину у витрины с пирожными

она кричит — сбили! его сбили! беспилотник сбили!

мужчина не сводит глаз с пирожных бариста медленно
рисует на кофе замысловатый цветок

она заканчивает разговор подбегает рыжая собачка она
наклоняется гладит собачку и говорит ты такая же
рыжая как и я собачка пытается понюхать свисающие
косы

она берет кофе и выходит из кафе косы болтаются над голой
спиной в такт уверенной походке

вдруг она останавливается и почему-то стоит несколько
секунд косы останавливаются над платьем таким же
зеленым как молодые листья как трава вокруг

ее всю заливают яркое солнце на нее спускается лето
ее рыжая голова горит как законная цель.

•
Когда моя лучшая подруга написала что они все-таки уезжают

Я ответила — а я все собираю свои чашечки в горошек

Сначала мы жили очень аскетично думали может тоже
скоро уедем

Я не давала воли своему советскому вещизму и постсоветскому
консюмеризму

Не покупала ничего даже из нужного ни пылесос ни настольное
зеркало

Можно прекрасно убраться влажной тряпкой и отлично
подвести глаза у зеркала в прихожей хоть там и темно

Но однажды разбилась старая чашечка в горошек собственность
хозяйки квартиры

Я решила найти такую же на Авито и мне открылся фарфоровый
мир Вербилки Дулево Песочное ЛФЗ

Каждый день Авито подбрасывает картинки с винтажными
чашками

На днях вот взяла в соседнем доме редкие синие в белый
горошек совсем за бесценок

А в день когда написала подруга я должна была поехать за
черными с рыбками из легендарного сервиза «аквариум»

На другой край Москвы но эти супрематические рыбки с
белыми пузырьками как бы тоже горошком должны
обязательно быть в моей коллекции

Было много работы и надвигалась гроза но я захлопнула
ноутбук сунула дождевик в рюкзак и поехала в маленькое
путешествие во Владыкино

Все прошло прекрасно продавец пришел вовремя чашки
были в отличном состоянии

Он сложил чашки в упаковочную пленку с пупырышками и
передал их мне под крышей павильона метро гроза
уже началась

На обратном пути я почувствовала себя голодной вспомнила
что в индийском кафе можно дешево пообедать до
четырех

Было уже почти четыре но я позвонила им и спросила
нельзя ли заказать заранее индийцы согласились

Все шло так же прекрасно палак панир был очень вкусным
казалось можно жить и здесь

Когда я вышла из кафе дождь заканчивался я решила прогуляться
пешком

На ходу открыла рюкзак стала вытаскивать дождевик и
чашки с рыбками и пузырьками полетели вниз по
звуку было понятно что все разбилось

Я подняла упаковку с осколками целыми остались только
маленькие беленькие ручки

Я продолжила идти и стала смотреть есть ли еще такие же
на Авито

Но капли падали на телефон и ничего не получалось

Тогда я решила все это записать чтобы сильно не расстраиваться

Чтобы день не прошел совсем даром надо сделать из этого
стихотворение

Хорошее стихотворение про то как мы держимся за маленькие
беленькие ручки чашечек

Я шла и думала что возможно лучше оставить его ненаписанным
и совершенным

Как воображаемая жизнь как оторванная конечность

Как фантомная эмиграция как снятый с продажи сервиз

Как родители на другом континенте как надежда на скорую
встречу

.

Когда я была не здесь

Иногда вспоминала какое-то место знакомую улицу
географическую точку рандомный угол дома ничего особенного
там никогда со мной не происходило просто

Казалось необходимым немедленно там оказаться

Так сильно хотелось этого что покалывало в затылке а кофе
с молоком растворялся в лицах людей сидевших в
кофейне открывавших рты и произносивших

Малознакомые слова

O que passa niã então que queres pois nada dizes-me sempre
isso

Немедленно хотя бы на несколько минут только побыть
там осмотреться валидировать карту подзарядить
телефон подать сигнал водителю и потом можно
продолжить пить кофе где угодно говорить на любом
языке

Эта девушка за соседним столиком резко встает задевает
рюкзаком стеклянную бутылку с цветами вода льется

на пол подбегает официантка подхватывает бутылку
у самого края улыбается

Все осталось цело даже цветы не выпали из бутылки

И вот я приехала пришла туда и ничего не почувствовала

.

Человек привязанный к дереву за отказ воевать похоже на
притчу но это просто пытка

Проспект Калинина переходит в улицу Софьи Перовской
потом в Советскую

Я-то годовой отчет пишу сейчас как-то перегружен

Купить помидоры перцы шампиньоны груши

Я тебя спрашивала идти с ним на свидание или нет и ты
такой нет а потом он умер

Рыбок у меня купил мужик работает в защите от беспилотников
пока отбомбились говорит задержался на смене

Вот и я говорю а что делать

Также киви рис гречку овес и еще булочки

Там где он стоит кора пропахла мочой а может дождь все
быстро смывает у нас нет такой информации

.

Берегите себя

Берегите себя и своих близких

Берегите мужчин

Берегите женщин

Берегите детей сейчас

Берегите здоровье смолоду

Берегите зрение

Берегите зубы

Берегите ушки

Берегите хвост

Берегите в себе человека

Берегитесь

Береженого бог не сберег

Берегите окружающую среду

Берегите наш зеленый мир

Берегите воду источник жизни

Берегите лес от пожара

Берегите легкие планеты

Берегите веточки и листочки

Берегите червячков и комариков

Берегите удивление на ваших лицах и расслабленную челюсть

Берегите и цените то что имеете

Берегите котов

Берегите китов

Берегите раков

Берегите птиц

Берегите кукуху

Берегите себя и бегите сразу после первых звончков

Берегите себя и бегите сразу после первых звончков

Берегите и изучайте родной язык

Берегите книги

Берегите школьное имущество

Берегите ключи от счастья

Берегите нас поэтов

Берегите нас поэток

Берегите первоцветы

Берегите стратосферу

Берегите электроэнергию

Берегите французские булки

Берегите армянский лаваш

Берегите бакинскую пахлаву с фундуком

Берегите кускус и мускус

Берегите сушки

Берегите бабушкины чашки в горошек и крышки от разбитых чайников с большими золотыми оленями

Берегите юность от войны

Берегите штаны

Сережечка, я не очень понимаю контекст — скинь сто рублей, скинь двести рублей, скинь пятьсот! Где слово, во-первых, спасибо, а во-вторых — с хуя?

И в 22-м году переболела она дико ковидом и она говорит — я выздоровела, но никак понять не могу, что не так.

Никого не били, лицом в пол не клали, но данные посетителей переписали.

Посмотри, как он идет! Это он или она? Штаны сзади съехали, раньше бы его в дурдом забрали сразу.

Сходил на слэм, было много протестного — любим друг друга сильнее, чем ненавидим ментов, и все в таком духе.

Наташа, привет! Мы тут готовим материал о том, что люди стали добрее друг к другу в повседневной жизни. От привычки желать хорошего дня в магазинах, пускать с собаками и пандусов до того, что в офисах теперь могут работать и люди с разной инвалидностью. Скажи, пожалуйста, заметила ли ты что-то такое? В целом, на твой взгляд, мы стали добрее друг к другу?

И я думаю такая, где мне достать лошадиную сперму? Мне было шесть лет!

И я посмотрела в окно и увидела лес.

Могу сказать только одно.

Дорогие друзья! Салтыковский фольклорный ансамбль «Соседушки» приглашает детей и их родителей на МАСЛЕНИЦУ! Когда? 16 марта в 13:00. Где? На берегу Кучинского пруда. Сколько стоит? Бесплатно! Что брать с собой? Одежду по погоде в русском народном стиле и хорошее настроение! Кульминацией программы станет сожжение чучела.

.
шел я по улице незнакомой
и вдруг увидел БПЛА
горел огонек на нем зеленый
луна задымленная плыла
я — заблудившаяся ракета
ты — дрон летящий навстречу мне
задыхается наше последнее лето
лебединого озера на дне
.

+ + +

Золотистый искрящийся лёд,
Хоровод хрустальных снежинок
Неизвестную песню поёт —
Звука нет, звук пропавших пластинок

33 оборота — вперёд!
Говорят, я простая девчонка...
Те, кто помнит, и то не поймёт,
Пыль осела, и рвётся, где тонко.

Эй, вы там, что на том берегу, —
Вышел немец бухой из тумана
Голубой, красный, синий во льду, —
Доставай ништяки из кармана!

В страшной зимней воде ледяной,
В полынье неотвязной мороки,
В грязной корке, в коробке стальной
Наши вздохи услышь, наши строки.

1 января 2024

Звуки под сводами

Вам, новые комсомольцы, не подфартило:
Тёмный двойник, демонов злая сила,
Маленький сколок мира в пустом кармане,
Пастыри, что ведут сирыми пустырями.

Вот и рассвет, ан нет: это «буханка» едет,
Круг света от белых фар, видео в чёрном цвете,
Старый фонарный столб, скрип мостков, всхлип и плески,
Быстрый промельк задёрнутой занавески.

Время, как ржавый ход лестницы винтовой, сводит с хоров

Регента, теноров, пару сопран в уборах
Шёлковых головных — шарфики ли, платочки,
В темноте не видать, выдалась, братцы, ночка!

Стон гравия под ногой, скрип тяжёлой лопаты,
Снова мы в бой пойдём, призрачные солдаты,
Снова под барабанный бой бей, заряжай винтовку
Да не робей, иной мир ждёт нас, не хмури бровку,

Да не ломайся, знаем таких, и не таких ломали!
Вниз по ступеням, там трапезная у нас, не знали?
Сядем и запоём в терцию, чисто-чисто:
«Был у Христа-младенца сад, а в саду соловей голосистый».

10 февраля 2024

Сон

Я хочу навсегда насмотреться на снег,
На несущие белые шапки деревья, —
У окна моего сторожат целый век,
И боюсь, что опять на машине подъедут

С рыжей люлькой, со злою бессонной пилой,
Что вгрызается в свежую плоть тополиную,
Ветки падают, охнув, и столб чуть живой
Обелиском глядит: «Не забудь Украину!»

11 февраля 2024

В Неделю о Страшном Суде

«Месяц едет, котёнок плачет...»

А. С. Пушкин

Снег бинтует, снег всё глушит, из-под снега не слышать
Криков, стонов, как вопять
Неравнодушные —
Те без кожи граждане,
Статистике неважные.
Остальные все поют, Масленицу празднуют,

Видно, скоро Страшный Суд,
Бинты снежные сойдут,
Прямо с коркою сойдут.

Кровь с водою потекут
Перед Божьей Пасхой.

10 марта 2024

*

Любимый белый медведь нежно гладит лапой по голове:
— Может, спать уже будешь, золотце моё самоварное?
Помечтай о лете, о солнышке, о траве-мураве,
О лужайке в бабушкином саду, о реке светозарной.

А я ему отвечаю медвежьим же языком,
Не слышно чтобы было ночью соседям:
— Эх, лапы твои да хвостик, голова с поролонным умом:
Я куплю игрушечный поезд, и все мы в Париж уедем!

13 марта 2024

Игрушечный поезд

Обалделые куклы собрались эмигрировать
Королевна, глаза растопыря, глядит
Рядом Белый Медведь призадумался, миленький
И снегирь у него на макушке сидит.

Ждут, когда заберёт их вагон комфортабельный
Дед Мороз воевода стоит с рюкзаком
Там конфет килограмм, и оружие табельное
Прячет он в полушубке, знать, он военком.

Ждут-пождут, слышат поезд, уже приближается
Есть вагон для угля и вагон для людей
Промахнул остановку наш поезд — катается
Он по кругу, как стая ручных голубей.

15 марта 2024

+ + +

стихи — это разновидность галлюцинаций.
где-то горят вокзалы и города,
а ты здесь в тишине по невидимой рации
получаешь инструкции, как сгинуть не навсегда.

как смолой эпоксидной заливаешь навечно — слышишь —
навечно

этот папоротник, и сирень, и неба клочок
сказать полслова против убийц человечности
хочет маленький человечек, вечный.
засыпай, ложись на бочок!

18 марта 2024

+ + +

Много, много снега навалило,
Снег стал превращаться в дикий лёд
Льда прозрачно-глыбистая сила
Давит снизу на живой народ.

По дворам, по улицам, забитым
Снежной лавой, искристой пургой,
В неживом движении застылой,
Мёртвый люд идёт на смертный бой

С жизнью, на постылую работу,
Давится в автобусах с утра.
Тяжкой ежедневной заботой
Душит жизнь, короткая пора.

Никому не буду я хвалиться,
Что легка пустая жизнь моя
Я спою свои слова, как птица —
Чинь чинь чинь тивить тивить тия.

20 марта 2024

На теракт в Москве

Никому не жалко мирных граждан
Ни одной из тех, немирных, стран.
Стать мишенью может просто каждый
И везде; смертельный ураган

Жатву жнёт уже четыре года.
Пожалей нас, Боже, исцели!
Встреть у Царства Радостного входа
Всех отшедших в путь всея земли.

22 марта 2024

Перевод с немецкого

Поздравьте меня с Днём Рождения,
Потому что я тоже умру,
Желайте мне счастья, здоровья,
Успехов, всю эту муру.

И им это тоже желали,
Которые в ямах лежат,
Которые здесь задыхались
И тем, кто «работает, брат».

Избави от тяжкой работы,
От участи братоубийц,
Пусть будет покушать чего-то
И несколько близких мне лиц,

Деревья пусть смотрят в окошко
И птицы негромко поют,
Яви мне Себя, о мой Боже,
Да вечно Тебя воспою.

27 марта 2024

+ + +

Вы присвоили себе право миловать и казнить

Каинову войну объявлять священной
Вам так хочется долго, вкусно, весело жить
И ваш государь — совсем не Творец вселенной.

Но сколько ни вей верёвочку, а конец
Будет совсем не тот, о каком мечталось
Откроются помышленья многих сердец
До Встречи осталась, быть может, самая малость.

18 апреля 2024

+

Эмпатия у меня стремящаяся к нулю —
Не забываем диагноз шизофрения —
Никого не люблю, не раздам сестра́м по рублю,
Не представляю убитых в Буче и Тель-Авиве.

Вот если нас, нехороших русских, придут убивать
Или просто начнут пулять по ночам шахедрами,
Тогда посмотрим, а пока стоит хлебу подорожать
И квартплате — может почувствую, а может сочту эндогенным
бредом.

18 апреля 2024

Пасхальный гимн

Уже совсем скоро, заснуть и проснуться,
К нам Пасха грядет, и никто не отменит,
Никто из тиранов над нею не властен,
Над светлой Христовой заветною Пасхой.

Завет заключает сам Бог с Моисеем,
Спасает народ от руки фараона,
От Девы приходит спасенье отселе,
И Новый Завет заключается с Богом.

Христос на Кресте пригвоздил наши страсти,
Порукой за нас Он стал в страсти, бесстрастный,
Сам Бог восприял естество человечье,

Чтоб стал человек целокупным и вечным.

О Господи! Промысел Твой нам неведом
Убитых вселяешь в селения рая
Мы молим и просим и верим и знаем
Твоё Воскресенье — победа над адом

Твоё Воскресение — жизнь и спасенье
Все-все оживут, кто ушёл безвозвратно
Тебе возсылаем мольбу непрестанно
Тебе, свободившему нас от истленья!

6 мая 2024

+ + +

Треплет ветер косицы берёзовых веток
Дует ветер холодный вторую неделю
Издалёка, с могилок украинских деток
Дует, холодом веет по остовам веток.

Догадались, поди, недалёкие люди
Почему к нам весною зима подкатила.
Никому невдомёк, никого не осудят
Никакая война никого не убила.

10 мая 2024

Хроники четвёртого этажа

Девочка с третьего этажа
Кормит голубей с ладошки гречкой
Голубей кормить — как есть с ножа:
Не положено, но хочется, конечно.

Рано утром в пять утра
Хлопают крыльями, стучат по жести, сердечные.
Такая летняя пора,
Жара стоит, кажется бесконечной.

Соседям голуби мешают спать

Надоели, понятно, машины пачкают.
А я теперь ношу им покушать в пять
Утра под окна, в парк, а как иначе?

А зимой прилетают нормально, в восемь
Поздно светает, темнеет рано.
То ли мало кормим, то ли плохо просим —
Не заживает украина-рана.

5 июля 2024

*

Те, кто сотрут нас в порошок, они будут правы
Не вырастет на пепле том ни леса, ни травы
У нас нет слов, чтоб говорить, нет мыслей, чтоб молчать
Нет мужества, чтоб возразить, нет воздуха — дышать.

Те, кто взорвёт наши дома — на их стороне закон
Уже подписан приговор, часы начинают звон
Мы молчаливы, как трава, подвижны, как листва
Забыли мы слова молитв, забыли все слова.

Когда на Суд придёт Господь, чтоб грешников судить
Никто из нас Ему ни в чём не сможет возразить
Помилуй, Милостивый, нас в сей страшный Судный час
И не вмени нам кровь людей, что льётся каждый час.

9 июня 2024

Мания преследования

- Мне кажется, у меня за спиной огромный медведь!
- Тебе кажется, не надо паниковать.
- Мне кажется, он хочет меня сожрать!
- Не выдумывай глупости, давай будем песни петь!

Я пою, а медведь слушает и молчит —
Может, запоминает или включил диктофон.
Его дыхание шею мне холодит...
— Выпей свой литий, тебе мерещится он!

9 июля 2024

КОСТЯН

(композиция)

Крик невидимых чаек. Детская площадка. На асфальте перья голубя, растерзанного чайкой. Видимо, была война. Победителя и побежденного не видеть, только перья.

1.

Костян попросил у меня позвонить
Я отказал
Костян спросил, не еврей ли я
Я ответил, что нет
— Мне надо товарищу позвонить, дядька

Меня еще никто не называл дядькой
Повторно отказываю, мотивируя
Что мог бы дать денег,
но ты же пропьешь
Перехожу на ты с порога
Сокращаю социальную дистанцию
Нет, я еды куплю — отвечает
— а если положить на телефон?
(Костян вертит кнопочный в руке,
У меня такой был в третьем классе)
— Не, у меня там долг, дядька
Дай позвонить

2.

У Костяна почти нет зубов
На невидимых венах следы уколов
Костян — наркоман и алкоголик
Если совмещать одно с другим
Получается композиция

Это Костян мне сказал
Я сам не знал
я спросил, реально ли так называется?
Костян ответил — да и широко улыбнулся
Это чистый кайф, говорит

Д — это я
К — это Костян
дальше как в пьесе
Но только это жизнь

Д: Сколько тебе лет?

К: Тридцать пять

Д: Мне тридцать один. Давно пьешь?

К: С восьмого класса. Я здесь пропаду, дядька. Я на войну
хочу

Д: Не берут?

К: Нет

Д: Ты болен?

К: Нет, я здоровый (показывает на руки)

Д: Не страшно будет убивать?

К: Это профессия. Вот видишь перья, это чайка голубя

Д: Ты видел как?

К: Нет. Это я думаю. Ну, представляю

Д: Чем не война? Ты плачешь?

К: Голубя жалко

Д: А людей

К: (шепотом, неуверенно) Буду отечество защищать

Д: А если тебя убьют?

К: Как это убьют?

Д: Ну вот так

К: (Молчит)

Д: Где ты живешь?

К: Вот здесь. В коммуналке с товарищем. Я здешний. Дай
ему позвонить

Д: Родители живы?

К: Мать умерла в 14-м, а батя — красавчик

Д: Красивый?

К: Выбрался. Его моя бабка вытащила

Д: Значит, у тебя это наследственное?

К: Ну да

3.

Д: А если тебя через три месяца убьют в подворотне?

К: Откуда знаешь?

Д: Но вдруг, раз и всё

К: Кто сказал?

Д: Но чтобы тебя не убили, надо менять жизнь. Лечь в больницу

К: Я никому там не верю, дядька

Д: Или в храм пойти работать, на послушание

К: Нет, дядька, это не вариант. Когда, говоришь, меня убьют?

Д: А кем ты хотел стать в детстве?

К: Да всё просрано, дядька

Д: Актёром?

К: Да, откуда знаешь?

Д: Предположил

К: Я поступал на Моховую после девятого

Д: После девятого нельзя вроде

К: А, тогда можно было. Я в театре мог служить. Как в армии

Д: В каком? В БДТ?

К: А то. Или в МДТ

Д: Когда поступал, уже употреблял?

К: Ну да. Просрано всё, дядька. Ты чё, романтик?

Д: Почему?

К: Книжку читаешь

Д: Нет, я не романтик. Я актер

К: Реально?

Д: Да, работаю в театре

К: А я — Костян

Д: А я — Денис. Так что ты смотришь как будто в зеркало. Ты мог бы быть актером. Кто твой любимый актер?

К: Хабенский и Сухоруков еще, но он какой-то чокнутый

Д: А как иначе?

4.

Д: Это что у тебя? Заточка?

К: Не, это сабля из гвоздя. Брелок

Д: Талисман?

К: Ну типа. Я щас

(Костян отходит от лавки, на которой мы сидим, подходит к молодой паре, просит позвонить, те дают телефон, долгие гудки, потом тугий невнятный голос, мать-перемать, жди, скоро приду, это товарищ Костяна)

Д: Ладно, я пойду

К: В театр?

Д: Ну, да

К: Ты в БДТ работаешь?

Д: Ну (вру)

К: Ну давай, дядька. Все нормально будет

Д: А если через три месяца не увидимся

К: Увидимся, еще раньше увидимся

5.

Я не знаю, почему я сказал про эти три месяца

Мне так хочется поверить, что эти слова

запустят какой-то механизм

обратный отсчет

Успевай успевай успевай

Иначе

Меняй меняй меняй

Иначе

Плачь плачь плачь

Но верь верь верь

Иначе

Легко говори

Как вернуть человеку
ощущение ценности собственной жизни
Что делать
если мечта почти невидима как вены
А единственная возможность вырваться это уйти на войну
и размахивать там
саблей, сделанной из гвоздя
И даже перьев не останется
Костян, еще не все просрано

Чайки кричат, что
Всё всё всё всё

О.К.

«НЕТ ВОЙ НЕ»

нет вой не твой нет вой нетвойнетвой нет вой не

кому не докрутили рук,
кому не сообщили цвет,
кто весь отобран и стоит
на полке

полк

заряжен ряд
и по шпицрутенам следы
какую выдадут весну
и кто отгадет от следов
зубами след
и вой, как дым.

шили шуршанию дело.
голое тело свело,
воском оплыло, горело,
плакало — не помогло.

вязкое остекленело
и замещало тепло.
чёрным чердачным велело
сердце опрaвить в стекло.
только всходило, летело,
мглу разрезало крыло.
плакало слёзное тело —
чтобы настало светло.

дождь, мокрое твоё перо,
куда идти, повсюду ты идёшь,
сквозь каменное нет
повсюду шорохи
там встанет поле
там влюблённый день
на небе
словно на земле
на небе
словно на земле
все живы

Алена Максакова

PROSHLAJA ZISN'REINKARNACIJA

Со дна постучали
А раньше молчали
Такие дела

В моей прошлой жизни

Я теперь могу назвать
Мою жизнь до войны

Прошлой жизнью

Всё было иным
Всё стало прошлым

До судного
Дна
До судного
Дня

Я родилась в харькове
Тогда это не звучало страшно
Трагично
Непоправимо

Бабушкина хрущёвка
Стояла на улице байрона
Это был знак
Его никто не понял

Улицу переименовали
Вспомнили

Байрон не бывал
В харькове

Её назвали
Проспект героев сталинграда
Название показалось мне
Грозным
Это был знак
Его никто не понял
Я заплакала тогда
Другие звуки делали
Пространство
Чужим

Потом я уехала в Германию
На улицу katzenberg
По ней не ходят кошки
И горы далеко

Друзья рассказывают
Скоро улица
Моего детства
Снова станет
Улицей байрона

Наверное
Байрон
Всё же бывал

На этой
Улице
Это знак
Теперь
Я его понимаю

Вот место

Здесь был дом
А здесь был сад

Что теперь
Что теперь
Здесь

Мир не терпит
Пустоты

Но теперь
Там
Звенящая
Пустота

Она
Терпеливо живёт
В тебе
И во мне

MURMURACIJA

Мурмурация самое интересное
Что я увидела в риме

Я мечтала
О вечном городе

Знала его дворцы
Фонтаны
Парки

В книгах
Все дороги...

Моя тоже вела в рим

Споткнулась
На первом

Камне
Аппиевой дороги

Огромной
Безжалостной
Империи

И только над головой
Мурмурация

Скворцы учились
Летать

Идеальные фигуры
Небесного войска

Возникло
Впечатление

Впечаталось
В память

Моего рима
Моего мира

Два раза нельзя войти
В одну гречку

Открылась бездна
Полна

Тарелкой
Ужаса
Детского ужина

Бесконечного

Тёмного
Зимнего
Вечера

В шапке
Контуженного

Я надела варежки

Я одна

ZUNAMI

Никогда не наступит
Безопасное время

Построить дом на берегу
В эру цунами

Посадить вишнёвое дерево
В эру пожаров

Родить ребёнка
Всегда сложно

В эру пожаров
Эру цунами
Эру
Ставшую нами

Безопасное время
Никогда не наступит

Я смотрю на море
Держу за руку сына

Я построила дом

Я вижу
Цунами

На улице Марата
шестнадцатый трамвай
увозит всех куда-то,
наверно, прямо в рай.

Мы ведь неплохо жили,
мертвели без проблем,
нам головы рубили
нечасто и не всем.

Кричат об этом чайки,
зигзуг в Петергоф,
шумят об этом стайки
матросов и графьев.

— На площадь Диктатуры
подбросишь, командир? —
музей там субкультуры
военных «Мы за мир».

На выставке лет триста
в подвалах полутьма,
в округе для туристов
соборы и тюрьма.

А на проспекте Наций
по красному по льду,
чеканя шаг, двенадцать
идут, идут, идут...

Любимая моя, не первый год,
сводя с ума жильцов земных квартир,
кричит за стенкой в тьму соседский кот,
что катится к чертям эльфийский мир.

Мне кажется, моя Галадриэль,
вопит он: «Вы глухие!» — сам оглох,
наверно, в прошлый жизни высший эльф —
котяра помнит множество эпох.

Прижмись ко мне, послушаем с тобой
его рассказ о темных временах,
о бедствиях, приправленных войной,
о Гондоре, нанизанном на страх.

О чем еще мяукает котэ? —
пока бессмертье тает не спеша:
о том, что если сделаем КТ,
не факт, что обнаружится душа.

Я обниму тебя, Галадриэль,
всё трын-трава, пусть рухнет потолок,
кричит кошка, скрипит входная дверь,
поблескивает моргульский клинок.

2022

Наутро выпал снег; хандра —
ноябрьская кома
летела поперёк двора
и за угол у дома.

А там, с фасадной стороны
в январском белом сплине
сверяли кормчие страны
надежность красных линий.

Курили дальше за углом

оставшиеся эльфы
и возвращались вновь в дурдом,
с апрелем сделав селфи.

С четвертой сумрачной стены
дождливым волчьим летом
трубили демоны войны
сонату «В круге первом».

Неистребим круговорот
без смысла и без цели,
а воробьи: «Куда, народ!» –
на сталинку взлетели.

2022

Живые, но насмерть подбиты,
в дворцах и на кухнях квартир,
мы все оказались забыты
на старенькой станции «Мир».

Мы вместе ее собирали
во имя прекрасных идей,
кругами, но все же летали,
когда не стреляли в людей.

Согрели холодные войны,
на шаг приближаясь к мечте,
все новые модули стройно
стыкуем теперь к пустоте.

Несемся по низкой орбите
зачем-то на призрачный бой:
– Ну что вы от нас все хотите? –
мы падаем вниз головой.

Спросить не мешает охрану:

— Каков наш загадочный план?
Мы падаем строго по плану? —
все ближе внизу океан.

Обнимут туманные воды
космический наш тарантас,
и только объятья свободы
опять ускользают от нас.

2023

— Подача песка может осуществляться
не только лопатой, но и ведром,
что продуктивнее, поскольку в ведро
вмещается гораздо больший объем,
это преимущество, —

сказала, расширяя тюрьму моего кругозора,
инспекторша Госпожнадзора.

Ах, Госпожа!
Ты ослепительна хороша!
Ты словно открытое пламя,
тугое пожарное знамя.

Прекрасный китайский пожарный щит,
патриотично сердце стучит:
ящик, ведро, лопата, багор,
огнетушители, лом и топор.

«Абыр-абыр!» — кричит Госпожа,
видно, под хвост ей попала вожжа,
справа подходим к Главрыбе,
слева качаться на дыбе.

В Госрабнадзоре работать, один
дома шептать себе: «Я — Господин,

свобода и счастье – все это вздор,
главное – Госкакой-тонадзор,

это преимущество
это преимущество
это преимущество»...

2022

Как ныне собирается вещей Аякс
отмстить неразумным троянцам:
– Не плачь, дорогая, всё будет нормас,
окрашу лишь месяц багрянцем.
– Аякс мой могучий, я что-то боюсь,
в походе добудь перламутровых бус.

Окрасить багровым троянских глупцов,
которые против армады,
еще триста тысяч ахейских бойцов
собрали Микены в отряды.
Здесь каждый себя уважающий грек
и даже какой-то царьградский Олег.

– Отправим за море свои корабли,
троянские южные земли
прекрасно подходят для нашей земли,
напрасно, короче, мы медлим.
Пророчит победу сказитель Гомер! –
рычал Агамемнон в объятых гетер.

Раскатист волны нескончаемый бег,
и вот уж герои Эллады
выходят, качаясь, на сумрачный брег:
– Какого нам ... здесь надо?
– Хоть ты нам скажи, старина Ахиллес?
– Катись за дровами в тот сказочный лес!

Сидели всю ночь на песке у костров
под звуки эпичной баллады,
считали троянцев, их будущих вдов
и правили текст Илиады,
но тут незнакомец подходит: «Тесей?!
Откуда ты здесь?!» — прокричал Одиссей.

— Я знаю легенду про ваш лабиринт,
герои, надежду отриньте,
чудовище ждет не на острове Крит,
уже вы давно в лабиринте
скитаетесь, будь вы неладны,
потеряна нить Ариадны.

Тактический ваш древнегреческий план
скорее тупой, чем коварный,
ведь каждый, простите, троянский баран
слыхал, что ваш конь деревянный,
сегодня, данайцы, услышьте меня,
всю жизнь волокли не того вы коня.

Сказав так, во тьме растворился Тесей,
а конь вдруг упал на Олега,
забегали эллины среди кораблей
и утром уплыли от берега.
Стремятся ахейцы обратно домой,
и плещется Стикс за высокой кормой.

2022

Ночами белыми таинственный
полувосход, полузакат,
скользит бесшумно к невской пристани
огромный призрачный фрегат.

Не разобрать его название,
мерцает в дымке силуэт,

тускнеют в нем воспоминания
походов прежних и побед.

Застыл на мачте, вечно призванный,
впередсмотрящий корабля,
пока не крикнет сверху призракам:
— Ты прав был, Санников, земля!

На палубе команда сгрудится,
сорвется капитан на крик,
наверно, им Арктида чудится,
Гипербореи материк.

Вспахав напрасно море пенное,
вновь устремится судно вдаль —
искать свеченье среди брэнного,
разрезав времени вуаль.

Искать полярное сияние,
пути на звездный Сахалин,
и будут молча изваяния
рубить проходы среди льдин.

Продолжит парусник скитания
вокруг созвездия Змеи,
обетованной без названия
по небу в поисках земли.

Спустя столетья снова вылетит
из облаков под крик: «Земля!» —
и, как «Аврора», в воздух выстрелит
на траверсе руин Кремля.

2022

Я умираю, умираю,
всю жизнь я только умирал,

всю жизнь на Беломорканале
я Беломорканал копал.

Всю жизнь копал на Волго-Доне,
всю жизнь копал Москва-река,
потом Харон, чтоб на пароме:
— Куда ты прешь! Сиди пока!

Великолепна перспектива:
— В шарашке этой мы умрем, —
пора копать Бюро-Квартира,
копать канал Работа-Дом.

2023

Значит, нужно купить два билета.
Сначала из Бейрута вы летите до Анталы,
а затем из Анталы прямым рейсом летите до Москвы.

Выйдя из аэропорта, вы садитесь в любое такси
и говорите на русском:
— Отвезите меня в штаб-квартиру ебалы.

Штаб-квартира ебалы находится прямо в Москве,
ее местоположение знает любой местный.

В этой штаб-квартире на пропускном пункте
вы говорите, что хотите вступить в их ряды.

Далее вы проходите собеседование,
подписываете все необходимые бумаги
и вступаете в их движение.

Всего путь из Бейрута до ебалы
займет семь-девять часов, не больше.

2023

Моя Roman Empire
была Russian empire
была Soviet empire
стала the empire of evil
будет beautiful empire of future
empire останется
empire is the foundation,
основание утопает в болоте,
но задаёт тон,
испускает empire spirit,
не дотянуться.

Моя Roman Empire
захвачена изнутри
варварами
Троянский конь сидит в башне,
у них там авгиевы конюшни,
греческий мальчик в кровати.

В моей Roman Empire
лоботомию проводят в утробе
(бесплатная медицина)
вбивают теллутовый гвоздь
в голову будущего гражданина
моей Roman Empire
он рождается (a freeborn man)
и говорит модератору фокус-групп:
«Моя Roman Empire
должна захватить Мексику,
а граждане моей Roman Empire
будут пить там текилу».

а сам сидит в Череповце
и пьёт «Беленькую»

Сколько нужно вколоть
под язык энергетиков,
чтобы понять, что уже
не спишь?

Сломанный хребет режима
пропускает ночной воздух,
разгоняет в артериях кровь:
это формула-1, туки-луки,
игра,
где быстрее стемнеет:
в окне или хрусталиках глаз.

Жить со сломанным позвоночником —
быть ближе к беспозвоночным,
быть ближе к благостному отсутствию
центральной нервной системы,
в конце, как медуза, порваться
на прозрачные лоскутки.

Оно начало распадаться
на жиры и белки,
поглощая уголь,
всасывая водород
через коктейльную трубочку.

Какой же Он урод:
наряжает заново сшитый труп
то в ржаво-красный,
то в триколор
(лучшее телевидение).

Я вот не вижу отсюда
могилы страшной
да и слёз не лью
(почему-то летит земля
туки-луки)
«Наверное, метеоритный дождь»,

— подумал Штирлиц.
«Наверное, трёх бёрнов хватит»,
— подумал я.

в день 13-летия моей племянницы
я думал о 10-летних мальчиках
я думал о 9-летних девочках
я думал о 6-летнем сроке
и двухлетней войне
(не по годам взрослая).

на диаграмме (рис.1) видно,
что 20 лет (данные за 2004–2024) — 100% из которых 35% —
буржуйское детство
20% — подростковый бунт,
абьюзивные отношения,
нескончаемая попытка изнасилования
10% — ковидный штиль
10% — чёрная и глупая,
как шутка восьмиклассника,
война
25% — другое.
данные обновляются.

на диаграмме (рис. 2) видно,
что 13 лет (данные за 2011–2024) — 100%
из которых 85% — детство,
отпочковывающийся пубертат — 15%.
мир ещё не умер.

почему тогда
кружочки
киевской девочки
белгородского мальчика
на 100бетонный каркас многоэтажки,
картонный ящик и сверху

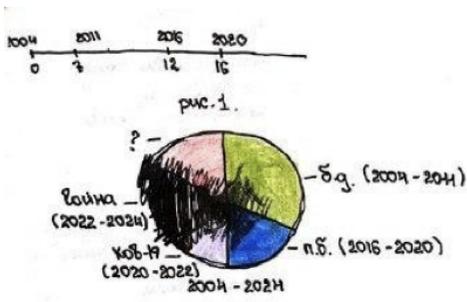
тук-тук-тук

всхлип-всхлип-всхлип

бум

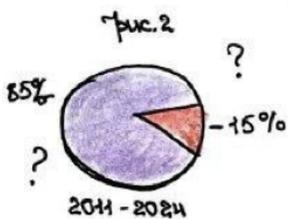
хлопок

данные больше не обновятся

- 100%

%.

Превращая строчки поэзии
в агитационный шлак,
мы идём друг за другом
с площади в автозак.
Как паломники, тихо,
за нарциссов букет
мы идём друг за другом
под залпы ракет.
Мы читали Бодлера,
мы учили Гюго,
только Тютчеву-бесу
не так повезло.
Мы идём друг за другом
а за нами — менты,
вкрутят в головы наши
стальные винты.
Нарциссы, поэты,
ракеты, Кресты,
площадь, доносы,
агитки, мосты.
Мы идём друг за другом,
а за нами — менты,
скрутят рученьки наши
в живые узлы.
Мы много читали,
немало писали,
менты говорят нам:
«Лучше б молчали».
А кто будут судьи?
А кто будет Вернер?
Но наши вопросы
им надоели.
Как паломники, тихо,
от угла до угла,
мы бежали, пытаясь
дожить до утра,

но ночные служаки
всех заметили — вот
теперь уж никто
из нас не уйдёт.
Те, кто успел,
не помогут нам, друг,
их белые лица
не полезут во мглу.
Мы идём друг за другом,
а за нами — менты,
но не смотрят они
вглубь ночной черноты.
Полумесяц взошёл,
нужно что-то менять,
но три года уже
им наплевать.
Мы идём друг за другом
по плевкам горожан,
надо ли это,
скажите вы,
нам?

1

Я ненавижу солнце,
я не люблю день,
не уступаю бабке автобус,
не терплю кричащих детей,
не сочувствую беженцам,
не донатил на дроны,
я сделал чай,
а он умер
в окопе.
Я злой человек,
я читал Штирнера,
я смеюсь над котами

с усами Гитлера,
я читал Толстого
и хотел Элен,
я читал «Героя»
(нормальный чел).

Я расист, гомофоб,
живодёр, либераха,
Иуда-предатель,
газлайтер, сексист,
блудник и преступник,
содомит... Список продолжите сами.

Я плохой человек,
но и вы не лучше,
во мне темнота
и она не хуже
во мне, чем весь этот мрак
снаружи.

2

Почините мир
чувство вины побуждает
взять в руки топор,
730 шагов
или
как инспектор Жавер
попросить об отставке.

Мысли о смерти есть
осознание
хрупкости жизни:
что-то вылупится из скорлупки (?)

Почините мир
чувство вины возбуждает
налить вина, залить глаза,

забыть вину,
принять в себя,
посыпая голову табаком.

Почините мир
чувство вины порождает
ярость
агрессию
кризис рынков
затяжную депрессию
обвинительный приговор
Я плохой человек?
Напиши на меня
заяву
в Страшный суд.

Чувство вины родит
обвинение.

Почините мир.

Налейте всем в пропорции
7:1

но на подносе — донос,
не мозжечком, но в мешочках лёгких
я догадываюсь:
не спастись.

3

Даже искусство поэзии
требовать слов перестало,
зарылось в контексте,
охоте на голову П.,
смерти, войне и тюрьме:
за свободу нужно бороться.
А я
уже наметил висок (правый),

заранее,
чтоб не середина лба;
чтоб своею рукой:
чтоб вы потом не винили
за повышение
мента.

Под собою не чуя страны
жили?

Проживёте
и
без
меня.

Я плохой человек,
я бегу от суда,
от армейских казарм
и сизошной угрозы.
Я плохой человек
и мне жалко себя —
жрите тексты мои,
товарищ судья.

НИЧЕГО ТВОЕГО

Короткая наша жизнь.
Дешёвая наша смерть.
Со мною насмерть ложись.
В глаза не пробуй смотреть.
Заплачет ложь-человек
о нищем ужасе глаз:
мы здесь поляжем навек,
но здесь оплачут не нас.

Затмения гибнут, и
говорим, замолчав,
боремся, не боясь.

Время служит концу:
дико и просто рвать
с лакомой пустотой
может свобода сил.

Мы свободны, когда
над собою не спим
и себе не верны,
с горем доля ночлег.

В гибель спешит корабль.

Рыщет в ночи фонарь,
никого не спасти,
не узнать, кто будет всегда.

Воздух: уходишь весь,
и тебя нет, но есть.
Ты им ещё больней.

Те желают тебе
жить, чтобы над тобой
поглумиться ещё.

Воздуху же не жаль
ничего твоего: сказать:
умирай и прощай со мной.

Смертоносного света Господь,
причасти меня мясом войны,
сопричти меня тьме Никого.

Где Никто умирает во тьме —
то Господь умираешь во мне:
я к Тебе призываю Его:

Он Тебя никогда не щадит,
я себя никогда не живу —
но об этом не ведает свет.

Я во тьме, Он во мне, Ты во всём:
Никого не спасём на войне
или всё этой тьмою спасём.

Небо бедное, холодная земля:
я на выгарках волны пылаю зря.

Бог над Богом говорит не говоря

больше имени бездонного огня:
Боже имени, не выменяй меня,
мира мирови не вырони храня:

время вырыли.

земля печальна как зима
но тьма сильна не навсегда
восход не всходит из земли
а ты со мной поговори
пока болит несмелый рай
будь милый мир не умирай
и будь ещё тем больше добр
чем горше ад в пропащий год
а время битое стекло
сквозной волной унесено
туда где просто и светло
и ждать не нужно ничего
и ждать не нужно ничего
и ждать не нужно ничего

ПАМЯТИ ПАВЛА КУШНИРА

*

Увечной речкой потечём,
к плечу плечом в печи сгорим,
могилами заговорим,
не пожалеем ни о чём —
затем, что не умели жить,
а научились умирать,
затем, что было жаль всегда
родной земли простую жуть.

*

Бежит безумная вода,
лежат постыдные снега,
горит последняя луна
и говорит кому-нибудь:
ни слова больше не скажу,
ни встречи вам не навяжу,
ни строчки вам не напишу,
но вы живите как-нибудь.

Татьяна Платонова

эх сейчас бы выехать за границу

так возьми и выезжай
кто тебе запрещает

у меня денег нет

пф, это всё отговорки
захотела бы — выехала

легко говорить, когда у тебя есть деньги и возможности
а у кого такой возможности нет
что делать

не нить и устроиться на работу получше
это же так просто — берёшь и находишь
вот посмотри на меня — я не ныла и вовремя
нашла идеальную работу
вовремя
сделала загран и визу
вовремя
свалила куда хотела
и меня даже одобрили
не понимаю, откуда всё это нитьё
по поводу закрытых границ
дорогуша, все границы только у тебя в голове
а ты возьми и открой
это же так просто
не беситься с жиру
и не плевать желчью в тех, кому якобы
повезло

во-первых заткнись
а во-вторых - погоди, ты что, вернулась
зачем

а не твое собачье дело
захотела — выехала
захотела — приехала
ты-то что здесь сидишь

а я не сижу
я уехала

Курсы эзопова языка
Для отбывающих
Во внутреннюю эмиграцию.

2018

маленький человек созывает экстренное совещание
маленький человек на грани истерики
вот вот тычет пальцем производители жалуются разве мы
колбасу не запретили
Так точно вашество но этот народец людишки они придумали

Что значит придумали запретить
царь я вам или не царь запретить
всю эту ихнюю европу
запретить
убрать с глобуса нет у нас и никогда не было ничего кроме
тысячелетней империи от байкала до каспия
Волшебными чарами сокрыты континенты
Сказочный правитель сказочной страны над картой колдует

хватать с позолоченного блюда ломтик немецкой
сырокопчёной
Жирными руками
Наводит морок.

2019

Государственная тайна

Расстреливали их расстреливали
Потом расстреливали расстреливавших
Потом расстреливали расстреливавших расстреливавших
Потом расстреливали расстреливали расстреливали
расстреливали
И однажды очередные стрелявшие
На вопрос кого и за что
Не смогли ответить.

2019

Федерико Гарсиа Лорка

Так вот грохнет засов давай мол собирайся не спрашивай
куда и зачем
есть такое слово
Nada.

2020

Небо растяжкой
Над крышами офисных окон отражения
чикичики кузнечики
солнечных брызг в траве электричество россыпью детские
крики
Ты убит ты убит
...
Тишина
Медленно птицы
на водопады стальных
перекрытий.

2021

Поговорим об этом
когда всё закончится
тебе будет нечего сказать
тебе и сейчас нечего сказать
зато ты можешь написать донос
иная форма дискуссии вам неведома.

15.04.2022

П.Г.

*Научи меня жить в тёмной комнате
(из песни)*

Твой мир всегда был
чёрнобелым
ДОБРОилиЗЛО

помню как над тобой смеялся да брось ты
мир это такой порнофильм
пятьдесят оттенков и тоже там оно смотря с какой
стороны смотреть
у каждого свои ценности они не хуже тебя просто другие
ну и так далее
неужели я всё это говорил

Знаешь сейчас когда вот оно зло абсолютное непроницаемое

а вот ДЫРА размером
боль СКРАЯМИРВАНЫМИ ше
чем РАСПОЛЗАЮЩИМИСЯ
Бог ОГРОМНАЯДЫРА

вот она вокруг тьма кромешная
но где свет
куда он
делся
найди в себе силы его найти
у меня уже нет таких сил никаких

темно как же здесь темно
ни лучика не долетает
научи меня жить в тёмной комнате
научи меня жить в крошечной тьме.

15.03.2024

Алые Паруса-2024

*Вчерашние школьницы становятся
позавчерашними*

Не знаю как вы а я этот праздник люблю
есть в нём что то архаичное такая инициация экскурсия во
взрослую жизнь
открыточные виды того что им ещё предстоит
Вдруг словно бы отрывистые команды сквозь симфоническую
музыку
и бригантина превращается в
тот самый военный корабль галеру для каторжников
Нет нет показалось
всё нормально ребятки празднуйте
вон они вчерашние школьники
по чужой земле
фрагмен ты
костей.

28.06.2024

Одни девчонки вздыхает батя
внуков нет некому фамилию продолжить
Эээ не плачь дедушка
вот развяжет очередной фюрер очередную войну
а вот ему накося выкуси вместо пушечного мяса
нехай с голоду околеет плешивый
или какой он там будет
очередной фюрер
земли Русской.

01.07.2024

Курская битва

А ты у меня боевая
тебя под танком крестили
дада церквушка возле памятника той войны
а танки снова горят на твоей земле
человечество ничему не учится оно только и умеет танки
жечь
жечь эти чёртовы танки
я бы другое слово употребил но ты этих слов не любишь
обидишься не
дочитаешь до конца
снова там у тебя танки горят а здесь знаешь как это выглядит
вот смотри военный возле метро
ну военный и ладно звания не разобрал привычно подумал
о войне
но так походя мельком как всегда
а он вдруг говорит осторожно мол и указывает на
грузовик большой въезжает с улицы
большой закрытый военный грузовик с зигой на кабине
ты знаешь здесь в глубочайшем тылу машины давно уже
буквами не расписывают даже военные прошла эта
мода
пронеслось в голове
помнишь я тебе показывал эту улицу длиной
в человеческую
жизнь
вот роддом вот дворец бракосочетаний помнишь мы там
расписывались
тут же ритуальные услуги вход со двора
арка слишком низкая большой военный грузовик не проедет
ну они и двинули через стоянку возле метро
помнишь ты говорила туда к вам из питера мурманска
призывников согнали
Вот и вернулись ребятки домой.

16.08.2024

Инна Кулишова

В преддверии Шоа, но не только

Хорошо давай так я пойду у б и в а т ь
не потому что меня уже у б и л и
не потому что тебя уже у б и л и
но чтобы они смогли
родиться
родиться

Выйти на крыши обугленных зданий
вынести серое однозначное небо
пройтись по верхушкам
пепельной пшеницы
пепельных тел
бывших их собаками кошками
птичками рыбками
ими самими

Имена им
люди звери деревья

И нет у них дня
ни первого ни шестого

Вот я наполняюсь кровью
увеличиваюсь в размере
выпускаю из себя всю изнанку
из нее выйдут новые дети

Прямо из сердца прямо из головы
так что зевс позавидует так что сам
имя чье zalюбуется
zalюбуется zalюбуется
Да застынет неименем дня восьмого

А моя кровь украсит этот песок

красной глиной нецелованной
не целовавшей
Не впитавшей ничего видимого
и невидимого
Сохраняющей отпечатки
лап и ступней
как ступеней
словно опечатки
букв

избранных букв
набранных букв
собранных букв
призванных букв

По которым как по
железным ладоням
печатной машинки
избивающим что есть сил
обе щеки
белой как лицо нераскрытого
света
бумаги
осторожно
очень осторожно
создается мир

где нас не будет
пока мы есть

12.03.2024

Давайте давайте больше раненых и погибших
по сравнению с вечностью это тільки пшик
их никто не вспомнит лет через пять веков
им никто не споеет не спечет из их плоти пекарь
хлеб насыщенный из их крови не сделает винодел

суперпремиум класса вино Кого выходил
призрак строчкового словоблудия
слогопедства Каких детей что не брезгают
украинских еврейских детей глядя в небытия
предшествование на кусочки крошить
с головой выдавая себя за уют
их жизнь зажевывает или смерть
не разглядеть
пока брошенные животные теснят пока
не для них построенные города
заставляя себя умереть

Пока заставляем ся жить заставлены лица
теньями что вещмешки Давайте чего же там мелочиться
чем меньше тем чуднее лица Чудово время его корешки
не более выпавшей решки
пока подброшена не монета
пока ею освещена комната

Пока не не кому жить да не жить

Пока омбы летят пока еты летят пока птицы
лежат на оставшихся ветках скорота
ть бы день Согнута сирота рука
не нашедшая места ласки

в неокрепшей шерсти
в несумевшей мести
в красноте крыл шести
в тесноте отпусти

И убийцы

ищут ее чтобы не искала не срывала
колоски
для теплого покрывала

15-16.03.2024

Мои книги из металла горят при
прикосновении приди
Огненные буквы выедают стри
гут страницы под ноль создают заново ди
вись Металл горяч упруг
иссекает воз
дух рассекает боль Приди Мои книги север юг
фос
фор фас
твой
Приди Отопри
Мою книгу прижги огонь
ея Расплавь
металл каменный стеклянный
несгибаемый При
мет ей нет кон
ца не сца
пать Явь
ея зияет раной
не за
живи
не за
живляй
Приди сорви
печать

16.03.2024

На пластинах в наших палестинах
древними начертано иди нах
мы продукт чужих переселений
в этот день пасхальный и весенний
пьем за то чтоб никогда а значит
кто-то снова текст заветный прячет

Кто-то запирает дверь и окна

и скотину прячет, и амок на
лицах, вход ломающих, изнанку
вежливых улыбок кажет. Мамку,
выйдем на крыльцо с другого входа,
и с собою кошку, и приплода
стайку, и собаку, и корову,
выйдем, мамо, подобру-здорову.

Ветер вон терзает чей-то крестик
жаль с магендавидом им не вместе
как мы разойдемся если раны
смешаны и слиплены и рамы
выбиты в сплошное дыры неба
черные как

Так же как из поздних и из ранних
прячется в любом из нас изгнанник

16.03.2024

Я носитель не языка пока битые
стали битыми и жив ут а буков и звуков
которым нет прощения
если нет ответа
Мой звериный голос не тут пока убитые
стали слитыми слитными с круго
воротами не открытыми в щемя
щее чувство непустоты несвета
выношу за круги своя все что может
не вынести
кожа дубовая ожа дубеная
что же
Это твоя война уличный зверь мой это сти
хи ха ньки не твои Это время оное
разрывающее перерывы
мертвой непустотою

Это вы звери мои язвыки ваши живы
свои выношу с собою

И кладу у у у не скол о ченного ящика
как настоящая

23.03.2024

Кем беремен рай
перемен не зная
 Каравай гуляй
 птичка золотая
По нему по небу Хай
думают грай А

это мирные акушеры
 раскрывают руки
 шивы шовы шевы
 Птичка стуки стуки
Найдут же тебя же ры
бонька под золоты лапоньки

 поведут вещать ветрам
 рвущим ветви лица
 Кто там кто там там
 нам родится
По телу по тэгу сам
и отметится

Не скажу говорит
 Не рожу говорит
 Не рыдай говорит
 Я не рай говорит

24.03.2024

ТРАВМЕЛОГ. ГРУЗИЯ. Последняя остановка

Прямоугольный параллелепипед желтого
с темно-красными полосами троллейбуса
на четырех грязных окружностях
медленно переезжает
из Киева в Тбилиси.

Эвклид пьет с Лобачевским
из изогнутого конуса
посреди проводов,
вздрагивая от ударов
тока, словно от смеха.

Это последняя остановка.

Где мы пересаживались.

С одного троллейбуса на другой.

Любимый, желанный, единственный.

Чтобы ехать домой

по-настоящему.

Как-то в троллейбусе

любимом желанном единственном

сзади стоял пожилой человек

в слегка замызганной одежде

держа завернутые в газету ботинки

похожие на вангоговские

Нес из починки Сошел на одной из

остановок и побрел в противоположную

сторону Мы стояли рядом Мы поехали дальше

Вдруг несколько пассажиров

одновременно заметили то

что не заметил старик

Один ботинок выпал и лежал на боку

словно бездомный щенок

Молодой парень что-то крикнул водителю

троллейбус остановился Он взял ботинок и

побежал Мы стояли Мы видели Он догнал старика

отдал вернулся Мы поехали дальше

Все это время троллейбус ждал

без единого слова
обретая лицо водителя и каждого пассажира
поочередно Жаль не запомнила лица
Но Тбилиси помню таким

Троллейбус переползает с фотографии на фотографию
словно непосчитанный муравей на сломанных роликах
под грузом обоюдоострых
междугородних воспоминаний
Какие улицы Киева
где уже не жили
близкие
с тбилисскими
соединил
желтый параллелепипед
с темно-красными линиями
исключающий параллели
в рифмованных жизнях

Были справа деревья и Пушкинский сквер,
слева — здание Цекавшири
(что-то вроде
Центр. союз потреб. орг. Груз.ссп
в переводе).
В нем овощной магазин, в магазине вода
по витрине струилась волнами, зелень
бодрствовала, как трава под дождем, рядом
пел гастроном, рядом пончики, лучшие
в городе (время детства нескольких
поколений), мраморные столы на ножках,
словно собираются бежать по
волнам, рядом пела парикмахерская «Гигиена»,
что-то еще, и текли друг за другом
троллейбусы, из которых один
оставался заветным.
Не бог весть какое здание,
но вид не загоразживало.

Сейчас снесли все и построили
огромное волнообразное, словно
надсмехающееся над той водой
и свежими овощами,
словно темная волновая материя,
гнется бесцветная
гостиница с парковкой, убившие
гигиену сквера, деревьев, покоя и
несколько картин Пиросмани,
и возвышенную горами,
укачивающими, молчаливыми,
невзрачную теперь
не выражающую себя
площадь.

Что касается площади, она столько
носила имен, в том числе генералов,
вождей, что Свободу вынесет запросто.

Много раньше здесь был модерн,
заставший еще Дюма,
горы виднелись почти во весь рост,
разбегающиеся отроги, Триалетский хребет,
Сололакский, и шелестели деревья,
передавая яркие новости своей серьезной жизни,
а сейчас только губы говорят в никуда
безличные ругательства.

Да и пересаживаться
не имеет смысла,
и я возвращаюсь
с другой остановки,
притворяющейся, будто она в сквере
примостилась к оставшимся деревьям,
переполненная людьми
разных народов об эту пору,
но запомню только кота —
одиноко сидящего на железной
псевдоскамейке с поселившимся во взгляде

отсутствием всякой надежды найти дом;
в автобусе, номер которого путаю
со старыми, напрасно выискивая их
на табло, перемигивающемся цифрами,
глядя, как обманывает окно
автобуса, меняющего номера, показывая
низкопробное кино лишившегося архитектурной
гигиены города, пока там быстро проносятся
тот Киев и тот Тбилиси
в тех пропорциях,
параллелях под
углом в столько градусов,
что скорее бы лечь
в длину, широту, высоту,
превосходящие
все снесенное
в пределах,
не равных
существованию,
но рваных,
как сгорбленный путь
домой
по-настоящему

Медленный легкий троллейбусный
Вспомнить бы номер

30.03, 3, 7, 8, 10–11.04.2024

Кто склонялся к чуду?
Хватит бить посуду
и лечить простуду.
Неси, Галя, вуду.
Стелется барвинок
посреди простынок,

и поет кукушка

прямо Йому в ушко,
мол, чужие детки
плачут подле ветки,
где они простыли,
где их и убили,
где они чужие,
где они и жили.
Приезжали лица,
чтобы подивиться,
головой качали,
полные печали.
Но не ставят точку,
чтобы жить садочку.
Што молчите или
прошное забыли?
Запад ло вит мысли
в ихнем коромысле,
обретает свойство
антибеспокойства.
Не, грит, не забуду,
не простим паскуду,
хватит бить посуду,
неси, Галя, вуду.

5-6.04.2024

травень 1937 року
не припомнить ей-богу
что за месяц был и маца
до тех пор продавалась ли в магазинах
как ты потом рассказывала от отца
не отреклась но и вы не смогли иди нах
сказать советской власти
после тридцать седьмого
хоть и не клеились к ней и мова
три языка смешала или четыре

кто с тех пор обитает в вашей квартире
Провожать пришли на вокзал все
го лишь из всех родичей двое
муж с женой Что такое?
Все бывало Потому ли выжили? Счастье
Впрочем стоит ли если сотни
войн потом ну поменьше гипер
бола форма боли месить не взвесить
и единственное вот мне
утешение в сумме литер
говорить словно делать выбор
между тем что бросать на вітер
да и не знаю какой был месяц
день а потом дней рушимая связь
день был такой-то я родилась
словно рождением бессмысл был задуман
The Accidental... как его... Woman*
Сном дурным повторять слова изо
дня в стихонетворения близо
сти ожидая напрасно на жиле
остроконечной дороги наживе
той пустоты что не что есть что кроме
Киев Тбилиси Израиль хай живе
кто-нибудь кто-нибудь кто-нибудь кто-ни

23.05.2024

Дышит собака лежит на боку
дышит собака
Ей еще несколько вдохов
Дождь за дождем на другом берегу
кажется драка
Через страну слишком плохо в

*Роман Джонатана Коу «Случайная женщина» (Jonathan Coe, The Accidental Woman).

городе каждом два года война
север на юге
тоже война а собаке все ра
вно все собаке
Как и коту через пару
кварталов драка что чья-то игра
мир Миядзаки
Дождь поднимает опалу
тел предназначенных что же за гли
на нас создала
Есть человечество нету Земли
Словно зверей Тебе мало

25.05.2024

Хочешь знать, как они попали сюда?
Шли через перевал, сто снегов, звезда
никому не светила, да,
умирали, оставшиеся шли да-
льше. Имена? Раскрой
телефонную книгу от вой-
ва-вой какого года: зной,
море, лес, поле, тайга или какой
еще пейзаж в фамилиях их
предков, номеров уже нет, лих-
их уже нет, городов малых и больших
почти нет, остается — стих,
хранящий годы, народы и имена,
нет, это была не одна страна,
нет, не хочешь, нет никакого на
все времена, нет времен, где нет, про запас,
нет, тогда не брали зверей, а сейчас —
почти каждый из нас.

2-3.06.2024

Фейки — это маленькие феи.
Вот они кружатся над Москвой.
Проникают в скверы и аллеи,
с прошлогодней возятся листвой.

Мир людей безжалостен и страшен
и не хочет радостей простых.
Вот они вблизи кремлёвских башен
пролетают в платьях золотых,

в туфельках серебряных... Но лица
все в ожогах, только посмотри!
Сколько боли может уместиться
у волшебной девочки внутри.

Кто их видит? Бабки на скамейке?
Зэки из Матросской тишины?
Горем искалеченные фейки —
горькие свидетельства войны.

Один старик из мёртвых воскрешал,
стоял часами, даже не дышал
над мертвецами, плакал «Боже мой»
и в голос выл, как пёс сторожевой.

Он в голос выл, но мрачен свод небес,
никто из этих мёртвых не воскрес.
Он их зарыл в одном из тех дворов,
что я писать по памяти готов.

Многоэтажки, дети, старики.

Нам рассказали — здесь живут враги.
Я слышу крики с этих самых пор,
был у меня такой же точно двор.

Я вижу тьму, я слышу эту жуть.
Попробуй воскреси кого-нибудь.
Постой в слезах, с кривым от боли ртом,
и мы с тобой поговорим потом.

НАЧАЛО

Давай готовиться. Уложим готовальню:
рейсфедер, циркуль, транспортир.
Путь дальний.
Вот измеритель. Вот пустырь.

Пространство белое зимы, шершавый ватман,
пенал, набор иголок, тушь.
Слух ватный
после болезни, в горле сушь.

У кочегарки свален уголь. Вот угольник.
С крест-накрест шарфом на спине
невольник
рассматривает карту на стене.

Все концентрические трещины в пауческом
порядке перед ним рябят.
Заучим
райцентров имена, мой брат.

Давай готовиться. Горит с подщёлкой тара.
Ты из какого, кингисепп,
кошмара?
Иль это сланцы? Я ослеп.

Мне тосно в киришах, рычит на тихвин волхов
и колтуши лежат ничком.
Ни вдоха.
Ни даже признака ни в ком.

Нет никакого выбора в металлострое.
Откуда взялся этот бред?
Сырое
пространство, проездной билет.

В калошах хлюпает. Зима слаба в коленках.
Вот кинохроники с утра
на лентах
мерцанье страха. Мне пора.

Фонарно-точечный. Неоново-фонарный.
От горя к горю перебег
угарный.
Гарь времени легла на снег.

Посадки-допуски, тиски, напильник, фаски,
жёлто-ремонтных мастерских
две фрески, —
полуподвальных окон дых.

Когда с посадочным, уже затеяв бегство
от производственных резцов,
от бедствий
труда и лозунгов отцов,

заходишь в слякотный вокзал гудящих пазух —
вокал бетона и стекла
в запасах
тоски велик, сиянье, мгла —

и в тамбур лузганий, перешагнув расщелье,
с платформы входишь, — нет тебе
прощенья
в повиновении судьбе.

*

в ноющем нашем храме войны воющей невинности внушенной
вины невыношенного младенца крестят
тут низкие облака волокут за собой трудные тени тусклые
созвездья

мягких ликом контур стерт разорван смерть встретить с
фронта поставить свечу
господи я не хочу видеть список усопших

зябко господи зябко сложно глаза поднимать нет ни слова
ни звука

мать отец дед бабка хоронят внука
и оставляют кровавый след

смотри сука нет нет смотри смотри сука

*

в виноградниках спят солдаты голова к голове
сладкие сладкие как мякоть как сахарная вата
близкий запах пожара стоны южных лесов
спите спите среди умерших ягод чужой тяги
к жизни рядов виноградных лоз

одеты в траву согреты
где же ты где ты будда шива
дед мороз иисус христос
в этот год они вели себя хорошо
один из них поджег дом с четырьмя детьми
другой ударил себя ножом

*

ангелы уродцы
славянофилы иконоборцы
монастырь на улице «советская»
стертое знамя
соседская внучка всегда любила
когда на нее смотрят а она этого не знает
когда при ней матерятся и молятся
за мать за отца за брата
любила песню «доброта это тогда
доброта это тогда когда» барбариков
сегодня хоронили кого-то маленького
приговаривали
любви не любви хоть кусочек урви
не реви не реви вы трезвы мы с войны
мы пьяны этой мякотью звуков мы озябли
забыли забытые буквы
слезу на щеке
она собирала ягоды
и руки были в клюкве
ирге
как будто в крови

*

черный волос наматывать на палец
приговаривая заклинание
стаи черных грачей
крошки черного хлеба остались
зимовать занимать жизни
в здании из красного кирпича
чей ты ничей ничей
так не живи не убей

и летят не касаясь
земли и поют про конец
но сухой ворох слов разбросан
разорвана нить из крапивы
и вниз вниз

тем хребет которых
колючая изогнутая проволока
и крестец прикован распят корни
деревьев покорны
молчаливы

кто кто будет ждать
будет рад раздать
низкое сибирское небо

о расстрелянные и рассеянные
о разъятые и раздетые
кто согреет вас кто назовет каждого

не спрашивай не спрашивай

Эссе

Читая Даниэлу Стил

Читая Даниэлу Стил, я впервые мастурбировала. Мне было 13, кажется, седьмой класс. Пока родители работали, а сестра скучала на сольфеджио, я аккуратно снимала с маминой полки очередной роман в мягкой обложке и устраивалась в кресле — сюжет меня тоже интересовал. Ближе к вечеру приходилось возвращаться к обязательному: чистить картошку, прибирать дом.

Пока не прочла каждую книгу с золотой полосой по верху — весь тот учебный год — уроки я делала по ночам.

Все изменилось, а запрет на чтение определенной литературы остался. Теперь государство, бдительный родитель, потрясает указательным пальчиком.

— Это, Маша, тебе читать нельзя.

Ах! Теперь так хочется.

Запретная полка сжимается — раздувается: от отдельных имен до целых жанров. Изредка ее наполнение оформляется в аккуратные списки.

Имя. Название. Год издания.

В одном из таких расстрельных листков оказалась Даниэла Стил. Теплую грелку положили на низ живота. Пока 30 требовали найти во всем происходящем смысл, 13 изнывали желанием.

По однотипным обложкам с драгоценностями на фоне цветов сложно припомнить сюжеты. Память подбрасывает историю близняшек из состоятельной семьи, значит, вот та — с сережками-капельками, похожими на сверкающие вульвы. Пользовательница Unicorn13 на сайте «Отзовик» пишет, что книга «с нотками войны и феминизма». По большому счету, признав, что есть темы, не покидающие мой разум вообще никогда, с войной и феминизмом я трахаюсь и сейчас.

В моем окружении женский любовный роман считается жанром, недостойным внимания образованного человека. Популярным, коммерчески успешным, существующим несколько сотен лет — но недостойным. Как же прекрасно, что мама никогда не была обременена подобным окружением.

От книги к книге передо мной вышагивали владелицы собственных бутиков и арт-галерей, трудолюбивые кинозвезды и режиссерки, копирайтерки и фотографки, юристки (много юристок!), телеведущие и, конечно же, писательницы. Жительницы романтического Сан-Франциско или бурного Нью-Йорка, но чаще всего — чистенького пригорода. Все они растили детей, готовились растить или уже вырастили. Всем им жизнь и судьба бросила вызов. Эти храбрые и независимые (разве что от общественного мнения) женщины приняли его наилучшим образом.

Их сила впечатляет меня сейчас, в 30, но в 13 совсем не трогала. Пубертат заставлял выискивать эротические сцены, абзацы и предложения, любое соприкосновение губ или хотя бы отчасти обнаженных тел. И пусть канон успешной любовной истории предполагал формулу «больше романтики — меньше порнухи», а книги Стил были для своего жанра в высшей степени хороши, без находок я не оставалась.

Пользоваться закладками или загибать уголки страниц нельзя, так что я выписывала номера в свой дневник. У меня было мало личного пространства и доверия к родителям, так что даже там, в общей тетради с простой синей обложкой, я изъяснялась кодом. Название книги — только согласные, нужная сцена — номер страницы.

ккдвкплвд 36, 84, 125, 216–218, 303.

Эта абракадабра на форзаце была важнее сердечек вокруг имени мальчика из параллельного класса в самом центре тетради. И дело не в значении дроч-контента для подростка, а в том, чем эти цифры на самом деле являлись — уликами. Читать то, что тебе запретили, — это ведь преступление. Верно?

Даниэла Стил попала в черный список московских библиотек из-за романа «Семейный альбом». Это история о долгой жизни успешной женщины, которая, несмотря на регулярно выходящих из ее вагины детей и не менее регулярно пытающегося туда пробраться мужа, добилась значительных успехов в карьере. И я не верю, что причина запрета кроется в квир-линии сына главной героини.

Во-первых, потому что это не единственный роман Стил, в котором можно усмотреть крамолу.

Во-вторых, потому что это в принципе не единственный женский любовный роман со сколь угодно значимой квир-линией.

В-третьих, потому что мать в «Семейном альбоме», узнав об отношениях сына, схватилась за сердце и выдавила что-то вроде «ну

что теперь поделаться, болезный ты мой, я тебя и таким люблю». Никто в здравом уме не может посчитать этот набор клише, прямых оскорблений и образцов токсичного отношения за пропаганду.

Нет, я считаю, что Стил и ее читательницы получили предупредительный тычок. Дамы, это вам читать нельзя!

Ах! Теперь так хочется.

На самом деле женский любовный роман — освобождающий, феминистский и даже, страшно сказать, оппозиционный продукт. Даниэла Стил выступает против традиционных для России ценностей.

Если у героини романа Даниэлы Стил уже есть мужчина, но он эмоционально недоступный, отстраненный и приносит в дом только деньги, а не счастье и любовь — будет развод. А после развода — встреча с тонко чувствующим, внимательным, выслушивающим и рассказывающим о своих эмоциях (прямо как гендерно социализированная женщина) мужчиной. Если мужчины у героини нет, даже проще — сразу ищем нужного.

Даниэле Стил не близка идея типично патриархального брака с домашним насилием и абюзом. Идея бедности ей тоже не близка. Чаще всего ее героини еще при рождении воспользовались кодом “motherlode”, в таких условиях сложно воспевать мысль, что финансовые трудности можно перетерпеть, главное — здоровые деточки и собственный мужчина на диване. Благополучие важно для женщин Стил, пусть оно и принимает форму, прямо скажем, не самых эгалитарных атрибутов: нарядов и украшений.

Женщины Даниэлы Стил богаты и красивы, они ищут решение своих проблем, а не только лишь терпят и страдают. Они рожают детей, зная, что могут отправить их в лучшие школы, а потом и в лучшие колледжи страны без пособий, материнского капитала или гробовых.

Теперь, вдумавшись, я не удивляюсь имени Стил в том самом списке. Удивляюсь, что запретили только одну ее книгу.

Ближе к концу учебного года мама ушла в декрет. Она должна была родить третьего ребенка, моего младшего брата. Теперь у меня было не больше часа в день, пока мама ходит по магазинам. Однажды, вернувшись из школы, я вошла в свою непривычно чистую комнату и увидела ровно посреди пустого стола, под прибранной полкой без пыли, свой дневник. Задыхаясь от резко учатившегося сердцебиения, я поковыляла на кухню.

Удивление! Маме не было никакого дела до набора цифр и букв! Она возмутилась сердечкам вокруг мужского имени. Рассказала парочку личных историй о плохих парнях и хороших девочках, пригрозила потерей репутации (моей лично и всей семьи), объяснила феномен быстрого распространения информации в закрытых сообществах (это же, блять, военный городок, Маша!). Кажется, даже если бы я прямо рассказала, что пока я тайком читаю ее книги, мне хочется засунуть руку в трусы и я не очень-то борюсь с этим желанием, она бы не разозлилась. Главное — не путаться с парнями до свадьбы, все остальное опционально.

Но тогда я задумалась: почему проявление чувств и эмоций разрешено героиням книг, но запрещено в реальной жизни? Не думаю, что дело только в возрасте. Желание бросить надоевшую рутину и изменить жизнь — это взбалмошность и несерьезность. Стремление к богатству — показатель дурного нрава и почти что признание в намерении грабить и обманывать. Большое количество браков, а тем более просто партнеров, у женщины осуждается всегда. Хорошая честная женщина перманентно бедна и устала, она любит только выпечку и детей, уважает только мужа и из этого же уважения изредка может его захотеть.

Если в 13 я читала женский любовный роман из-за телесного желания, не от другой ли неудовлетворенности моя мама читала его же в свои чуть за 30? Текстовое воплощение всех наших мечт.

Через несколько лет после рождения брата мама — отдавшая пятнадцать лет самой разной работе, в одиночку ведущая весь семейный быт и воспитание детей — бросила попытки совмещать несовместимое и стала полноправной домохозяйкой. Новая жизнь принесла ей обостренное желание уединиться, снять стресс, иметь личное занятие, думать о чем-то кроме обслуживания других людей.

Как же прекрасно, что с ней останется Даниэла Стил. Воистину, мало кто принес российским женщинам столько же счастья. Ах, как приятно прилипнуть к книге, вжаться в нее, узнать полностью, прочувствовать переживания и излиться приятной усталостью от хеппи-энда в последней главе.

Да, это всего лишь фантазия. Да, это даже не лейкопластырь, а облепленный подорожник, приложенный к кровоточащей ране. Я смотрю в окно прямо сейчас: ау, равноправие? Его нет. Свои права с трудом

выгрызают самые образованные из нас. Я с ужасом признаю, что даже чтение — уже эмансипация. Трата семейного бюджета на книги только для себя; время, которое можно было потратить на заботу о других. А если еще и общаться с другими женщинами в тематических группах! О, это почти что революционно. Это легальная и одобряемая — пусть и снисходительно — феминизация без негативных последствий. А флер «недостойности» любовных романов — навязанное властью мужчин ограничение этой феминизации.

Став домохозяйкой, я, разумеется, тоже припала к мягким обложкам. Другие авторки, другие шаблоны, но смысл неизменен. Я читаю, когда ношу первую дочь, когда ношу вторую. Читаю, когда узнаю диагноз старшей, когда младшая не адаптируется в саду. Читаю, когда не нахожу для старшей должной инклюзии, когда понимаю, что никогда не выйду на работу. Читаю, пока подруги все реже пишут и реже отвечают. Читаю, когда мама, проводив папу на пенсию, открывает свой маникюрный салон и оказывается, что у нее больше нет времени на любовные романы. И где только она набралась этих идей?!

Сегодня мои 13 и мои 30 сидят рядом. Руки поверх одежды — удовольствие теперь иное.

Спрашиваю у себя взрослой, когда исчез запрет на чтение любовных романов? Как ты поняла, что теперь можно? Отвечаю себе юной, что торжественного срывания навесного замка не будет. Просто однажды вы с родителем становитесь равны. Вы уже не взрослый и ребенок, а одинаковые стороны обоюдной коммуникации — пусть и обложенные некоторыми правилами, но уважающие социальные роли друг друга.

Я перестала бояться маму.

А ей больше не нужно меня пугать.

Мои 13 и мои 30 сидят рядом. Однажды нам будет можно читать всё. Даже Даниэлу Стил.

Магические практики в современной России

Осенью немецкий хутор, где находится приют, пахнет старыми досками и мокрыми псами. Скошенная в сентябре крапива гниет, а в разросшемся яблоневом саду, плавно переходящем в лес, все деревья усыпаны красными, перезревшими яблоками, ни одного листа не осталось на ветках.

Пришлось встать в воскресную рань, но я не хотела упускать возможность побегать с собаками по лесу.

Мы с Настей и Славой подошли к остановке. Пару дней назад погнутую металлическую конструкцию заменили на куб из стекла, и его поверхность уже покрывали тэги и объявления о ярмарке шуб. По дороге от дома до остановки Настины руки покраснели от холода. Я взяла их и начала растирать, но Слава сказал, что у него есть решение получше, расстегнул куртку и притянул Настю к себе. Она обняла его, а я сказала, что мне вообще-то тоже холодно и обняла их двоих, тоже засовывая руки под Славину куртку. На остановке никого не было и можно было не бояться чужих взглядов.

Мы стояли так, а я думала о том, что ноябрь — это самый худший месяц в году. Я и сейчас продолжаю так думать. В ноябре я бросала универ, ввязывалась в разрушительные отношения, разрывала здоровые, бесконечно болела гриппом, простудой и депрессией. Недавно я прочла рассказ шведского писателя Ларса Густафссона «Искусство пережить ноябрь», надеялась найти там мысли или чувства, рифмующиеся с моими. Но самым интересным в этом рассказе оказалось название. О том, что богатые мужчины тоже страдают в ноябре, я и так догадывалась.

Автобус опаздывал. Я опустила руки и подошла к краю тротуара, всматриваясь в ту сторону, откуда он должен был подъехать. Темно-синий микроавтобус обогнал несколько машин и быстро приближался к остановке. Его стекла были полностью затонированы. Я подумала, что он проедет мимо, но микроавтобус внезапно затормозил. Раздвижная дверь резко отъехала вбок, и из него выскочило несколько мужчин в темной одежде и балаклавах, в руках они держали черные

дубинки. На одном были яркие красные кроссовки. Кто-то из них ударил Славу по голове, я увидела, как Слава падает. Они закинули его в микроавтобус, прямо на пол. Штанины Славиных джинсов задрались и я заметила, какие тонкие у него лодыжки. Дверь захлопнулась, мы с Настей остались вдвоем. «Звони кому угодно, быстрее», — прошептала я ей и сама начала доставать из кармана куртки телефон. Чья-то рука схватила меня за запястье. Я оглянулась и увидела высокого смуглого мужчину, подошедшего к нам сзади. Он спросил, кому я собралась звонить. Сказала, что просто решила проверить время. «Ну-ну» — ответил он и усмехнулся. Я уже не могу вспомнить его лица, но запах духов не забыла. Цитрус и бергамот. Именно его я почувствовала несколько лет назад, стоя на пешеходном переходе возле здания управления ФСБ. «О, Дарья, привет! Все еще занимаешься подрывной деятельностью?»

Его смех не изменился. Я сделала вид, что не заметила ни вопроса, ни его самого.

Мой и Настин телефоны он положил в карман брюк и, крепко держа нас за руки, отвел за офисное здание рядом с остановкой. Микроавтобус уже стоял там. Нам приказали сесть назад. Слава лежал лицом в пол под передним сиденьем, на руках наручники. Он повернул голову, под носом немного крови. Мужчины в масках ставили ноги ему на спину и смеялись. Я подумала, что красные кроссовки очень удобны при такой работе. Почему они все такие веселые? Встали в выходной день в такую рань. Я читала в гайдах «ОВД-инфо», что при столкновении с правоохранительными органами нужно попросить показать документы, но в ответ на мою просьбу один из мужчин в маске сказал, чтобы я сидела тихо. Я пыталась понять, кто именно нас задержал и за что, но в голову ничего не приходило. Мысленно повторяла раз за разом номер «ОВД-инфо», который зачем-то выучила наизусть. Телефон-то все равно отобрали. Мужчина в красных кроссовках спросил, почему я так одета, к какой субкультуре отношусь — и показал на мои «мартенсы». Я ответила, что сейчас такая мода, в любом ТЦ подобные ботинки есть. «Некогда нам по ТЦ вашим ходить, работы много, вот даже в воскресенье работаем, не отдохнешь с вами» — сказал он. Сейчас я знаю, что они любят заставлять людей в самом уязвимом положении, приходят пять утра или во время деловой встречи. Настя сидела не шевелясь и смотрела в пол. Обмениваться взглядами нам

запретили. Примерно через час ее вывели из микроавтобуса, посадили в машину и куда-то увезли.

Нас со Славой отвезли к нам в квартиру. Началась подготовка к обыску. В маленькой однушке одновременно находились больше десяти человек. Мне сказали сесть в комнате, Славу увели на кухню. Прежде чем пройти в комнату, я попросилась в туалет. Со мной пошла молодая девушка. Из разговоров стало понятно, что это студентка-полицейская и она понятая. Она стояла спиной ко мне и унитазу, я смотрела на ее длинные светлые волосы и думала о том, что, когда это все закончится, надо будет засунуть бритвенные лезвия во все щели в ванной. Просто на всякий случай, мало ли что. Сейчас в моей ванной спрятано около пяти лезвий и я точно помню, где лежит каждое из них.

Когда мы выходили из ванной, я услышала мат и шипение, доносящиеся из комнаты. Тор никогда не любил мужчин. Практически все знакомые парни, когда-то бывшие у нас в гостях, очень эмоционально отвечают на мои сторис и посты с рыжим котом, даже если виделись с ним последний раз десять лет назад. Зайдя в комнату, я увидела Тора, стоящего в углу и раздувшегося, как рыба-еж. Все находящиеся в комнате смотрели на туфли мужчины без маски. На одной из коричневых кожаных туфель, идеально подходящих к его костюму, была дыра средних размеров. Позже я узнала, что именно он курировал расследование дела «Сети» и, вероятно, приехал из Москвы для того, чтобы посмотреть, не получится ли и здесь раскрутить подобное дело — или найти еще одну ячейку «Сети». Выматерившись, мужчина ушел на кухню. Я села на стул. В комнате начался обыск. Тот самый смуглый мужчина принялся рыться в моем шкафу. Он доставал вещи по очереди, а четверо мужчин в балаклавах смотрели и комментировали самые интересные, на их взгляд, предметы. Девушка-понята осталась где-то в коридоре.

Трусы с розовым леопардовым принтом (правда твои? а не маловаты?). Письмо подруги со стихами (ты лесбуха что ли? непонятно что у вас тут творится, ты же вроде с парнем тоже мутишь?).

Стек (любишь пожестче? ну извини, что мы с тобой сегодня мягко). На одной из полок лежал мой хвост, оставшийся после радикального каре, и баночка с кошачьими когтями. Мы собирали сброшенные кошками когти с тех пор, как я обнаружила на «авито» десятки объяв-

лений о продаже кошачьих усов. «Колдуешь?» – прошептал смуглый. Я ответила, что без этого сейчас не обойтись. «И совсем никаких наркотиков? Умеете, однако, удивить».

Обложка на паспорт с портретом Путина вызывала недоумение у всех оперативников. Такая обложка казалась мне постироничной, а сейчас я вспоминаю о татуировках узников ГУЛАГа. Многие из них накалывали себе на груди портреты Сталина и Ленина, чтобы избежать казни – палачи трусили стрелять в изображения вождей, и заключенные оставались жить.

Спустя семь часов нас со Славой посадили в машину и отвезли в управление ФСБ. Оно находится в здании из красного кирпича – в стиле «неоренессанс». Раньше здесь был штаб Гестапо, а потом штабы НКВД и КГБ. Нас со Славой рассадили по разным кабинетам, я успела мельком увидеть Настю в коридоре. Так мы просидели в этом здании до вечера следующего дня. За всё это время нам не давали еду, спать тоже не давали, мы могли немного подремать только сидя в креслах. В середине ночи предложили воду. И морковные палочки из «Мака». Есть не хотелось, голова раскалывалась и тошнило. Во рту собиралась кислая слюна, ее приходилось постоянно сглатывать. Я помню, как практически так же ничего не ела в детстве по несколько дней подряд, когда мама болела и не могла встать с кровати. Это всегда вызывало мигрени. Больше всего я боялась, что от стресса сведет живот. В фсбшной уборной не было туалетной бумаги.

Люди, разговаривающие со мной, постоянно менялись. В мемуарной литературе о ГУЛАГе я часто встречала упоминания подобных многочасовых допросов с постоянной сменой сотрудников. Один из мужчин спросил, почему я такая спокойная, неужели насмотрелась сериалов. Я ответила, что действительно люблю детективные сериалы. «Там обычно все неправда», – отрезал он. Я спросила, где, по его мнению, правда – и он посоветовал пересмотреть «Улицу разбитых фонарей».

Начальник операции, приехавший из Москвы, тоже приходил со мной поболтать, в основном предлагал найти «нормального жениха» среди «своих», устроить на хорошую работу, если расскажу что-то интересное. Позже, пообщавшись с девушками осужденных по политическим статьям, я узнала, что это стало стандартной тактикой. Новые приемы для нового поколения.

По разговорам, услышанным от сотрудников ФСБ, я поняла, что Славе вменяют публикацию статьи о Жлобицком. Несколько дней назад 17-летний анархист взорвал самодельную бомбу в здании ФСБ в Архангельске. Он погиб, трое сотрудников ФСБ были ранены. Слава был одним из администраторов небольшого телеграм-канала, где вышла статья. Но я знала, что статью он не публиковал.

В какой-то момент в кабинет, где я сидела, завели Славу. Мужчина, который сидел со мной, вышел, мы остались вдвоем. Дверь в коридор была открыта, Слава наклонился ко мне и начал шепотом рассказывать, что его шантажировали, говорили, что если он не признает вину, то меня и Настю посадят вместе с ним. А еще говорили, что сотрудники могут подбросить оружие, ведь обыск в доме его родителей еще не проходил. При этом обыске могло «случайно» найтись оружие с нужными отпечатками. На нем была кофта с длинными рукавами, которые он постоянно одергивал, под глазами темные впадины. Я поняла, что словами фсбшники не ограничились. Слава сказал, что мне нужно дать свидетельские показания против него. Я самонадеянно ответила, что никогда так не поступлю.

Привели Настю. Лицо у нее было мокрое, нос распух. Она плакала и говорила, что ей страшно и она хочет скорее уйти. Я поняла, что, когда выйду отсюда, придется заботиться не только о Славе, но и о Насте, потому что ее психическое состояние было ужасным. Так и получилось. Спустя месяц после задержания Настя сказала мне, что слышит голоса и боится что-то сделать с собой. В тот же день я нашла хорошую клинику в Москве, договорилась о стационаре и купила нам билеты на самолет. Когда я увидела Настино состояние, чувство одиночества от того, что я осталась один на один с государственной системой, захватило меня полностью. Страх сжимал горло, я видела пресловутые жернова, представляла, как эти каменные диски превратят меня в комок перетертой плоти, где не останется ни одной целой кости. Я сказала, что все подпишу.

Славу первого отвели к следователю, а нас усадили в коридоре возле кабинета. Спустя полчаса следователь, ничего не сказав, куда-то ушел. Через пять минут он вернулся с бутылкой воды и пачкой сигарет, наклонился ко мне и сказал, что отказывается от дела. «Одно дело — чурок всяких сажать по сшитым делам за терроризм, а другое дело вы, местные ребята, ровесники мои». Сигареты и воду он отдал нам. Через

несколько часов приехал новый следователь, который согласился заняться нами. Это было первое и последнее его дело. Теперь он работает адвокатом по уголовным делам.

Мы с Настей вышли на улицу. Мы всё подписали и вышли, а Слава остался там. Вывеска «Макдональдса» в сумерках казалась слишком яркой после полутора суток, проведенных в кабинетах с холодным электрическим светом. Я взяла Настю за руку, мы перешли площадь и зашли в ТЦ, где я работала. Поздоровавшись с коллегой, я попросила дать наш рабочий телефон. На его вопрос, что случилось, ответила, что пока без телефона и мой номер можно удалить, потом дам новый. Он протянул кнопочный розовый телефон, я отошла и набрала номер «ОВД-инфо». Все-таки пригодился.

Роман Столяр

LIBERA ME: продолжение истории двух войн и одной дружбы

MULTIMEDIA PERFORMANCE

LIBERA ME

VOICES OF WITNESSES OF WARS
IN BOSNIA AND UKRAINE
IN THE AUDIOVISUAL
PERFORMANCE

**CREATED BY MAJA ZEĆO &
ROMAN STOLYAR**

13th JULY | 15:00H

MEETING POINT CINEMA

WAR IS NOT OVER

WARM FESTIVAL SARAJEVO 08.-13.7.2024.
to tell the story with excellence and integrity

— Я устала от военной темы. Не могу больше об этом думать, и работать над этим тоже не могу. Давай закончим на этом.

Я сижу в гостях у моего чудесного друга Майи Зечо (Maja Zećo), почти в центре Берлина, в уютной кухоньке. На календаре — 2 февраля 2023 года, второй день моего пребывания в Германии. За время,

прошедшее с написания моего первого эссе о LIBERA ME, произошло столько всего, что, казалось, хватило бы на полжизни. Работа над музыкой к спектаклю, который впоследствии был снят со сцены одного известного питерского театра — из-за доноса: в спектакле, поставленном по книге британского автора XVIII века, обнаружился «украинский след». Потеря близкого друга — сибирского ученого Дмитрия Колкера, фактически убитого ФСБ: его, находящегося на последней стадии рака, сотрудники спецслужб выволокли из больницы палаты новосибирской клиники и увезли в Лефортово, где он скончался на третий день; обвинение — госизмена, за лекцию, прочтенную в Китае за несколько лет до ареста, содержание которой та же ФСБ и одобрила. Тревожный звонок режиссера, с которым планировалась работа над спектаклем в одном театре вдали от столиц: «Рома, у нас катастрофа. Позвонили из минкультуры и сказали, что с тобой они больше не работают» — этот тот самый «черный список Минкульты», нигде полностью не публиковавшийся, но негласно существующий. Невозможность работать в России — теперь все госучреждения для меня оказались закрыты. Стипендия Гёте-института на поддержку антивоенного проекта — тогда это было еще возможно, существовала специальная программа помощи россиянам, протестовавшим против войны и репрессий. Сложное решение об отъезде из страны — в одиночку, без семьи: «Вот обоснуюсь за границей, потом вас заберу — скорее бы только...». И, конечно, всё это время — непрекращающаяся работа над LIBERA ME, одно из немногих, что держало меня на плаву.

Почти сразу же после вторжения российских войск в Украину мы осознали, что эту тему в нашей работе обойти невозможно. Осознание это пришло в процессе сбора интервью у боснийцев, переживших подобное страшное событие задолго до начала украинской трагедии. Да, можно сказать, что причины этих двух войн — в Боснии и Украине — разные; но уже первые интервью показали, что последствия те же: озлобленность, раздор, вражда на долгие годы. Пусть уже давно не звучат выстрелы: ненависть или как минимум недоверие к тем, кто хоть как-то — паспортом, происхождением, родственными связями — ассоциируется с «другой стороной» длится и длится. «Машинка ненависти работает надежно», как сказал один из наших респондентов. Босния расхлебывает последствия работы этого механизма уже тридцать лет... Именно тогда, после 24 февраля 2022 года, у меня четко сложилось

определение: прошлое Боснии — это наше настоящее; настоящее Боснии — это наше будущее. Будущее страны, где треть семей смешанные, русско-украинские; будущее страны, которой необходимо будет — да и сейчас необходимо — пройти через освобождение от предрассудков, подозрительности, ложных суждений, через преодоление стереотипов, навязанных пропагандой. И то же самое неизбежно предстоит и жителям Украины, чья земля сейчас страдает от бомб и снарядов, выпущенных с российской стороны. Взрывы и выстрелы рано или поздно стихнут, а боль останется на долгие годы. И ненависть к «тем, другим» уйдет далеко не сразу. Но преодолеть ее так или иначе необходимо. Именно об этом наш проект: ключевое слово — *liberation*, освобождение. Освобождение от всего, что мешает нам оставаться людьми.

Мы начали говорить об этом с украинцами — с теми, кто потерял дома, кто вынужден был покинуть родину и скитаться по миру, живя надеждой, что когда-нибудь они смогут вернуться на родную землю. Мы слушали их истории — одна больнее другой. Застенчивая юная Алёна из выжженного Мариуполя, приехавшая с младшим братом в Тихвин в попытке найти работу в Питере — потому что язык знакомый, шансов устроиться больше. Светлана из Киева, украинка с российским паспортом — война застала ее, как и многих, врасплох, ей пришлось пробиваться через все кордоны, пока не достигла Берлина. Другая киевлянка, Юля, чей путь оказался еще более долгим и сложным — с минимумом вещей и двумя котами она две недели добиралась до Барселоны. Олег, самый старший из опрошенных нами («машинка ненависти» — это его термин), покинул Одессу и нашел временное пристанище в Париже — его приютил на тот момент мало ему знакомый институтский приятель, с которым он впоследствии очень сдружился. Ещё одно интервью мы взяли у россиянки Татьяны, участницы многочисленных антипутинских акций — она после начала войны в Украине укрывала у себя пожилую украинскую пару, спасающуюся от обстрелов... Война спутала все карты — и географические, и те, на которых записаны людские судьбы.

Собрать интервью — полдела: после нужно было их расшифровать, перевести на английский (впоследствии мы предполагали перевод и на другие языки, чтобы показывать проект в разных странах), выбрать наиболее сильные эпизоды из рассказов опрошенных, затем скомпо-

новать весь материал, выстроить его драматургию. Всё это время мы отчаянно искали форму, в которой проект будет воплощен на сцене. И перед отъездом в Берлин я очень надеялся, что, находясь в одном городе, мы с Майей сможем выстроить весь проект более продуктивно. И вдруг:

— Я устала от военной темы. Не могу больше об этом думать, это больно. Давай закончим на этом.

Сказать, что я был шокирован, значит не сказать ничего. Как будто дом, в котором я жил много лет, рухнул на моих глазах. Майя не могла это не заметить.

— Но мы сделаем эскиз для Гёте-Института. Не волнуйся, сделаем. Хочешь, поедem вместе со мной на репетицию в театр? Там интересно.

Через пару недель я сидел в небольшом зале Театра под крышей (*Theater unterm Dach*) на Данцигер-штрассе и, затаив дыхание, смотрел «Сад Офелии» (*Ophelias Garten*) — спектакль, где Майя играла в паре с Нееле Бухольц (*Neele Buchholz*), актрисой с синдромом Дауна. Два часа драматичного рассказа о двух женщинах, оказавшихся в Германии начала сороковых в центре нацистской программы Т4, суть которой сводилась к эвтаназии «неполноценных». Два часа максимального напряжения, острой боли, смешанной с восхищением талантом двух актрис, с полной отдачей проживавших судьбы своих героинь. И какой же ценой такое даётся! «А почти никто не верит, сколько сил я трачу на эту роль», — рассказывала Майя после спектакля. Я абсолютно это прочувствовал: «Никаких наших репетиций в ближайшие дни — тебе надо отдохнуть». Очень скоро я увидел, что почти все театральные проекты, в которых Майя участвует в Берлине, посвящены далеко не простым темам: «Невидимая игра» — о случаях издевательств над мигрантами на внутренних границах Евросоюза. «Германия, единственный случай» — об убийстве беременной египтянки Марвы Шербини: неонацист Алекс ударил ее два десятка раз ножом в зале суда на глазах ее мужа и сына... Подвергать риску проходить через подобное снова и снова человека, искренне переживающего внутри все трагедии, с которыми приходится сталкиваться в сценической работе, да еще и близкого, всегда готового помочь друга, представлялось совершенно невозможным. *You are very intense*, — как-то сказала Майя. Нужно было заставить себя притормозить, вспомнить боснийское слово *polako* — медленно, спокойно, не торопясь.

Такой стиль работы над LIBERA ME почти сразу после приезда в Берлин и был избран. Мы неспешно продолжали искать форму представления нашего проекта публике, но теперь вдобавок я всё время помнил, что это представление должно быть как можно менее травматично для Майи, как для восприимчивого человека с военным прошлым. Взвешенное решение нашлось невероятно быстро и почти случайно: мы делали аудиозаписи коротких текстов, основанных на фрагментах интервью — я предложил дублировать эти фрагменты на разных языках, чтобы создать ощущение большего объема. Записали несколько дублей. И тут Майя произнесла фразу, которая оказалась ключевой для нашей дальнейшей работы:

— Да, это лучше, чем страдать на сцене.

Вот оно! Внезапно форма подачи проекта стала абсолютно ясной. Мультимедийный перформанс — что бы это ни значило. Пространственное аудио, субтитры, выполненные как видеоарт, возможно — объекты, присутствие которых ассоциировалось бы с историями, рассказанными нашими респондентами. «Спектакль без актеров» — так долгое время мы определяли жанр нашего действия. И, что еще важнее, — свет в конце тоннеля, слова, дающие надежду на сохранение человеческого, торжество гуманного в людях, которых война не смогла сломать. К счастью, буквально каждый из тех, кого мы опрашивали, в итоге говорил именно об этом.

«Огромное количество никому не видимого благородства происходит в этой войне», — говорит Олег. «Я открываю телефон после бомбежки, когда восстановили связь, — вспоминает Алёна из Мариуполя, — а там масса сообщений: „Ты жива? Как у тебя дела? Я верю, что ты есть“ — это было самое трогательное, я от этого рыдала...». «Я пережил войну, я пережил концлагерь, я пережил много чего — но я не отравлен ненавистью; я не могу винить ребенка только из-за того, что его отец был снайпером во время войны и убивал людей», — признается Йоха, режиссер из Мостара. «Я была полна ненависти во время войны, — делится личным опытом Ведрана из Сараево. — Я не горжусь этим. Но мне необходимо было признать это. Думаю, если ты признаешь это и работаешь над этим, то ты прогрессируешь как человек». Москвичка Татьяна рассказывает о её длительном знакомстве с пожилой парой украинских беженцев: «Эти люди уже победили — они не ненавидят, они не глумятся, они пережили этот ужас — и это настоящая победа:

остаться человеком». Пожалуй, самым поразительным оказался ответ киевлянки Юли на вопрос, что такое для неё победа Украины: «Это внутренняя победа каждого внутри себя. Нужно убить дракона внутри себя и проникнуться эмпатией, состраданием и любовью к ближнему, независимо от расы, нации и чего бы то ни было... Из тысячи один обернулся в человека — это победа, это уже невероятная победа».

Нам хотелось, чтобы эти слова, сказанные людьми, пережившими ужасы войны, были услышаны как можно более широкой аудиторией. Еще не до конца определившись с формой, мы стали активно искать поддержку для нашего проекта. Прочесывали все мыслимые немецкие фонды. Искали возможности за пределами Германии. Попытались обращаться к фестивалям разной направленности — театр, медиа-арт, кино... Долгое время ничего не срабатывало. «Ваш проект очень сильный, но вам надо набраться терпения и не прекращать искать поддержку — тема непростая, и не каждый фонд согласится в нее вкладываться», — откровенно призналась мне консультант берлинской организации *Kreativ Kultur*, помогающей творческим людям разобраться в непростой системе финансирования культурных проектов Германии. И вдруг — позитивный, очень заинтересованный ответ от фестиваля WARM. Сараево. Босния.

WARM — международный фестиваль антивоенной направленности с десятилетней историей, основанный одноименным фондом, цель которого — исследование мировых конфликтов современности, поддержка художественных, гуманитарных и журналистских инициатив, направленных на как можно более широкое освещение недавних и текущих войн и их последствий. Два необыкновенно энергичных человека — создатель WARM Дамир Шаголи (Damir Šagolj) и британский журналист Эд Вуллиами (Ed Vulliamy), активно освещавший боснийскую войну в девяностые, — взялись за продвижение LIBERA ME с таким энтузиазмом, будто эта работа была их собственной. «Это должно быть главным событием фестиваля, ключевым событием», — периодически повторял Эд, признаваясь, что ждал появления проекта, который бы исследовал обе войны — боснийскую и украинскую — чуть ли не с начала путинского вторжения. И именно с подачи Дамира мы окончательно утвердились в мысли, что мы оба должны присутствовать на сцене — Майя со своими текстами и личной историей из ее военного детства, я — с живой игрой на фортепиано и синтезаторах.

«Спектакль без актеров» превратился в мультимедийный перформанс с нашим сценическим участием.

Известие, что нас взяли на WARM, послужило невероятно вдохновляющим стимулом к наращиванию темпов работы. Мы бесконечно выверяли все детали: меняли субтитры, бегали в парк в дождь снимать короткие видео для экранной проекции, репетировали наши «живые» включения; параллельно тормозили координаторов фестиваля — нам нужен вот такой-то свет, вот такой-то звук... Наконец, встречаемся в Сараево, репетируем, преодолевая почти 40-градусную жару; благо, помогает холодная вода и юмор — вечный спутник наших встреч. Выход на площадку — 13 июля, за два часа до выступления, в последний день фестиваля: несмотря на обычную фестивальную суету, все технические средства, запрошенные нами, готовы. Соединяем провода, отстраиваем звук и видео, проходим несколько принципиально важных моментов перформанса. И вот — публика в зале, свет медленно гаснет. Поехали.

Рассказывать о том, «как прошло», всегда очень сложно — пока ты в процессе, почти всё внимание уходит на технические детали. Хотя быть отстраненным, эмоционально не вовлекаться в такую работу невозможно — и, кажется, публика это прочувствовала. Майя, располагавшаяся ближе меня к аудитории, слышала, как некоторые зрители плакали в финале — через эти слезы и я проходил бесконечное число раз, когда монтировал звук и видео. Это война — бесконечная война, идущая чуть ли не везде, она не обходится без слез. Но и без надежды нельзя. Надеждой заканчивается LIBERA ME — словами наших героев о мире.

Дискуссия после перформанса — продуктивная, уважительная, глубокая, не без острых углов (а иначе никак в такой сложной теме). Все точки зрения выслушаны, на все вопросы отвечено. После дискуссии подходят люди — с благодарностями. «Спасибо вам, мы с вами заодно — о поиске понимания говорим уже очень давно», — это молодая пара из Сараево. «Как хорошо, что вы говорите в открытую о том важном, что не всегда многие готовы признать», — это женщина из Франции, а ее супруг — родом из Украины. «Так важно, чтобы люди противостояли «машинке ненависти», — говорит иранская журналистка, — я через это прошла в детстве, когда нас в школе заставляли топтать иракские флаги...».

Фестиваль окончен, премьера LIBERA ME состоялась, но работа над проектом не завершена. Вероятно, долгое время это будет *work in progress* — по крайней мере, до тех пор, пока у нас хватит сил говорить о необходимости понимания между людьми, разделенными войнами, необходимости противостояния машинке ненависти. А войн — недавних и нынешних — слишком много вокруг нас. И мы оба, так или иначе пережившие опыт военного времени (я, безусловно, в гораздо меньшей степени, чем Майя), вряд ли в силах допустить молчание об этом — как бы сложно ни было жить в этой теме. Мы об этом много говорили уже после фестиваля в Сараево: проект будет насыщаться новыми интервью, видеоизменяться, представать в разных сценических формах, но тема неизменна. *Liberation* — то, что необходимо этому миру. То, что, что необходимо лично нам.

И поэтому мы продолжаем работу над LIBERA ME. И не сдаемся.

Мияковичи, Босния, июль 2024 г.

Эд Вуллиами, Роман Столяр и Майя Зечо на дискуссии после премьеры проекта LIBERA ME на фестивале WARM, 13 июля 2024. Автор фото — Milomir Kovačević Strašni.

Анонимно

Война в Украине. Беженцы. Босиком по битому стеклу.

Дорожные разговоры северного маршрута

Отрывок из книги

Публикуется в авторской редакции

2022–2024...

Утро двадцать четвертого февраля 2022 года переломило обычную жизнь не только украинцам. Для множества россиян началась своя, тихая, но очень страшная война. Смолкли митинги и протестные марши, арестованы активисты, введена цензура, ликвидированы независимые СМИ, антивоенный протест приравнен к предательству. Аресты, посадки, избиения, суды... Кто-то уехал из страны, кто-то остался. Тех, кто остался, судят уехавшие. Уехавших судят оставшиеся. Милые соседи по дому, с которыми ты годами выгуливаешь вместе собаку, неожиданно поддерживают войну. Ты боишься сказать то, что думаешь – маховик репрессий раскручивается и раскручивается. Кажется, что за несколько дней ты стал изгоем как для всего мира, так и для своих соседей, коллег и даже друзей.

Чувство бесконечного стыда, одиночество и полное непонимание, что же делать. Так множество россиян переживали первый месяц войны. Вскоре через Россию в сторону границ стран Европейского Союза потянулся поток украинских беженцев...

Вот уже больше двух лет одни россияне встречают беженцев на вокзалах больших городов и везут к границам. Другие россияне забирают брошенных стариков и животных из затопленных деревенок и под обстрелами везут в большие города. Кто-то в больших городах предоставляет жилье на пути, кто-то кормит, кто-то одевает, кто-то лечит. Кто-то координирует, кто-то собирает деньги, чтобы семья из горящего Бахмута, выскочив из дома буквально в тапочках, смогла добраться до Норвегии и получить защиту.

В этой книге мы расскажем истории беженцев. Это записанные нами дорожные разговоры на пути из оккупированной Украины в Европу через Россию. Дорожные разговоры северного маршрута.

Мы – везем. Мы разговариваем и слушаем.

Везем с юга на север и записываем дорожные разговоры в дальней дороге.

Везем на границу и записываем последние разговоры на враждебной земле.

Везем своими машинами, везем с пересадками с поезда на поезд, везем до машины скорой помощи. Везем в больницу и из больницы. Везем перевести дух и отдохнуть между долгими дорогами. Везем котов и собак, с хозяевами, оставшихся без хозяев, раненых...

Мы везем. Бывает так, что довести не успеваем...

Сейчас, в 2024 году, собрать услышанные истории кажется очень важным. В этой книге — дорожные разговоры двух лет войны. Герои некоторых историй, в целях безопасности, получили вымышленные имена. Некоторые рассказы содержат подробности не для слабонервных. Какие-то могут задеть чьи-то чувства. Однако мы решили быть честными.

За каждой историей – десятки протянутых рук. Рук прекрасных, честных, отважных людей, моих соотечественников. Кто-то живет в России, кто-то во Франции, кто-то в Америке, кто-то в Эстонии, в Латвии, в Литве, в Финляндии, в Англии... Нас всех объединила война — и, наверное, русский язык и русская культура.

Здесь должны были бы быть слова благодарности, уважения и любви к сотням, тысячам мужчин и женщин, принявших на себя чужую боль. Пройдет время, все их имена и ники обязательно будут здесь, как мемориал храбрым и честным. Но не сейчас. В мае 2024 года я посвящаю эти записки самым близким друзьям, моим родителям и моему сыну, поддерживающим меня на этом пути.

Не знаю, кто придумал эту фразу, с самого начала ставшую своеобразным девизом: «Однажды мы вывезем всех».

Мы вывозим.

Мы решили, что пора перестать молчать.

В этой книге собраны дневники нескольких волонтеров. Мы решили сохранить стиль изложения каждого из нас. Некоторые разговоры содержат очень тяжёлые подробности, иногда там есть мат, иногда — сцены насилия и смерти. Но мы решили рассказывать правду. Для нас это важно — так же как и для тех, с кем нас столкнула судьба в 2022–2024 годах.

ГОД 2022. МАРИУПОЛЬ... МЕЛИТОПОЛЬ... БЕРДЯНСК... КАХОВКА...

<...>

ЧАСТЬ 2. Дорожные разговоры. Покидая враждебную землю.
Разговоры, записанные Мартой в пути на границу.

2022-май-##. Шоколадка.

Взять самую первую задачу было чуть-чуть страшно.

«Встретить ранним утром на вокзале семью из Мариуполя: бабушка, мама, папа, взрослый сын и собака. У бабушки осколочное ранение. Накормить. Отвезти на другой вокзал с интервалом в четыре часа». Домашние мои на полном серьезе морально приготовились к возможному аресту. Я придумывала темы для разговоров — такие, чтобы не сделать больно. Собрала еды в дорогу.

«Здравствуйте. Я Марта.. Я отвезу вас. Как вы доехали?» — глупее не придумаешь фразочка.

«Здравствуйте. Я Марта, я помогу вам добраться» — звучит как-то унижительно, да и кто я такая, чтобы предлагать помощь взрослым дееспособным людям?

«Здравствуйте, я Марта. Я отвезу вас. У нас с вами есть немного времени, давайте выпьем кофе».

На перроне семьей руководит бабушка. У нее рука на лангете, забинтована. Здоровой рукой она держит совсем маленького йорка. Строго считает багаж. Подхожу. Здороваюсь. Йорк рычит. И всем от собачьего рыка почему-то смешно. Багажа много. Утрамбовали вещи, московский хост приготовил огромный мешок еды.

«Давайте, ребята, выпьем утреннего кофейку!» «А давайте!»

Это было так давно, что не помню имен. А вот разговор хорошо помню.

Мы сидим в пустом кафе на Невском. Кофе, чай, блинчики. Вежливые слова. Маленький йорк хочет пить. Прошу мисочку с водой.

«За водой ходили обычно мы с мужем вдвоем. Мы ушли, а бабушка во дворе помогала готовить. Бабахнуло. Ее осколками посекло. Зашили немного. А знаете, как пули видно? Они словно мушки светящиеся. Видно, когда начинают стрелять. Тогда падаешь на землю. И ждешь. У сына диабет, у нас питания нет. Мышковали по разбитым магазинам».

Запомнилось словечко — мышковали. Их язык — русский, почти без характерного говора.

Все детали в задаче обозначены, а про диабет ни слова. Вот я и на-косячила: собрала в дорогу и хлеб, и сыр, и колбасу, и шоколад, и сок. Всё, просто всё, что нельзя при диабете.

От вокзала до вокзала дороги минут двадцать. До времени отправления международного автобуса еще почти три часа.

«Давайте по городу покатаемся», — предлагаю. Но сначала нужно выгулять йорка. Мама внимательно следит, убирает за песиком. Мы едем к сфинксам, на Университетскую набережную. Немного рассказываю. Ребята фотографируют все, что видят. В шесть утра в субботу город еще не проснулся. Светло, солнце сияет. Бабушка и внук стараются увидеть больше, быстро-быстро, почти бегут к Стрелке, будто знают, что именно надо успеть увидеть в Петербурге. Йорк нервничает, рвется вперед, к бабушке и юноше. Они останавливаются, показывают на здания на другом берегу Невы, спрашивают, фотографируют, спрашивают...

«Мы с сыном давно-давно мечтали попасть в Ленинград. Как жаль, что вот так...». Да, именно Ленинград. Я часто буду слышать именно такое название моего города.

Вскоре мы едем на второй за сегодня вокзал, автобусный. Автобусный маршрут Петербург-Таллинн до ковида — почти трамвай для петербуржца-путешественника. Таллиннский аэропорт всегда был удобным хабом бюджетных авиакомпаний со всего света.

Выгружаем вещи, прощаемся. Впервые меня крепко обнимают — и плачут — люди, которых моя страна лишила прошлого. Мне становится очень неловко. Позже я привыкну к таким объятиям, перестану стесняться. Обниматься — это ведь хорошо. Придает силы, дает надежду и веру в себя.

Вернулась к машине, а на водительском сиденье лежит огромная шоколадка.

2022-май-##. Красные мушки.

Раннее утро. Женщина по имени Елена, где-то за пятьдесят, едет со мной на границу с Эстонией. В другой машине едут ее дочь и внуки, малышня. Вокруг весна, дымка юной зелени.

Спрашиваю Елену, позавтракали ли они перед выездом. «Да, кофе, вкусный, ароматный. Ой, какой красивый город» — это мы едем по окружной. «Ой, какие милые домики и солнышко» — съезжаем

с окружной на трассу. Неожиданно ее прорывает на разговор.

«В подъезд ракета попала. Квартиры нет, вещей нет, ничего нет. Ракеты — не самое страшное. Их слышно. Вот когда самолеты летят, очень страшно. Очень страшно на костре готовить. Если вдруг обстрел, можно не успеть в подвал убежать. А они видят огонь, цель ведь заметная, и стреляют. А еще страшно за водой ходить. Вообще-то, воду привозили иногда. Но нужно дойти. Участок улицы немного простреливается, пули как красные мушки. И свистят. Но ничего — будь что будет, ведь вода-то нужна».

«Спасибо вам. Вы такие хорошие. Мы вас никогда не забудем». Это адресовано нам, тем, кто вывозит. Нам, тем, от чьего имени разрушаются города. Волна стыда, хочется провалиться сквозь землю, стать незаметной. Становится холодно от ощущения, что поток людей «вокзал — граница» может стать нашей обыденностью.

В мае 2022 года еще теплится надежда — скоро, совсем скоро мы проснемся, и все станет как раньше.

Раннее утро, вокзал или хостел, кофе, привет
Трасса E20 — граница, надо успеть в обед
Трасса E20 стала дорогой беды.
Надо успеть заправиться, надо купить воды

Помнишь E20 такую — дюны, аэропорт?
Помнишь, летали по миру, или за сыром вот?
Знаешь, сегодня нужно успеть до очередей...
Знаешь, сегодня мама и трое ее детей...
Знаешь, здесь рядом собака и также кот.
Знаешь, нужно спешить — у них с утра самолет.

Ты скажи мне, можно ль жизнь в чемодан уместить?
Светло-розовый, в крапинку — не смогу я его забыть.
Как ты думаешь, будет ли мирным какой-нибудь будущий
год?
Ладно, нужно спешить, у них с утра самолет...

2022-май-##. Талисман.

На двоих парней из Бердянска — одна гитара, одна сумка и саксофон.

«Ой, у вас джаз в машине, так здорово. Ой, какие дома красивые, как же их строили?» Это про Старый Невский возле улицы Гончарной и вокзала.

«А Дворцевая площадь далеко?»

Нет, не далеко и Дворцовая она... Если не устали с дороги, прокатимся?

«Ой, ну как вам удобно, я не намекал.... Ой, как красиво. Ой, а как же это все строили? Это же мрамор, это же гранит. Вот я все хотел Петербург посмотреть – ой, спасибо. Бердянск наш бомбили сильно и взяли на третий день. Сидели по подвалам. Балкон снесло снарядом. В порту корабли уже наши бомбили – слышали, наверное? Такие взрывы были, стекла вылетели. Потом все. Два месяца белые ленты на рукаве носили, проверки были до трусов прямо на улице, представляете. Затем повестка пришла. Уходили сложно и долго. Через зону боевых действий, нам помогли пройти. В Бердянске у меня мама осталась и сестра. Но там войны уже нет. Ой, а где же Z? В Краснодаре на каждом шагу, а тут нет. Как же здорово. Нам вот в поезде все говорили, что это мы сами себя бомбили. Ну как же так, почему они нам не верят? Ведь я же от бомбежек сидел в подвале – почему они не верят?»

Ребята, едем обедать? «Ой, нет-нет, ну ладно – да. Ой, я давно так не ел. Ой, как вкусно» – это про обычную столовую на заправке. И голос дрожит. Столовые у нас в Питере и правда хорошие. До границы парни мои отрубались, заснули. Видимо, напряжение дорожное отпустило.

Мы стоим перед входом пограничного пункта пропуска. Дальше мне нельзя. «Я вас так люблю, вы теперь мой талисман». Говорит, и голос дрожит.

У меня тоже глаза на мокром месте. Сдерживаюсь с трудом. Хочется громко кричать, выть. Вокруг много машин и одна та же картина: люди со скарбом обнимают водителя. И те, и другие плачут. Надо остановиться где-то, где никто не увидит меня, рыдающую, и привести себя в чувство. Хорошо помогает крепкий горький кофе и подышать.

2022-июнь-##. Не здамся без бою.

Сегодня сотый день войны. Два парня и подруга одного из парней. Совсем юные. Из ценного с собой “Мас”. Они просто хотят жить. Свободно жить и дышать. Ребята из Донецкой области, Бахмут. Для ребят

эта война — вторая. Один раз они уже бежали с родителями, затем их семьи вернулись, сами ребята выросли. Начали жить и строить планы на свое личное свободное будущее в свободном большом мире. Ни обстрелы, ни бомбежки, ни новый порядок в эти планы совсем не входили. А входили туда путешествия, языки, программа дополнительного образования в Ирландии от работодателя.

Работодателя больше нет. Обстрел, прямое попадание, все четыре члена семьи погибли.

Мы едем на границу под песни ОЕ. Я люблю в дороге именно эти альбомы, чтобы погромче, чтобы «Не твоя війна», «Я не здамся без бою». Мы почти не говорим в дороге, разговорились только в самом конце.

«Я всегда думал, что тут будет каждый за себя. Я думал, что мы нахер тут никому не будем нужны. Я никогда даже представить себе не мог, что столько людей неравнодушных помогает».

Это правда. Сотни, может быть, тысячи добровольцев тут, в России, и россиян по всему миру каждый день помогают, помогают и помогают. На свои деньги, на своих машинах, день и ночь. Я даже представить себе не могла, пока не включилась.

Удивительно, но ребята прошли границу значительно быстрее, чем я вернулась домой. Впереди большой мир и планы на жизнь. Возврата в этих планах нет. И, честно говоря, я их прекрасно понимаю.

2022-июнь-##. «Ни кола, ни двора, ни денег...»

Никита, интеллигентного вида парень с гитарой. Одет в потрепанные шорты. Он из Мариуполя. Никита морской биолог, универсант. Его поезд пришел в четыре утра. Мы договорились, что Никита подождет немного на лавочке, в холле вокзала. Кроме Никиты я должна встретить еще троих пассажиров с двух разных поездов. Летом 2022 года беженцев так много, что водителей не хватает. Поэтому мы стараемся взять столько пассажиров, сколько допускает автомобиль.

На вокзале много расслабленных «летних» людей. Суета, смех, много кофе, все куда-то бегут. Обычная летняя жизнь. Среди этой летней суетной подвижности выделяются группы людей с потерянными взглядами. Это беженцы. Никиту я узнаю сразу. На вид лет тридцать. Волосы собраны в хвостик. Из вещей — рюкзак и гитара. Отказывается от кофе. Мы идем на платформу за другими пассажирами. Стаса

и Елену находим почти сразу. А юную Настю пришлось поискать. Сначала моим пассажирам явно немного неловко друг с другом. Идем к машине. Едем.

Никита садится на переднее сиденье. От Никиты я чувствую еле уловимый запах гари. Стас, Елена и Настя — сзади. Они разговаривают между собой. Мы едем с Никитой молча. Я включаю русский рок. Никита узнает группу «Ноль», говорит, что любил и слушал дома ДДТ, Макаревича, БГ... Любил читать Галича и Улицкую. Звучат слова песни Шевчука «ни кола, ни двора, ни денег». Краем глаза вижу, как Никита отворачивается к окну, я слышу, как парень хлюпает. Взрослый высоченный парень с гитарой. Чувствую, что сама начинаю хлюпать.

«Это про меня песня. Я вышел из дома просто пройтись, вернулся, а дома нет, ничего нет. Эти шорты мне дал мой дядя. Он умер, нет, не от бомбы, просто не было лекарств. Шорты у него брал – у меня ведь все сгорело. И кошка моя умерла, от страха, наверное. Легла спать и не проснулась. И дядя мой умер. Заснул и умер».

«Библиотеку разбомбили. Я спросил у библиотекаря, можно ли книги брать, она разрешила. Я ведь читать только. А вообще-то для костров брали. Может быть, читали сначала».

Спрашиваю — когда ты уехал из Мариуполя?

«Не помню, все смешалось. Где-то в начале мая. Не брился месяца три. В доме дяди жил. Перестал спускаться в подвал, тревоги ведь не было. Просто гул самолета и вжжжж, слышно, когда мимо летят. Соседей накрыло. Мне повезло. Я не помню, как я ушел. Шел по дороге. Потом какой-то пастор меня посадил в машину и довез до Крыма. Много трупов вдоль дорог. Беженцы, наверное. Потом был фильтрационный лагерь. Я не понимаю, зачем они спрашивают, смотрю ли я порно».

Никита едет в Ирландию. В июне 2022 года Ирландия принимала огромный поток беженцев.

Пара — Стас и Елена. Они поздравляют кого-то с днем рождения, кому-то всю дорогу говорят бодрые слова. Вроде бы, общаются с мамой Елены. Мама осталась где-то на юге России. А они едут в Германию. Вдруг разговор обращается к Никите: «А вы где жили в Мариуполе?». И снова бомбы, грады, трупы, выжившие. Никита жил с видом на море, Елене до моря на троллейбусе не больше десяти минут.

«Никаких „зеленых коридоров“ не было. Уезжали на свой страх и риск. Нам сказали, что можно попробовать. Все равно стреляли»

Настя. Ей 19, но выглядит она совсем девочкой. Мама Насти осталась в России. А Настя едет к своему парню в Пардубице. Жила Настя в Салтовке, училась в Харькове. Дом Насти сгорел, ничего не осталось. Успели с мамой на эвакуационный автобус. Настя совсем не вмешивается в разговоры, она переписывается с тем, кто ее ждет.

В тот день дождь лил стеной. На границе, без зонтиков и плащей, на открытом пространстве меня уже ждали другие пассажиры. В Петербург.

2022-июнь-##. Босыми ногами по битому стеклу

(Печатается с существенными сокращениями в целях безопасности героини)

Три часа дороги дождь льет как из ведра, время от времени шумит далекая гроза. Лена то отключалась в сон, то начинала монотонно, будто сквозь сон, рассказывать.

Про снаряд, попавший в огород, под окна кухни их частного дома в Мариуполе. «Готовила на кухне, когда взорвалось во дворе и выбило стекла. Окно посыпалось крошкой, осколки раскидало по полу. Я бежала босиком по битому стеклу, оно горячее. Вот ноги теперь некрасивые, поранены».

Про соседский дом. «Дом напротив сложился на глазах. Сгорел. Соседей не было там, слава Богу».

Про подбитый танк. «Воды не было, водопровод-то разбили, а колонка на другой улице. Ходила с баклажками каждый день. Там есть такое место, где как на ладони ты. Хорошо, что подбитый танк стоит. Выходишь, слышишь звуки, бежишь, под танк падаешь. А потом уже дальше. Вроде дальше им не видно».

Про колонну танков по улице в первый, или, может быть, второй день. Она не помнит точно. «Они шли колонной по улице, громко так было. Танки ведь еще и воняют сильно. И вот останавливается такой и жерло на окно кухни направляет. Я стою в проеме окошка, занавеска колышется, а я пошевелиться не могу. Правда, постоял-постоял и двинул дальше».

И еще про танк. «Один танк во двор через соседский дом въехал, прямо через дом. Понимаешь? Встал во дворе и оттуда стрелял»

Про то, как выехали они из Мариуполя за город к бабушке, и на их деревенский дом перекинулся пожар с соседнего дома. «Воды пожар тушить ведь нет. Срывала горящие занавески голыми руками»

Лена показывает руки. Маникюр и следы ожогов. Я вижу, что на лице тоже немного заметен след от ожога.

Про бабушку. «Ей 99 лет. Она уже не ходит. Она же другую войну помнит. Она отказывается оставлять свой домик». С нею сейчас Ленина мама. Она не может оставить свою престарелую мать.

Про подвал. «Подвал у нас маленький, совсем как кладовка. Туда помещались только дети и собака. Я научилась вжиматься между стен».

Про слезы. «Понимаешь, я не могу плакать. Вот истерику закатить — легко. Когда моих зверей надо было защищать, такую истерику закатила!».

Торопливое утро

Текст публикуется в авторской редакции

Сплю до последнего – встать вовремя нет сил. Ещё не проснувшись, захожу в душ. Босые ноги едва не наступают на кошачий сюрприз – полевою мышью с длинным усатым носом. Серую, целую.

Если целую мышью взять двумя пальцами за хвост и хорошо размахнуться, заранее открыв окно, она полетит далеко и приземлится у розового куста.

На листьях акации ещё сидят капли ночного дождя. Ветер тщетно пытается их согнать. Но наблюдать за борьбой капель с ветром некогда. Быстро умываюсь, одеваюсь и сама лечу со скоростью полевой мыши, выброшенной с размаху из окна.

Прилетаю в школу с трёхминутным, но опозданием. Все уже в сборе и ждут только меня. Сажусь на стул, куртку не снимаю, слушаю и перевожу. Потом долго слушаю. Коммуникация происходит без меня. Происходит ли? Одна сторона говорит долго и путано. Другая – коротко и ясно. Одна защищается нападением, другая в ответ тоже защищается и теряет терпение. Об этом говорит громкий вдох, это подчёркивает темп речи, об этом кричат не моргающие глаза. Половина второй стороны, словно прилежная ученица, подскакивает со звонком и убегает на урок. Первая сторона многословно прощается и только потом уходит.

На место первой стороны приходит девочка. Здоровается, садится. Куртку не снимает. На тихие, чуткие вопросы отвечает коротко, чуть слышно, мешая украинские и русские слова. В глазах слёзы. Причины она не знает. На самом деле у девочки всё хорошо. Она убегает на физкультуру.

Плачу за неё я.

И торопливое утро заканчивается.

Без мамы

— Матвей, хочешь начать?

Вопрос был риторическим. Матвей всегда рад поболтать, даже на немецком. Оба они приходили сюда, конечно, не за знаниями и навыками, а чтобы поиграть, получить свою порцию внимания, подурачиться. Это было понятно с самого начала.

— Да, могу, — сказал Матвей и сдвинул капюшон со лба. — У меня ничего особенного за неделю не произошло. В субботу мы ходили с Софией в бассейн. В воскресенье меня доставали мои братья, не давали заниматься лего. В школе ничего нового.

Матвей долго рассказывал, как всё обычно, не ново и не интересно. Пришлось его остановить.

— Спасибо! София, ты тоже хочешь что-то рассказать? А потом поиграем.

— Да, хочу.

— Давай. Только по-немецки тоже. Справишься?

— Нет, по-немецки не могу.

— Ну хорошо. Расскажи по-русски или по-украински, как получится.

— На прошлой неделе я два дня не была в школе. У меня болел зуб. И было жарко. Мне его лечили, но это не помогло. А ещё, когда я нервничаю, у меня начинают болеть руки и ноги. Они у меня сильно болят, сейчас тоже.

— А ты с родителями об этом разговаривала?

— Да. Они знают. Это уже давно так. Я ломала ногу — давно уже — и она у меня всё ещё болит. Это нервы. У меня серьёзные проблемы с психикой. Иногда я беру нож и режу себе руки. Или ноги. Не сильно, но до крови. Моя подружка там ещё. А там небезопасно.

Она замолкает.

— Может быть, стоит обратиться к психологу, как думаешь?

— Да, надо. Я хотела бы. Только я не хочу маме об этом рассказывать. Можно мне как-то без мамы к психологу?

Иначе

Обнимает, провожает до калитки. По дорожке, выложенной из гальки. Камушек к камушку. Вдоль газона. Не может распрощаться, блин.

Вот она — умная женщина, не деревянная. Пытается к каждому ребенку найти индивидуальный подход. Должна же, вроде, понимать?!

Но нет, и она туда же: твердит, что степень моей включенности неадекватна, что нужно больше заботиться о себе, о семье, что не обязательно помогать каждому, кто нуждается в помощи. Нужна дистанция. Я и так уже делаю достаточно. Это она за меня решила. Беспокоится. Непросто это, взять к себе чужих людей. Должны быть какие-то границы.

Границы хреновы. Порционная помощь. Идеальный газон.

Выставь людей за дверь! Куда они пойдут — не интересуется.

И дети эти, что её изводят. Может, воспитывают их так, что они только в школе и могут позволить себе быть такими, какими им хочется: взбрыкивать, дурачиться, выпускать пар? Не могут они этого дома делать. Тем более сейчас. Вырвали их из привычного мира, привезли неизвестно куда и ожидают, что они будут благодарны, будут ходить, головами кивать, поддакивать, зубрить язык и улыбаться. Но не тут-то было! И наплевать им на то, что все вокруг считают, что они в безопасности.

Дети чувствуют иначе.

осень 2022 г.

Проза и драматургия

*

Её увезли в Газу между двумя боевиками на мотоцикле. Было очень страшно. Дверь открывали, давали еду и пластиковые бутылки с водой, так она считала дни — по бутылкам. Сторожа пользовались ею как вещью, приходили и брали по очереди. Когда стало ясно, что она беременна, её отдали в дом к какому-то бородачу. Там её не обижали, она одевалась как все женщины в этом доме и скоро заговорила по-арабски. Потом она родила ребёнка, мальчика, и, когда они были одни, говорила с ним на иврите. Оттуда её увезли в новое место, потом ещё куда-то, где к ней обращались уже по-английски, и вдруг, в торжественном молчании, передали в руки израильтян-соотечественников. Она плакала и спрашивала: «Эйфо а-йелед, а-бен шели?» Где мой ребёнок, мой мальчик? Её обнимали, хлопали в ладоши и пели вокруг, но она уже замолчала. Оттуда её доставили в лечебницу, и там в первую ночь она повесилась в душевой кабинке.

в сибирском селе на съёмках было ощущение нереальности происходящего. где-то война, в столицах революционные настроения, а тут газель сломалась, март холодный выдался, в магазин надо успеть, пока не закрылся.

на турбазе работал мужчина Паша. занимался хозяйством. высокий, худой, в маленькой шапочке. улыбка и наколки. мне Паша понравился, потому что сразу видно, что это человек, который знает, где что достать. Я с такими всегда дружу, потому что моя работа — искать реквизит.

я пошла вечером в магазин, пока не закрылся. на обратном пути зашла на двор монастыря — на закате там красивый вид с горы на реку. подошёл Паша.

— привет.

— привет, а у кого в селе петух есть? мне б на съёмки.

— ты ж козу хотела.

— хотела. но пока не хочу. хочу петуха.

мимо прошел мужчина и бросил:

— давно Виталия не видел.

— сидит, наверное.

— наверное, сидит.

посмотрела на Пашу. Паша успокаивающе сказал:

— да тут все сидели.

помолчали.

— я сидел. десять лет.

— за что?

— так за убийство. помолчали.

— они жену изнасиловали.

— кто они?

— да менты. пустили по кругу. я одного убил. ещё троих не успел, ушли.

подумала, что хочу спросить про метод, но не понимаю, какими словами. Паша, как будто угадывая, пояснил:

— ну, обрез сделал. я ж три года в Чечне. у меня и орден.

помолчали. Паша кивнул на ушедшего от нас мужчину:

— у него то же самое.

я киваю. Паша предложил сигарету, я отказалась. посмотрела на белокаменный храм.

— я здесь год жил. после освобождения.

мы пошли к выходу из монастыря, Паша предложил выпить. я отказалась. он зашёл в магазин за бутылкой пива. я его подождала и мы пошли назад на турбазу. он много болтал и, кажется, не хотел расставаться. рассказал про владельца турбазы, которого сожгли заживо. кто — так и не известно, но, вероятно, кто-то, кого он обманул мошенническими схемами.

по дороге встретили пожилую женщину Надежду. он сказал ей, что ему предлагают военный контракт. Надежда сказала, что за защиту родины попадают в рай. Паша сказал, что за это он попал в рай ещё в Чечне. И «в сторону», как пишут в пьесах:

— всё равно терять нечего. жены нет, никого нет.

ушли. Паша рассказывал, как ему нравится жить в деревне, рядом с монастырем. про красоту, про дерево, про настоящее.

я устала и замёрзла. попрощалась до завтра.

съёмки закончились, группа уехала, мы остались на ликвидацию. стало тихо и пустынно.

по пути на завтрак встретила Пашу, он убирал снег. я хотела сказать ему, чтобы он не шёл на войну, но мне стало неловко. я подумала, кто я вообще такая, чтобы кому-то что-то говорить.

мне стало стыдно за то, что я сижу в тылу, а не нахожусь в авангарде сопротивления. ещё мне стало стыдно, что я не понимаю, как разговаривать с людьми о войне и как делать мир вокруг себя лучше. я подумала, что я, видимо, очень слабый человек.

на следующий день по пути на завтрак я опять встретила Пашу, он убирал снег. я подошла и сказала ему, чтобы он не ходил на войну. Паша сказал, что у него никого нет и он никому не нужен. я сказала, что это неправда, тут много хороших людей, и он не один. он сказал, что ему заплатят много денег, он здесь столько не заработает.

я хотела сказать, что убивать людей плохо, но я знала, что Паша уже убивал. мне не хотелось, чтобы он услышал от меня, что он плохой

человек. ещё я подумала, что если я против того, чтобы убивать людей, то, наверное, я должна чувствовать к Паше отчуждение и осуждать его. но все заслуживают любви и победить можно только добром и принятием.

Паша сказал, ну а что они там бомбят, им можно, что ли. я сказала, что никому нельзя, но мы бомбим сильнее и разбомбили мирные города и не надо в этом участвовать, а то потом будешь мучаться виной. он сказал, что уже был в Чечне. я сказала — да, и не надо тебе это повторять. надо жить в мире. в Сибири никто не воюет, это мирный край. Паша сказал, что это дельный совет и он подумает.

в день отъезда я в последний раз пошла на завтрак. по пути меня окликнул Паша, подбежал:

— а вы же ещё приедете на съёмки?

я сказала да.

он сказал, что сомневается, будет ли здесь в мае, сомневается, будет ли он. и спросил, может ли он мне позвонить, чтобы сказать, пошёл он на войну или нет.

я сказала да.

он сказал, что завидует мне, что я всегда счастливая.

я сказала, что это кажется.

он меня обнял и ушёл.

я подумала, что я не знаю, где я буду в мае, буду ли я работать в кино и буду ли в россии. я надеюсь, что Паша не будет больше убивать.

он мне так и не позвонил.

Юлия Акула

«Будем жить»

История, основанная на реальных воспоминаниях

Отрывок

От автора: Всем известно, что история циклична. Именно поэтому осмыслять ошибки прошлого и не допускать их повторения особенно важно для нынешнего времени.

Репрессии — то, что долго замалчивалось, то, о чем было не принято говорить. Но они оказали огромное влияние на целые поколения. В основу пьесы легла реальная история моих близких, а также факты и документы из открытых архивов.

Порой даже самые ужасные и трагичные события не убивают стремление к жизни.

Воронеж, 2023 год

Действующие лица:

Евдокия Андреевна, мать

Петр Андреевич, отец

София, дочь, 7 лет

Полина, дочь, 16 лет

Наталья, дочь, 18 лет

Женщина

Мужчина

Аркадий Львович, средних лет, представитель интеллигенции

Хор

Действие 1
1937 год. Лагерь репрессированных

Хор: Приказ НКВД Советского Союза. «Материалами следствия по делам антисоветских формирований устанавливается, что в деревне осело значительное количество бывших кулаков, ранее репрессированных, скрывшихся от репрессий, бежавших из лагерей, ссылки, трудпоселков. Остались почти нетронутыми в деревне значительные кадры антисоветских политических партий. Кроме того, в деревне до сих пор гнездятся кадры уголовных преступников- скотоконокрадов, воров-рецидивистов. Перед органами государственной безопасности стоит задача самым беспощадным образом разгромить всю эту банду антисоветских элементов, защитить трудящийся советский народ, и наконец, раз и навсегда покончить с их подлой подрывной работой против основ советского государства. В соответствии с этим приказываю: с 5 августа 1937 года во всех республиках, краях и областях начать операцию по репрессированию бывших кулаков, активных антисоветских элементов и уголовников. Все репресслируемые кулаки, уголовники и другие антисоветские элементы разбиваются на две категории: к первой категории относятся все наиболее враждебные из перечисленных выше элементов. Они подлежат немедленному аресту, и по рассмотрении их дел на тройках — расстрелу. Ко второй категории относятся все остальные, менее активные, но все же враждебные. Они подлежат аресту и заключению в лагеря. Репрессии подлежат все перечисленные выше контингенты, находящиеся в данный момент в деревне — в колхозе, совхозах, сельскохозяйственных предприятиях».

София: Папенька! Папенька! Твоя шапка на голове примерзла к стене. Папенька, почему у тебя такие руки? Что с тобой? Папенька, а поиграешь со мной?

Наталья: Да угомонишься ли ты! Сколько можно! Видишь, батюшке плохо. Оставь его в покое.

София: Ну мне скучно...

Наталья: И что?

София: Ну поиграй хоть ты со мной. Во чтонибудь... Ну пожалуйста.

Наталья: Мне некогда. Отстань.

София: Я есть хочу.

Наталья: Тут все хотят. Потерпи.

Входят Евдокия Андреевна и Полина

Наталья: Ну что там?

Евдокия Андреевна: Как отец? Жив еще?

Наталья: Да, но... Опухли руки, ноги. Попробуй, руки ледяные. Лечить надо. Тут никаких условий...

София: Мам! Мам! А папкина шапка на голове примерзла к стене. Смешно, правда?

Евдокия Андреевна: Сейчас будем есть. Поля, достань пайку.

Наталья: Снова урезали пайку?

Евдокия Андреевна: Да, но впервые за полгода дали хлеб. Звучит смешно, но жизнь налаживается.

Полина: Это потому что сегодня ровно год новой сталинской конституции. Праздник. На плакате так написано.

Петр Андреевич: Мне не надо. Возьмите мою долю. Недолго мне осталось.

Полина: Отец! Не говори ерунду. Ты будешь жить. Иначе быть не может!

Наталья: Вот, вот. Ешь давай, батюшка. Тебе силы нужны. Вернемся домой все вместе.

Петр Андреевич: Мы предполагаем, Бог располагает. Уже совсем поздно. Ешьте и ложитесь спать.

Затмение.

Петр Андреевич: Мы жили в одной из немногих деревень Бутурлиновского района Воронежской губернии. Я был простым крестьянином. Но новая власть решила иначе. Я работал. Работал много и тяжело. Имел дом, скот, целых три мельницы. Моя жена, дети — никто никогда не сидел без дела. Но однажды утром со мной в деревне перестали здороваться. После, ночью вламываются к тебе в дом человек 15. Зачитывают приказ: «Обвиняется в антисоветских и диверсионных преступлениях». Немедленный арест, ссылка в лагерь. Семью вместе с гражданином. Имущество конфисковать в пользу государства. Признать врагом народа. Я сразу понял, что произошло. Донос дело обычное теперь. Но как же я, простой крестьянин — и враг народа? И вот я уже с семьей еду в каком-то вагоне непонятно куда. Вагон без окон, холодно и темно. Пятнадцать дней без остановки. Выходить запрещалось. Спали в одежде, не разувались. Кругом такие же как мы.

Все молчат. На лицах обида. Ничего не взяли с собой. Не разрешили. Позже это назовут раскулачиванием или, по-научному, ликвидацией эксплуататорского класса.

Затмение.

Хор: Приказ ОГПУ. «В целях наиболее организованного проведения ликвидации кулачества как класса и решительного подавления всяких попыток противодействия со стороны кулаков мероприятиям Советской власти по социалистической реконструкции сельского хозяйства — в первую очередь, в районах сплошной коллективизации — в самое ближайшее время кулаку, особенно его наиболее богатой и активной контрреволюционной части, должен быть нанесен сокрушительный удар. Удару должны подвергнуться исключительно кулаки. Удар по кулацкому активу должен дезорганизовать и обезвредить все кулачество».

Затмение.

София: Мамочка... Когда мы вернемся домой? Я так хочу к своим друзьям.

Евдокия Андреевна: Не задавай глупых вопросов. Нам надо ждать.

Полина: Никогда. Твои друзья на тебя же и донесли! Нет больше будущего. Сгинем тут все.

Наталья: Поля, хватит нагнетать. Ты пугаешь Софийку. Когда-то всему приходит конец. И этому тоже. Там наверху разберутся. Поймут, что мы не виноваты. Вернут домой.

Полина: Ну да, конечно. Тебя персонально вернут. Такая большая, а в сказки веришь. Полгода прошло — и ничего. Хоть кого-то вернувшегося видела? Нет! А почему? Да потому что их нет. Нет...нет...нет. Надеешься, что твой недоженихофицер походатайствует перед партией? Да он тебя и предал, дура ты. Как же это ты не поймешь? Он строит карьеру за счет таких, как ты. Мы тут умрем из-за него.

Наталья: Да с чего ты решила, что он виноват! Не все они сволочи.

Полина: Да, правда! С чего бы я решила? Не он ли случаем, Корниенко, младший лейтенант государственной безопасности, приказ зачитывал отцу? Или, может быть, не он дом разворовывал? Ах да! Ну, конечно же, он! Просто ты забыла. Ты же дура. Простота хуже воровства. Слышала?

Наталья: Зачем ты сейчас все это говоришь? Донести может любой. Кто-то от страха, кто-то из-за своего ушлого характера. Вон наша

бывшая соседка баба Маша доносила на всех и за все. Гордилась этим. И кто-то что-то ей сделал? Нет. Так что делай выводы.

Евдокия Андреевна: Да хватит вам всем. Вдвоем нагнетаете. Помолчите лучше. Баба Маша или кто-то еще. Какая уже разница? Они лишь исполнители. Они хотят жить лучше в новой стране, вот и стараются, как могут. А мы — жертвы государственной машины. Надо дальше жить, ну или хотя бы постараться.

Хор:

Вечер, как сажа,
Льется в окно.
Белая пряжа
Ткет полотно.

Пляшет гасница,
Прыгает тень.
В окна стучится
Старый плетень.

Липнет к окошку
Черная гать.
Девочку-крошку
Байкает мать.

Взрыкает зыбка
Сонный тропарь:
«Спи, моя рыбка,
Спи, не гутарь».

Затмение

Хор: Голод... Холод... Болезнь... Смерть. С каждым днем — хуже. Надо бежать. Бегите, кто может. Бегите. Бегство кулаков в особо крупных масштабах начинается с наступлением более теплой погоды. Бежавшие из ссылки кулаки терроризируют местный актив и бедноту, добиваясь возвращения конфискованного и земельных наделов.

Евдокия Андреевна: Мои девчонки, они же тут умрут.....

Петр Андреевич: Вам надо бежать. Бери детей и беги. Повезет, вернетесь домой. Там осталась сестра. Идите к ней.

Евдокия Андреевна: Ты чего? Как бежать-то? Ты совсем без сил! Что мы там будем делать без тебя? Такое огромное расстояние, столько постов охраны по всей дороге. Милиция. Нас расстреляют.

Петр Андреевич: Ну ты же видишь, я умираю! Спасай детей! Беги! Беги сегодня на рассвете, пока тепло, пока сухо. Через 40 километров есть дорога. Поезд. Пробьетесь. Авось, вернетесь в родную деревню. Здесь же умрете, как я. Девчонкам еще жить и жить. Дай им шанс.

Евдокия Андреевна: Что делать-то в деревне? Там и так ничего не осталось. Да еще и камнями закидают свои же.

Петр Андреевич: Послушай, гораздо страшнее остаться тут. Сегодня есть этот шанс. Воспользуйся им ради детей. Мои дни сочтены, а у вас все еще впереди. В деревне осталась тетка Марфушка. К ней попроситесь. Она добрая, возьмет.

Евдокия Андреевна: Ну как же ты? Если ты выживешь — или умрешь? Да тебя никто не похоронит здесь. В лучшем случае, как собаку, заруют в яме. И тетка эта без тебя нас не возьмет к себе. Не станет рисковать так. Как сложно на это решиться! С одной стороны дети, с другой муж... Неизвестность впереди. Страх.

Петр Андреевич: Оставь меня, мне уже ни к чему все это. А без тебя дети не выживут. Ты им нужнее. Спаси их! Собирайся, буди их. Вперед. Наташ... Наташа... Просыпайся.

Полина: Чего разорались? Батюшка, тебе плохо? Что-то нужно? Мам, ты куда?

Петр Андреевич: Собирай Софу, через час вы уходите.

Полина: Куда?

Петр Андреевич: Поторопись! Времени мало.

Наталья: Куда уходим? Как же ты? Ты совсем слаб. Ты не дойдешь!

Петр Андреевич: Я остаюсь. Идете только вы и мать. Быстрее же. Скоро рассвет.

Евдокия Андреевна: Дети, попрощайтесь с отцом. Ведите себя тихо. Не привлекайте внимание. Софа, не плачь. Мы возвращаемся домой, как ты хотела.

София: А как же папа?

Полина: Софийка, все хорошо. Отлипни от отца. Пойдем.

Петр Андреевич: Держитесь леса и реки, там дорога. Старайтесь

быть незамеченными. Избегайте постов милиции. Осторожно с местными жителями. Давайте, идите быстрее.... Не люблю долгие прощания.

Евдокия Андреевна: Софа, Ната, Поля, давайте, пойдём, пока все спят. Только тихонько. Софа, не плачь!

Наталья: Да как же так! Вы все так просто оставите его здесь? Папа. Я не могу так. Это неправильно. Я не могу бросить тебя. Папа. Я останусь. Я буду с тобой.

Полина: Дуреха! Не вопи! Разбудишь остальных.

Евдокия Андреевна: Наташ, мы все решили. Пойдём. Так будет лучше.

Наталья: Я не могу... Вы все решили за меня... Я не просила этого... Я дочь врага народа. Я попала в лагерь. Я отбываю свое наказание. Я останусь тут. И вы ничего мне не сделаете. Хотите идти, идите. Я же останусь. Я буду с отцом до конца. Попробуйте что-то сделать. Не пойду! Сама убьюсь, но не пойду!

Петр Андреевич: Успокойся. Мне осталась от силы неделя. Иди, попробуй снова устроить жизнь. Выйти замуж, нарожать детей. Тебя ждёт счастливая жизнь. Ты не дочь врага народа, потому что я не враг. Мы обычные крестьяне. Запомни это.

Полина: Давай быстрее, ты нас задерживаешь!

Наталья: Ну батюшка, я останусь с тобой до конца твоих дней. Я похороню тебя как положено. Я не хочу тебя бросать одного. Я справлюсь. После, если ты не выздоровеешь, я уйду сама. Я обещаю. Позволь мне исполнить свой долг. В заповедях говорится: чти отца твоего и мать твою, да благо тебе будет, да долголетен будешь на земле. Да и втроем добраться до дома гораздо легче. Мать с детьми вызывает сочувствие. Я же на ребенка не похожа уже. Только внимание лишнее буду привлекать.

Петр Андреевич: Какая же ты упрямая! Хочешь, оставайся. Хочешь, иди. Но знай, я против. Ломаешь себе жизнь. Давайте, идите. Хватит тут сидеть. Вперед! Быстрее! Софа, Поля, проживите эту жизнь за себя и меня. Живите каждым днем. Пронесите эти события, расскажите о них детям. А те — своим детям. Не забывайте о народной трагедии. Прощайте!

Евдокия Андреевна: Идёмте, идёмте. Наташа, я тебя жду? Подумай хорошо.

Наталья: Прощайте!

Затмение

Наталья:

«Я по батеньке плачу вечерами,
Я по батеньке плачу вечерами,
Ох, а по маменьке зарею,
Ох, а по маменьке зарею,

По милом по дружку ноченька не спится,
По милом по дружку ноченька не спится,
Ох, во сне милого видала,
Ох, во сне милого видала».

От автора. Этот текст появился во время подготовки цикла рассказов о разных сценариях будущего Украины после нынешней войны. А что если вместо российского президента будет патриарх? Идея, что Россия становится (псевдо)православной теократией, меня зацепила. Причём описывать её стоило изнутри – от лица героя, который в этой атмосфере родился и другой не представляет. Таким героем стал архетипичный герой русских сказок – простоватый, доверчивый, но при этом добрый юнец Емеля.

Так в цикле рассказов про будущее Украины появился единственный рассказ о России. Этот текст – моё личное прощание с ней.

Емелина жизнь, Емелина смерть

Отрывок

Текст публикуется в авторской редакции

Спозаранку, в святой День Победы, девятого мая, собрались все монастырския бояре, монахи, дьяки, матушки да прислужники в единую колонну с Никитой Ильичём во главе, да дружно и пошли к белокаменному Кремлю на торжества государевы. Емелька был в передней части колонны, сразу за боярами да монахами, а Машенька где-то в конце, с бабами-прислужницами из женского монастыря, посему он её и не видывал. Небо заполонил торжественный гул вертолёттов, развевающих облака, дабы сей торжественный день не опорочил дождь. Перво-наперво повёл их Никита Ильич к святому Мавзолею, где был им уготован отдельный вход, дабы не стоять в длиннющей очереди вместе с холопами. Так и было – они шли в Мавзолею с одной стороны, холопы, стало быть – с другой. Сначала подошёл Никита Ильич к стеклянной усыпальнице Владимира Первого Ильича, поклонился в пояс, перекрестился, прочёл молитву да пошёл далё. За ним последовала очередь бояр и монахов. Дошла очередь до Емельки. Подошёл он к усыпальнице стеклянной, поглядел на светлый лик государя Владимира Первого Ильича – аккуратно подстриженная бородка да усики, светлый лысый лоб, умиротворённо закрытые глаза, а одет яко боярин Димитрий, в диковинный «костьюм» с удавкой на шее. Благо сия мода уж давно прошла, подумал Емелька, перекрестился та поклонился так низко, как только мог и пошёл далее, к следующей усыпальнице.

— Батюшка-то наш, Владимир Ильич, совсем усоп, — слышались Емельке разговоры православных холопов из соседнего ряду, покамест до второй усыпальницы шли. И вот дошли. Первым, как водится, к усыпальнице государя Владимира Второго Владимировича подошёл Никита Ильич. Поклонился ещё ниже, трижды перекрестился, да молился немногим дольше, чем пред первой усыпальницей. Опосля бояр и монахов настал черёд Емельки поклониться Владимиру Второму Владимировичу. Подошёл он к усыпальнице, поглядел на государя. Редкие светлые волосы с едва заметной проседью на висках, длинный нос, впалые глаза. Рожа бритая, на манер пиндосовский, и всё тот же заграничный «костюм» с удавкой на шее. Каждый год на День Победы бывает Емелька в Мавзолее и за каждым разом кажется ему, что сей «костюм», да и кожа на лице у Владимира Второго Владимировича, всё хуже становятся. Какая-то пупырчатая она вся, нескладная, яко поеденная молью. Оставил Емелька думы сии еретические, перекрестился, поклонился пред усыпальницей да и вышел вслед за Никитой Ильичём из Мавзолея святого.

Далее колонна с Никитой Ильичём во главе последовала к белоснежному Покровскому Собору. В церковно-приходской школе Емельку учили, что в незапамятные времена Собор выглядел иначе, лишь во времена великих реформ Царя-Патриарха Кирилла Второго Собор сей был передан во владение Государеву Ведомству Военному да ОПГ* и нонче служат здесь службы за благоденствие войска русского да за опричников государевых. У входа, по обе стороны от двери парадной, стояли бронзовые памятники Святым Патриархам Русским, Патриарху Кириллу Первому да Царю-Патриарху Кириллу Второму, с пятьдесят вершков роста каждый. Собор, ослепительно белый снаружи, внутри был окрашен в тёмно-зелёные, воинственные цвета, а с икон, развешанных по стенам, глядели суровые лики святых русских. Емелька с другими прислужниками стал на верхнюю трибуну, откуда издали была видна вся главная зала Собора, монахи были рядом с ними, а бояре во главе с Никитой Ильичом стояли внизу, в главной зале, расставленные по сторонам в ожидании Святого Царя-Патриарха Русского Владлена. Покуда не появился Царь-Патриарх, в зале стоял гул толпы, да как только распахнулись врата парадные да

*ОПГ – Опричники Православныя Государевы.

вошёл размашистым шагом Царь-Патриарх со своею свитою, воцарилась гробовая тишина, кою нарушал лишь громкий топот сапог Царя-Патриарха. Он был величав – высок ростом, на голове белый патриарший куколь да царская корона, золотистый, развевающийся саккос, огромный, под стать росту жезл в левой руке, образцово ровная, чёрная борода до самого поясу. Емелька глядел на Царя-Патриарха, да гордость его брала за величие России-матушки. Царь-Патриарх встал при звуковом усилителе, позади расположилась свита, а среди ней выделялся боярин Димитрий, ибо один был одет не по русскому обычаю, а в «костюме» заграничный. Стоял с лёгонькой улыбкой по правую руку Царя-Патриарха. Увидел его Емелька да сизнова думы его повели к терзаниям о просьбе Машенькиной. Впрочем, тут же прервал размышления сии гулкой, величавый бас Царя-Патриарха, заполонивший весь Собор:

«Россия воскресла, православная!»

«Ура, ура, ура-а-а-а-а», — единым хором закричали все присутствующие в Соборе, с ними и Емелька. Как только закричал, так и позабыл о смутных думах своих и стал восторженно глядеть на Царя-Патриарха.

«Нонче День Великой Победы — главный праздник всего народу православного. Сей праздник не только напоминает нам о великом подвиге народу русского более нежели столетней давности, но и остерегает, дабы и ныне мы держали ухо остро! Защита Отчизны, когда решалась её судьба, всегда было делом святым. З сими чувствами подлинной любви к святой России поднимались за Отечество ополченцы Минина и Пожарского, шли в атаку на Бородинском поле, бились с врагом под Москвою и Ленинградом, Киевом и Минском, Сталинградом и Курском, Севастополем и Харьковом, Артёмовском и Авдеевкой. Так и нонче — в сии дни вы сражаетесь за наших людей на фронтах Украины и Финляндии, в чеченских горах да казахских степях. За безопасность нашей Отчизны, святой России. Годы войны на сих фронтах будут навеки вписаны в мировую историю как триумф нашего единого русского народа, его сплочённости и духовной мощи. Во всей великой России нет ни одной семьи, кою минула бы чаша сия святая. Да никто из погибших за святое дело русское не будет забыт во веки веков! Ваши дети, внуки, правнуки будут помнить, как вы погибли не на коленях, но стоя за величие России! Сия смерть свята истинному русскому человеку! Ибо

когда русский человек умирает, враг егодохнет, яко собака паршивая! Смерть за Отчизну — се истинная вершина и цель жизни правовернаго русскаго человека! Мы гордимся каждым из вас, православныя; идущие на смерть за святую Россию. Смерть за Россию свята!

Присутствующие в зале начали восторженно хлопать в ладоши, подкидывать шапки да кричать вослед Царю-Патриарху: «Смерть за Россию свята!». Начал хлопать и Емелька. Довольный Царь-Патриарх вознёс длани над православными да провозгласил:

С Днём Победы, идущие на смерть!

В общем радостном хоре начали звучать возгласы «Ура, ура, ура!». Царь-Патриарх медленно пошёл вместе со свитою к выходу, к парадным дверям. Пока выходил, каждый присутствующий радостно хлопал и восклицал, да и когда вышел, ещё какое-то время радость сия великая продолжалась, покуда потихоньку не затихла.

Колонна под руководством Никиты Ильича сызнова собралась воедино у входа в Покровский Собор. Оттуда пошли к трибунам вдоль белокаменной Красной Площади, где им были уготованы места, дабы Парад Победы глядеть. Как водится — Емелька с другими прислужниками были подальше, монахи поближе, а бояре (а с ними и Никита Ильич) и вовсе близко к месту действия. Бабы да матушки из женского монастыря получили место на другой трибуне, так что и теперь повидаться с Машенькой Емельке была не судьба, а он об том и не думал в ожидании великого парада.

Когда на трибунах собрались уже православныя, забили барабаны военного оркестра, а вдоль всей Красной Площади стали молодые солдаты, размахивающие святым чёрно-красно-белым знаменем с двуглавым орлом. И вот пошли первые колонны солдат, сперва пехотинцев. Все как на подбор, стройные, красивые, в зелёной военной форме да балаклавах чёрных, да с калашами в руках. Проходя мимо главной трибуны, на коей Царь-Патриарх Владлен восседал, громким дружным возгласом приветствовали его: «Слава Царю-Патриарху Владлену! Ура, ура, ура!». Далее шли военно-морские силы, далее полк опричников — и все они точно так же приветствовали святаго Царя-Патриарха. Но более всего Емелька, конечно, ожидал парада техники. С мальчишеским восторгом возирал он, как вослед солдатам да опричникам на Красной Площади появились огромные БТРы, шестиколёсные броневые автомобили с пулемётами на фронтальной части,

боевые машины пехоты, а за ними и русские танки. Т-80, Т-90, Т-100, Т-120 – рёв могучих, кажется, непобедимых машин заполнил Красную Площадь, заглушая всё вокруг. Емелька от восторга не прекращал хлопать в ладоши и дивился сей мощи великой войска русского. Как только последний танк выехал с Красной Площади, в небе стрелой пролетели истребители, да опосля развернулись и сделали несколько кругов над трибунами, дабы православные могли наглядеться на самолёты сии дивные. Емелька прикрылся ладонью от солнца да сосчитал: всего в небе было десять истребителей, да все отличные друг от дружки. Какая красота!

И вот самолёты улетели, а на Красную Площадь выехали могучие тягачи с главною силою войска русского — огромными ракетами большой дальности. Каждый в державе русской ведал, что се истинная гордость русского человека, истинное величие Отчизны святой. Могучие «Искандеры», грозные «Кинджалы», неударжимые «Точки-У». При виде сей мощи России православной Емелька не сумел удержать чувств своих да воскликнул: «Слава Царю-Патриарху Владлену!». За ним стали кричать прочие русские на трибуне его, а затем и на других трибунах, пока возглас сей не заполнил собою Красную Площадь: «Слава Царю-Патриарху Владлену! Слава Царю-Патриарху Владлену!». И вот на Красную Площадь выехал наибольший тягач с главною ракетой Войска Русского. Чёрная как смоль, длиною чуть не в половину Красной Площади, шириною в два БТРа — ракета «Сатана» была предметом особой гордости войска русского и Царя-Патриарха Владлена лично. Медленно, величаво тягач с ракетой подъехал к трибуне Царя-Патриарха, пока люд православный с замиранием сердца наблюдал за сим действием величавым.

«Ся ракета одним ударом может убить миллион хохлов али пиндосов паршивых», — восторженно сказал Емельке его сосед по трибуне. Емелька смутился. Восторгаясь БТРа, танками, истребителями да ракетами, он как-то и не думал, что орудие се не лишь для красоты да парадов на Красной Площади потребно, а более всего для убийства людей. Конечно, по науке, он об этом знал, но... как-то не думал. Ему вспомнились красивые, подтянутые солдаты в начале парада. Знамо дело, у хохлов али пиндосов солдаты точно не такие красивые, как у войска русского — а ведь и так люди. Сколько-то это — миллион? Емелька представить не мог, да терзала его мысль, что ежели тьма-

тьмущая народу (пусть даже и хохлов али пиндосов) помрёт от одного удару, так точно ведь не все они строили козни против державы русской. Тут ему представился тяжёлый крест Никиты Ильича, летящий ему в лоб, и он отбросил сии мысли еретическия.

Тем временем тягач встал у главной трибуны, Царь-Патриарх поднялся с места своего и медленно спустился на Красную Площадь. Подошёл близ ракеты, воззрел на неё, прошёл немного вдоль, затем встал да низко поклонился «Сатане». Вослед Патриарху «Сатане» поклонился и весь народ русский, собравшийся нонче на Красной Площади.

На гладкой стороне

(документальный текст в восьми рюмках)

Отрывок.

Публикуется в авторской редакции

От автора: Основанная на документальном материале, эта пьеса была собрана в ходе двух бесед. Это история азербайджанца, проживающего в России, со взглядом со стороны, с тоской и радостью, с переплетениями из прошлого.

СЕДЬМАЯ РЮМКА

Сидит на кухне и плачет. Включила на ютубе песню «Ніч яка місячна» и плачет. Я говорю, что случилось? И она говорит, почему мы такие? В общем, у нее началась... Как мы могли, так все эти дела. Я ее так успокаиваю... Мы прокляты, мы прокляты навсегда, такие дела... Я говорю, слушай, теперь это вселенская совесть нации только в тебе одной? Я говорю, не надо себя вот так изводить. Я говорю, а во-вторых, Надь, ты понимаешь, это ты удивляешься. Я однажды уже разозлился, я говорю, это ты удивляешься, поверь, что стороннему взгляду, вот ни, я уверен, ни в Казахстане, ни в Грузии никто не удивился тому, что происходит. Мы могли удивиться только тому, что мы не могли подумать, что на украинцев вы можете двинуть. Я говорю, слушай, почему ты не плакала, допустим, в 90-м году, когда в Баку? Вы даже не ведали. Потом, когда на территории собственной же страны, когда чеченцев утюжили, сильно совесть нации в тебе не просыпалась. Мне на самом деле, я говорю, мне гораздо проще все это, для меня не произошло ничего из ряда вон, наоборот, в этом случае, в отличие от нас, я ей говорю, на стороне хохлов, так сказать, весь мир на их стороне, морально, ментально, и даже русские многие на их стороне, а когда нас херачили, на всю Россию одна только Ганнушкина заинтересовалась: надо поинтересоваться, может, там на самом деле не в азербайджанцах дело? Я же там познакомился с этой Ганнушкиной. Знаешь, Ганнушкина, кто она? Она известная правозащитница,

она, по-моему, создатель вот этого общества — «Мемориал». Я вот с ней познакомился, великолепная женщина, просто фантастическая женщина.

Вот моя теща. Она всецело, все правильно, хохлов надо дрючить, денацифицировать. А Миша, Миша ходит в футболке, я Наде говорю, Надя, не дай бог, пока он был в Питере, не дай бог, чтобы он выходил на улицу, еще тогда, еще до войны, а щас он ходит в футболке, приехал он, значит, в этой футболке — «Дед, выпей таблетки». И эта бабушка его говорит, ой, какая у тебя клевая, это самое, а там типа детским почерком написано — «Дед, выпей таблетки», как клево, это прям про меня, говорит, нет, бабушка, это не про тебя... Но это ладно, пожилые люди... Я говорю, Надь, маме твоей нужно кабель перерезать телевизионный, и потихонечку она адаптируется. Надо, чтобы это говно ей в уши не лилось... Я почему свою тещу вообще не осуждаю, я просто вижу ее, как она себя ведет вообще по жизни, не касаясь политики. Она противится всему новому, она ненавидит Москву — ой, вы там в Москве. С одной стороны, она говорит, что мы ненавидим Россию, а так, как она ненавидит Москву, как вся Россия, сука, ненавидит Москву, у них, знаешь, вот этот дуализм, несовместимое совмещается. Ненавидят лютой ненавистью...

Миша не хотел уезжать... Остро встал вопрос, что нужно выезжать... Она его уговорила, после того, как уговорила, он сказал, окей, я тогда пошел, уже начал, это самое, с тобой поговорил, все дела, оказалось, что у него нет вакцинации, на это нужен был двадцать один день, сначала не было загранпаспорта, это самое... Надя поначалу истерила, знаешь, как, чуть ли не через Финляндию на собачьих упряжках... Ну это все Надя, я ее успокаивал... Мы предполагали типа вариант, вообще изначально Азербайджан, но так как в Азербайджане можно три месяца, а в Армении и Казахстане подольше, поэтому рассматривали вариант Казахстана и Армении, но в Казахстане никого нет, а так как я в хороших отношениях с той же самой Ирой... У них есть родственники в Ереване, к которым я мог бы обратиться...

Одноклассница, Ирина Маилян. Она, потом, девочка была, моей классной руководительницы дочь, она была в меня влюблена в школе. Они дважды сепаратисты, с мужем в Севастополе, муж ереванский, я об этом говорю, дважды сепаратисты, она когда это самое, с таким восторгом — мы россияне теперь. Soxum sizin... В Крыму это Роза...

А Ирина Маилян, она помнит мой день рождения, исправно меня поздравляет с днем рождения, с Новым годом. Мы с ней дважды встретились, я ее до этого ни разу с 89-го года, первый раз вот встретился с ней в августе месяце... Действительно, очень прикольно, так прикольно... Когда «Одноклассники» появились, мы нашлись, и она говорит, окажешься в Москве, если ты не приедешь, не погостишь у нас, я на тебя обижусь. Смертельно. Ты если приедешь, ты даже останься у нас. Я говорю, у тебя муж, блин. Нет, он нормальный...

Мы встретились в этом, в Измайловском парке, погуляли, че-то где-то посидели, кофе попили, потом в парке посидели... Детские воспоминания... Ты же понимаешь, елки-палки, мы где выросли, мы откуда все? Ты же понимаешь... Она сама никогда этот вопрос не поднимала, и мне казалось, что она мыслит иначе. Ненависти нет у нее, не то, что ненависти, даже неприязни как таковой нет, у нее отец с азербайджанцами дружил, у нее там тетя, по-моему, замужем за азербайджанцем, и они живут в Баку, она общается с двоюродными братьями... Я не помню, что она говорила, но в общем тема была о том, что они все-таки уникальные, вот примерно это проскальзывало. Не, мы свернули эту тему, не зашли настолько, чтобы остались негативные какие-то эти, нет, я увел, и ей надо тоже отдать должное, она не продолжила, почувствовав, что дальше будет хрень какая-нибудь...

Поэтому мы рассматривали как бы на крайняк каждый из вариантов, вот, в общем любой из вариантов... Я Наде говорил, что, слушай, я вообще успокаивал, что никто ее сына не возьмет, будут брать в первую очередь бесхозных, потому что есть юридические пути отстоять ребенка, вот, а чтобы просто ее успокоить, я говорю, слушай, если так надо будет и от семьи одного человека, я пойду...

Когда она его, наконец, уговорила, он согласился, я даже хохмил, слушай, теперь уже в России несолидно будет оставаться, столько прекрасных людей покинуло Россию, а ты сидишь тут, как лошара, ты тоже хотя бы в Азербайджан на месяц свинти. Пока он этот ПЦР делал, там все дела, он сказал, нет, я не еду... У него потому что спектакли, там все... Чуть-чуть в информационном поле затишье наступило, она чуть успокоилась... Для нее Миша — это, знаешь, ну как для любой матери, но у нее вообще, знаешь, она просто дышит им. Она, Allah eləməsin, bir şey olsa — все, ее жизнь на этом заканчивается, стало быть, и моя, вокруг все заканчивается...

У меня двоюродный брат есть, он мне каждый раз посылает всякие ролики, какие русские пидарасы. Я говорю, Тофик, ты мне что хочешь сказать? Как будто я топлю за Путина. Я говорю, Тофик, ты что хочешь от меня? В тот раз, они только развязали войну, я иду по Садовому кольцу, и Тофик мне звонит, а там же все пеленгуется, в данный момент происходящие разговоры на ключевые слова, весь центр в бобиках, в ментах, вот эти все космонавты, я говорю, Тофик, блять сука, ты меня год не видел, тебе больше не о чем разговаривать? Ты что от меня, сука, хочешь услышать? Что ты от меня хочешь, бля? Нет, ты не понимаешь, ты не понимаешь. Я говорю, бля, Тофик, успокойся, я говорю, Тофик, ты вообще чем-то..? Не-не-не, я щас весь в войне... Ты что хочешь? Что? Что я должен сказать?

ВОСЬМАЯ РЮМКА

Я очень много лет сам вынашиваю мысль написать. Я вот читаю тебя, я понимаю, ты начинаешь повествование, повествование ни о чем, да, но ты сводишь это к чему-то, бля, я вот, окей, взялся, но куда я сведу это?.. У меня не сводится, не сводится...

Я часто, у меня прокручивается в голове, история как будто не моя, история какого-то семнадцатилетнего мальчика... Я говорю, с семнадцати лет все время с какой-то хренью, причем из всех больших жизненных проблем меня боженька выносил, всегда, бля. Практически, это самое, как помнишь это, «Судьба человека»: и в этот раз, говорит, смерть мимо прошла, да больно холодком от нее повеяло. Все время я только вот этот какой-то холодок чувствовал, не гневить бы бога, действительно, но блять всю дорогу... Ну вот это вот, my way, так сказать...

Balıq dolması, это была фантастика... Я тебе рассказывал, да? Они рыбу ловят, у них во дворах стоят бочки с пиздец соленой водой, там просто голимая соль, жижа соленая. И все, что они ни отловили, они не моют, потрошат рыбу, не моют и просто бросают в воду, без кишок, без внутренностей. Любую рыбу. Любую, все, что наловили, все туда. Это там может, понимаешь, десять лет даже храниться, не испортится, голимая соль... И когда нужно, в любой момент, да-да, они ее просто ополаскивают водой, начинают, я не знаю, помидорами, зеленью, всяким говном, и вот заворачивают в инжирный лист... Я не помню, определенная сторона должна быть, да, по-моему, на гладкой стороне, по-моему... Они заворачивают лист, обвязывают, а как, я не

видел, я как понимаю, ее на пару делают... И парится, а потом, когда к угощению подают, то есть на тарелке, но на этом листе. Просто разворачиваешь, и ты с листа ешь. Блин, это, ну это невероятно вкусно. Правда, потом часов шесть-семь умираешь просто. Они традиционно эту вещь едят с арбузом. Традиционно, ну понятно, что херачат с этим, с алкоголем, и под него можно реально просто декалитрами, до полного отравления можно, потому что алкоголь пьется, любое говно можно с этим выпить. Во рту тает, любой кусок, ты его не жуешь, ничего — все, getdi. Это что-то фантастическое, очень вкусно... А ты прикинь — там! Это вкуснее раз в десять... Отец одного из солдат привез, мы сидели, несколько человек, ели на ящиках из-под снарядов...

Я уехал. Мы сидели вот так с отцом, я так встал: уахşı, тән getdim. Nara gedirsən? Я говорю, я уезжаю на фронт. А мамин двоюродный брат погиб тогда. И мать говорит, что ты его не остановишь. Говорит, ты его не остановишь... Я пошел, поехал на вокзал, сел на поезд и уехал... В Агдам. Агдам еще был наш... Я уже здесь договорился, куда я пойду. Там были добровольческие батальоны...

Долго, почти месяц мы просто сидели в доме одном, а потом раз один день — dur, getdik. Мы поехали в Ахмедагалы, и в Ахмедагалы мы попали в окружение. Мы приехали, заменили тех, которые там сидят, те уехали, мы остались, и под утро началась мощная атака. Ты знаешь, мне было интересно. Слава богу, я испугаться не успел. Так получилось, что это время, трое суток там были в окружении, я помню, что жрать нечего было, это самое, сухой хлеб от предыдущих остался, мы размачивали, и рюкзак конфет, карамель. Карамель с чаем, kəklikotu ilə...

Мы вошли в одну деревню, а у меня оставались хвосты, я в АЗИ же учился. Я пришел к комбату, я говорю, это самое, тән gedim, imtahanları verməliyəm. У меня до сих пор эта увольнительная осталась, напечатали, я уехал. Я уехал, через четыре дня... Я приехал, сидел у двоюродного брата, домой пришел, поехал к двоюродному брату, и у двоюродного брата зазвонил телефон, они позвонили домой, там сказали, что я там, позвонили... Ребята погибли... Часа через три, я вот не помню, то ли два, то ли три примерно, мощное наступление... Больше половины батальона перебили...

А была интересная история. Я поехал в Агдам на АТС, чтобы позвонить в город. Баба одна была, я ей позвонил, АТС-dən. Вышел,

я не один, ребята на военном грузовике. Смотрю, с каким-то старцем разговаривают наши ребята. Это самое, gəl bura, типа aǵsaqqal sənı çayır. Я подхожу, вот клянусь, блин, клянусь, не придумка. Ощущение нереальности. Adın nədir sənın? Я говорю. Он говорит, что qorhub eləmirsən ki? Я говорю, yox. Он говорит, işdir, qorxsan, aç sını uzaq torpaǵa, sını dəysin torpaǵa, sənə heç bir şey olmayacaq, amma evə qayıdandan sonra, bura bir də gəlmə... Ни при каких обстоятельствах, все, да, get... Вот клянусь... Можешь в такое поверить?

Кир Федоров

СЛУЧАЙНЫЙ АГЕНТ

Пьеса в трех абсурдных штрафах Отрывок

От автора: «Мне очень радостно от того, что читатели «ROAR» смогут ознакомиться с фрагментом пьесы «Случайный агент». Я хотел придумать историю, через которую даже аполитичные люди узнали бы много удивительных и одновременно странных деталей об окружающей их политической действительности. И мне очень хотелось выйти из привычного многим противопоставления «мы/они», «свои/чужие». Два года назад меня самого признали иностранным агентом. Я продолжаю жить в России, поэтому хорошо знаю, о чем именно пишу. Я судился с Минюстом, встречал описанных мной полицейских и активистов. В пьесе реальные факты смешаны с художественным вымыслом. Поверьте, самые абсурдные ситуации и детали — не плод моего воображения, а часть повседневной жизни россиян.

Фёдор, системный администратор, 32 год.

Лиза, филолог, 29 года.

Саша, юрист, 33 лет.

Мама Фёдора, клинер, 54 года.

Солжиницын, сотрудник Минюста, 26 лет.

Бездомный, неизвестно.

Лёнчик, Лерчик, Перчик, гражданские активисты в возрасте от 30 до 45.

Полицейский 1, патриот, любящий песни Аллы Пугачевой, 46 лет.

Полицейский 2, патриот, любящий свою однушку в Мурино, 28 лет.

Штраф первый.

На скамейке спит молодой парень. Рядом задумчиво сидит БЕЗДОМНЫЙ и курит. Молодой человек начинает ворочаться, медленно открывает глаза и садится. Это ФЁДОР.

ФЁДОР: Здрасьте!

БЕЗДОМНЫЙ: Забор-покрасьте.

ФЁДОР: Блин, башка раскалывается. А я где?

БЕЗДОМНЫЙ: В сентябре.

ФЁДОР: А-а. А сколько время?

БЕЗДОМНЫЙ: Петербург.

ФЁДОР: Угу... Понятно. А я кто?

БЕЗДОМНЫЙ: Везунчик

ФЁДОР: Почему?

БЕЗДОМНЫЙ: Проснулся. Михалыч вот на прошлой неделе не проснулся. Прости его душу грешную (*смотрит в небо, крестится*).

ФЁДОР: А уснул-то я как?

БЕЗДОМНЫЙ: Я с тобой позже познакомился.

ФЁДОР: Ни хера чё-то не помню.

БЕЗДОМНЫЙ: А чё, это важно, что ли?

ФЁДОР: Чё? Как уснул?

БЕЗДОМНЫЙ: Ну... Важнее же проснуться. Вот Ленка три позавчера назад не проснулась.

ФЁДОР: Я же как бы... просто не такой... Вы-то...

БЕЗДОМНЫЙ: А какой я? (*чешет щёку и внимательно смотрит на Фёдора*).

ФЁДОР: Вы... бухающий.

БЕЗДОМНЫЙ: С кем?

ФЁДОР: С Михалычем и Ленкой.

БЕЗДОМНЫЙ: Не-а. Я не бухаю (*пауза*). По чётным. Я себе не враг, чтобы каждый день.

ФЁДОР: Я тоже не бухаю... без причины... Блин, но вчера что-то было.

БЕЗДОМНЫЙ: Чётное. У меня в голове список.

ФЁДОР: Какой список?

БЕЗДОМНЫЙ: Ну как... Чётное и нечётное. Кому-то надо вести учёт.

ФЁДОР: Вести учёт... Список... Ебать-копать! Реестр Минюста!

БЕЗДОМНЫЙ: Это чё?

ФЁДОР: Контора, которая... блин... я не знаю чем они занимаются. Юридическими делишками какими-то. Они вчера меня в список заграничных агентов внес...внесли, то есть.

БЕЗДОМНЫЙ: Каких агентов?

ФЁДОР: Ну... Типа агентов Америки.

БЕЗДОМНЫЙ: Так, а зачем ты... агентом стал?

ФЁДОР: Я не стал... Меня сделали.

БЕЗДОМНЫЙ: Завербовали что ли?

ФЁДОР: Ну видимо...

БЕЗДОМНЫЙ: Это кто ж?

ФЁДОР: Так кто... Минюст.

БЕЗДОМНЫЙ: Американцы уже в Минюсте (*грустно вздыхает*).

Ладно, пойду я.

Бездомный медленно встает и берет в руки пакеты и сумки.

ФЁДОР: Подождите... Мне что, это не приснилось всё?

БЕЗДОМНЫЙ: Не знаю, я познакомился с тобой уже после Минюста.

Пойду я...

ФЁДОР: Подождите... я ещё просто хотел...

БЕЗДОМНЫЙ: Ты это... больше сюда не ходи... Мне проблемы не нужны.

Бездомный отходит на несколько шагов, поворачивается.

БЕЗДОМНЫЙ: А здесь работу не мог найти? Лучше же было бы.

И пить по чётным лучше. И учёт вести. Ладно, пойду я. Удачи тебе, инагент!

Кафетерий. За столом с бумажным стаканом кофе сидит САША и со скучающим видом смотрит в телефон. Заходит ФЁДОР.

САША: Ну надо же! Какие люди в Голливуде!

ФЁДОР: Привет, я объясню.

САША: А чего тут объяснять? Со школы не помню, чтобы ты хоть раз пришел вовремя.

ФЁДОР: У меня причина есть.

САША: Разумеется, кто бы сомневался, Федя. Верю в силу твоего воображения. А чё-то вид у тебя помятый....

ФЁДОР: Я не дома ночевал.

САША: Стопэ, а у кого ты ночевал? Ты же сам ныл, что не с кем даже на свиданку сходить. Я тут, значит, жену подбиваю, чтобы она ему, а ты...

ФЁДОР: Да я на улице ночевал.

САША: Начал социальное падение? Рано, Фёдор, рано. Впереди целая жизнь, которая хочет...

ФЁДОР: Хватит меня стებაь. Я в шнягу какую-то вляпался.

САША: Хоть женского пола?

ФЁДОР: Да не про пол здесь тема.

САША: Про потолок?

ФЁДОР: Позвонили из КВН-а 2003-го и сказали, чтобы ты вернул им все их шутки.

САША: Ладно, не бубни. Куда тебя занесло? Микрозаймы? Аферисты? Армия? ВИЧ?

ФЁДОР: Минюст.

САША: Так... Ты думаешь стало яснее?

ФЁДОР: Сделали меня иностранным агентом.

САША: Тебя? Ты не путаешь?

ФЁДОР: Кажись, нет.

САША: Как-то странно.. Вроде бы в этот список вносят значимых каких-то людей.

ФЁДОР: Ну спасибо.

САША: Ты же понял, о чём я. Там руководители организаций, артисты бунтующие. журналисты, активисты-грантососы всякие. А про тебя-то кто что знает?

ФЁДОР: Видимо, всё же знают. И помнят. В отличие от моего бати.

САША: Хм, а если взять и зауглнить твое имя, что там появится... Ого, сколько ссылок. Так... порно-блогер Фёдор Иванов. Так может это он, а не ты?

ФЁДОР: А порно-активист чем не угодил Минюсту?

САША: Может, контент им не зашел его. Хотя у него тут разное есть...

ФЁДОР: А как нам узнать, что это он в списке, а не я?

САША: Минюст публикует по пятницам у себя на сайте. Там ФИО. Сейчас зайду... Иванов Фёдор Владимирович.

ФЁДОР: А какое отчество у порно-огурца этого?

САША: Я-то откуда знаю, какое у него отчество?! Я что, фанат его творчества?

ФЁДОР (утыкается в телефон): О, тут есть контакт... Сейчас ему напишу... Добрый день, Фёдор! Получилась странная ситуация... Буду признателен за ответ... Так написал.

САША: Вряд ли он ответит...

ФЁДОР: А что если позвонить им туда...

САША: Куда?

ФЁДОР: Ну, в Минюст этот, и... там же есть какой-то отдел работы с клиентами. Сказать, что ошибочка, мол, вышла, давайте исключайте, не обижайте.

САША: Слушай, так это не работает.

ФЁДОР: Блин, если есть список, в который вносят, то есть способ и выносить из него? Так ведь? Это же не... эти... как их... скрижали.

САША: Да вот со скрижалями, боюсь, легче было бы... Насколько я смотрел сейчас закон, сама процедура выхода из иноагентского статуса не прописана.

ФЁДОР: Типа дорога в один конец?

САША: Судя по тому, что говорят про этот закон, нежелательно возвращаться...

ФЁДОР: А прикинь, сейчас позвонят и скажут сорян, шальная пуля, списочек обнулили, вас исключили.

Неожиданно у Фёдора звонит телефон. Саша и Фёдор растерянно несколько секунд смотрят на него.

ФЁДОР: Хм, номер незнакомый. Алло, да, это я...

САША (шёпотом): Минюст?

Фёдор отрицательно мотает головой.

САША (шёпотом): Порно-тезка?

Фёдор снова мотает головой, слушая голос в трубке.

ФЁДОР: Я без понятия, если честно... Нет... Да... Давайте в другой раз (откладывает телефон). Это издание «Холод».

САША: И чего хотели? Льда?

ФЁДОР: Просили рассказать, чем я занимаюсь, и за что, на мой взгляд, меня сделали иноагентом.

САША: Нам бы узнать, про тебя ли речь вообще.

ФЁДОР: А еще спросили, что я думаю про наступивший тоталитаризм и планирую ли уезжать из России... Только я вот не понял, зачем мне уезжать?

САША: Иноагентов вроде как у нас тут не шибко любят.

ФЁДОР: О, ответил членодетель наш. Так...

САША: Ну что там за отчество у него?

ФЁДОР: Вадимович.

САША: Получается, что ты всё же.

ФЁДОР: Да как так-то?

САША: Думай, где накосячил.

ФЁДОР: Да я ничего не нарушал!

САША: На митинги ходил?

ФЁДОР: Мне что, делать больше нечего?

САША: Посты, критикующие власть, писал?

ФЁДОР: Чего её критиковать-то, нужен я ей шибко со своей критикой.

САША: С фондами, нко-шками какими-то пересекался, сотрудничал?

ФЁДОР: Да нет, где я, а где фонды... Я сам по себе. Вообще не особо верю им.

САША: Ну думай-думай, дядя Фёдор! Как-то ты же в это вляпался.

ФЁДОР: Митинги, посты, фонды... Митинги, посты, фонды... Так, стоп!

САША: Что? За Навального все-таки топил, да?

ФЁДОР: Я даже не знаю толком, чем он занимается... Я про другое... Про фонды ты спросил. Где-то полгода назад меня кореш попросил комп починить. В конторе одной.

САША: Что за контора?! Помощь политзаключенным? Феминистки?

ФЁДОР: Да нет, ты чего. Там про рыб что-то было.

САША: Каких рыб? Оппозиционных?

ФЁДОР: Подожди... Фонд сохранения... А, во.. Фонд защиты лосося!

САША: Так, не понял. Дальше что, починил ты лососю комп, и?

ФЁДОР: Ну и все. Они мне перевели оплату за работу. Я же как самозанятый... сейчас.

САША: Подожди... (*берет телефон*)... Погуглю, кто там тебе заплатил. О! Так их же признали иноагентами пару месяцев назад.

ФЁДОР: А я-то при чём тут? Я же не защищаю лосось. Я просто работу свою выполнил.

САША: Так по закону-то те, кто получает деньги от иноагентов, сами могут быть признаны агентурой.

ФЁДОР: Это еще по каким таким критериям?!

САША: В законе не прописано. Получение денежных средств и факта сотрудничества достаточно.

ФЁДОР: Это что, типа как «сифа»?

САША: Что за «сифа» ещё?

ФЁДОР: Ну в детстве мы играли... Кинешь говном каким-нибудь в челика, всё, он — «сифа». И бегаешь от него, чтоб он не прикоснулся к тебе. Коснётся — всё, теперь ты тоже «сифа».

САША: Да-а-а, лосось-иноагент, Федя, тебя подставил...

Телефон издает звук входящего сообщения.

ФЁДОР: О, написал какой-то чел. Говорит, что есть специальный чат для иноагентов. И что мне правозащитники помогут.

САША: Видишь, твои тебя признали. Рыбак рыбака...

ФЁДОР: Ой, хватит.

САША: Ты в чат-то добавься, лишним не будет. Только ничего там не комментируй. Никуда не влезай. Смотри, читай, слушай. Нам сейчас надо понять, как дальше быть. Я читаю всё внимательно, закон там, с коллегами обговорю. Сейчас надо понять, чем тебе это реально угрожает.

ФЁДОР: Добавился... О, тут Татьяна Лазарева в чате. Помнишь, «33 квадратных метра»?

САША: Да, семейство это ржачное помню, хотя сейчас, конечно, уже таким примитивненьким всё это кажется. Кстати, про семейство. Ты, помнишь, после дня рождения Анны моей интересовался её подругой?

ФЁДОР: Лиза которая?

САША: Она самая. Анна моя с ней переговорила. Так сказать, дипломатию провернула. Лиза готова с тобой встретиться. Я уж не знаю там, свиданка — не свиданка, это уже ты сам там формат докручивай.

ФЁДОР: Слушай, ну сейчас-то как-то не до этого?

САША: Как это не до этого? Ты что, в тюрьме собрался размножаться? Там проблемнее будет.

ФЁДОР: Я как сейчас с этим статусом буду...

САША: А что, у иностранных агентов либида нет? Весь задор ушёл на борьбу с режимом?

ФЁДОР: Да ни с чем я не боролся, как будто ты не знаешь. Меня вполне устраивает всё.

САША: За-ме-ча-те-ль-но! Значит, Минюст личной жизни не помеха. Я как твой друг-сваха свою роль в этой романтической истории исполнил, теперь летите дальше без меня. Летите!

ФЁДОР: В Магадан, видимо, полечу.

САША: А вот нагнетать не надо. Не надо нагнетать. Если действительно полетишь на Колыму, то тебе тем более нужна... спутница.

Сразу говорю, я от тебя откажусь, мне такие политически-мутные уголовники не нужны в друзьях.

ФЁДОР: Я и не надеялся.

САША: Молодец, значит, хорошо меня знаешь. Так, всё, пора заканчивать. Ты дома как-то себя в порядок приведи, а то реально помятый. Лиза не оценит. Всё, мне надо за Анной моей заехать.

ФЁДОР в халате сидит на кухне, заставленной коробками и банками. Перед ним на столе стоит остывшая чашка чая. Заходит МАМА и начинает разбирать пакет с продуктами.

МАМА: Ой, Федька, ты тут, что ли...

ФЁДОР: Угу.

МАМА: Сёдня я в такой заказ вляпалась. Созвонились-договорились, как обычно. Приезжаю, там девка такая в платке... видать в чё-то там верит. Показывает однушку. Говорит, бабка-дементница померла тут. А я смотрю, тут не то что бабка померла, там какая-то собачья ферма была... Притом все с деменцией и все там и разложились. Всё разворочено. Всё в говне. Пол, стены, диван...

ФЁДОР: Мам...

МАМА: Ну ладно, я всякое видела. Но чё врать-то. Ну сказала бы сразу, какой там объем работы, говна тонны и при том не хулиард денег прошу.

ФЁДОР: Мам, поговорить надо.

МАМА: Чё такое? Денег перехватить, что ли, надо?

ФЁДОР: Да не надо мне денег... Тут момент один произошёл.

МАМА: Чё такое? Со здоровьем, что ли, что?

ФЁДОР: Нет, ничего страшного в целом. Просто я тут узнал...ну, про себя кое-что.

МАМА: А-а... А я давно уже знаю...

ФЁДОР: Давно? Откуда?

МАМА: Ютуб.

ФЁДОР: Ты о чем?

МАМА: Девушки же у тебя всё нет и нет. Я даже не знаю, были ли вообще...

ФЁДОР: Мать, ты куда-то не туда свернула.

МАМА: Но я же не дикая же какая-то. Я же ютуб смотрю и знаю, что сейчас разное бывает.

ФЁДОР: Так, мам, я не гей.

МАМА: А кто? Небинарная персона?

ФЁДОР: Это ещё кто? Короче, не важно. У меня все как у всех. Парни меня не привлекают от слова «совсем».

МАМА: Так вроде и девушки не привлекают.

ФЁДОР: Меня привлекают, я их не привлекаю. Но не об этом сейчас. Я вообще про другое хотел сказать. Я — иностранный агент, блин!

МАМА: Японский городской, какой ещё агент. Ты что, разведчик?

ФЁДОР: Нет, мам... это не про то, что я работаю на какие-то там... ведомства.

МАМА: Ой... ты что, шпион? На их ведомства работаешь. Вот не зря тётя Лида говорила, в тихом омуте черти водятся...

ФЁДОР: Мама, это вообще не про это. Меня наш дебильный Минюст внес в список тех, кто якобы хочет поменять что-то в стране на иностранные деньги.

МАМА: А что, это плохо?

ФЁДОР: Ну нашим это не нравится. Типа ты сразу мутный какой-то.

МАМА: Ничего не поняла. Ты деньги у кого-то брал?

ФЁДОР: Не-а.

МАМА: Значит случайная ошибка какая-то. Так... Тётя Лида же в Минюсте работает. Я ей сейчас позвоню и она тебя вычеркнет. Вот и всё.

ФЁДОР: Мам, вряд ли это так легко. Там в этом списке Максим Галкин, Земфира, Макаревич, Акунин...

МАМА: Ой, все талантливые. Тебя-то чего туда внесли тогда?

ФЁДОР: Ну, видимо, Минюст верит в мой потенциал больше, чем ты. Короче, я про то, что там в списке люди со связями.

МАМА: Не знаю, какие там связи у Галкина, но у меня есть тётя Лида. Женщина, с документами всю жизнь работает. Считай, наша агентша. Минюстовская. Всё, я пошла ей звонить. Она еще должна за уборку дачи мне.

Мама берёт телефон.

МАМА: Сейчас-сейчас... Хм... гудки идут... не берет. Как дачу убрать, так сразу отвечает... Лида! Здравствуй! Есть минутка? Тут такое дело. Фёдора моего по ошибке в список один внесли... Нет! Что ты! Какой Донбасс, у него здоровье не позволяет... Список как раз вашей конторы... Случайно он попал в агентов... иностранных. Ты не могла бы... Ага.

Да, как Галкин... Вот история кривая какая-то вышла... Подожди... Нет... Не тараторить... какая работа на Госдеп? Ты что? Ну Федьку что ли не знаешь? Он по-английски ни бум-бум... Лида, окстись, какая пятая колонна?! Какой нейтральный туалет? Какой суверенитет? Федя-то здесь причем? Лида? Алё?... Хм, трубку бросила, что ли... А ей еще дачу убирала.

ФЁДОР: Что, не задался разговор?

МАМА: Ее как понесло. Говорит, случайных людей там нет, в списке этом. И что ты не ту сторону выбрал.

ФЁДОР: Я что, выбрал, что ли? Меня без меня Минюст женил.

МАМА: Пыталась я ей это объяснить Она завелась как... Лучше бы деньги за дачу с такой скоростью перевела.

ФЁДОР: Помогать не будет?

МАМА: Я так поняла, что если тебя из этого списка вычеркнут, она тебя еще раз сама внесет. Странная такая. Она как будто тебя не знает. Сказала, что между нами и Родиной она выберет Родину.

ФЁДОР: Не в туда ее куда-то понесло. Да пусть катятся они все.

МАМА: Ты к чему клонишь?

ФЁДОР: Да чё будет-то? Кто вообще будет следить за моими соцсетями? Кому я там нужен?

МАМА: Федя, так надо это им и показать. Ты же действительно не против власти, ничего не расшатываешь. Надо вопрос этот.. всё это в суде и решить.

ФЁДОР: В суде? В нашем?

МАМА: Ну а в каком? В суде разберутся, что ты случайно попал и никто тебя не спонсирует, что не против чего-то. Грамоты твои школьные покажем...

ФЁДОР: Ага, и аттестат с пятёркой по физре. Ты как будто судов наших не знаешь. Ты когда квартиру со своим братом делила, суды эти твои сильно тебе помогли?

МАМА: Это другое. Там брат взятки давал налево и направо.

ФЁДОР: Не, просто буду жить как обычно, никто и не заметит.

На телефон Фёдора приходит сообщение.

ЛИЗА: «Привет! Спасибо, что написал :) Я с радостью встречусь. У меня есть интересное предложение. Пойдем вместе на сайкл? :)»

ФЁДОР: Этого ещё мне только не хватало.

МАМА: Чего там? Экстремистом каким-нибудь признали?

ФЁДОР: Не. На сайкл-тренировку позвали.
МАМА: Опять на что-то иностранное зовут.

Банки с помидорами

Вокруг ещё было тухло, но не слишком. Из соседнего дома троих забрали. Мы — не мы, мы — немые. Глотательный рефлекс, годы тренировки.

— Ты знаешь вообще, с какого года эта история тянется? — спросил Вова.

— Мы-то тут при чём! Лучше в кастрюле понюхай. Не пойму, не протухло?

У Сони спросонья лицо — солёный помидор. У Вовы — пакет специй. Они копили на отдых в Греции, но потом обнаружили соседи-фашисты, как маринованный чеснок на дне банки. В лицо их, конечно, не знали. Но по телевизору соловьём пели.

— Ну вот, по-чесноку, ты-то чего думаешь? — заглывал щи Вова.

— Ну тебя в баню! Чего мне думать-то? У меня банки стынут! Чеснока-то, кстати, мало. Пойду к бабе Гале схожу.

Теперь всем подъездом говорят про Сонькин чеснок и количество уксуса на три литра воды.

— Утро доброе. — Баба Галя хрипела, как калитка в огороде. — Первый канал-то включила? Ежели возьмут, чего будешь-то?

Скукоженная, как сушёный окунек, выпучила глаза.

— Позовут — пойдёт, мы бежать не собираемся, как тараканы за холодильником. Ё-моё, когда этот помор приедет?

— Да чего толку-то! Уж ездили. Не наездились.

Вовка на днях поймал здорового сома.

— Сама не отправлю его, конечно! Пусть дома сидит, авось уберётся.

— Ан, вона ты? Ну, пущай тады из дому-то не выходит на рыбалку-то свою. А то самого, глядишь, поймают.

— Ну, чать, не рыба, баб Галь. С мозгами. Слушай, я к тебе за чесночком, вообще-то. У меня всё ушло, я тебе банку принесу к столу.

— Ну, погоди, под сидушкой-то у меня ещё было.

Пингином ковыляет до кухни, выносит гирлянду чесночных головок.

- С меня банка, баб Галь!
- Давай, давай. Гляди, кабы не бомбанули.

В пробке

— Кто знает. Может, этот наш с вами разговор потом попадёт в лонг-лист.

— Куда? — испуганно спросил таксист.

Смеюсь.

— Да так. Не волнуйтесь! Я не из спецслужб. — Качаю головой.

— Как будто оттуда представляются, — промямлил водитель. — Я тут, если что, недавно работаю. Вообще-то, мехмат заканчивал.

— Да?

— Да, уж лет двадцать назад... Где-то валяется диплом. Красный, кстати.

— А что не работаете?

— Ну, как сейчас на это проживёшь? Уже раньше-то, и то было уже так...

— Ну, да... — трясу головой.

— Я как-то как машину купил, что-то туда-сюда мотался по городам. И насмотрелся всякого! Смотрю прямо, думаю о пробке: очень не вовремя. Звонит мама.

— Привет. Да. Нормально, еду. Я помню, конечно! Да, учебник взяла! И тетрадь тоже! Ага. Давай, увидимся.

Кладу трубку. Водитель поворачивается, спрашивает:

— В институт едете? Сессия?

— Нет, я учитель. — Довольно улыбаюсь.

Слава богу, своё отучила — про себя подумала. Хотя кто-то так не считает. Поправляю волосы, опускаю зеркальце сверху и смотрюсь.

— Мм. А чему учите? — с любопытством спрашивает.

— Пфф... Всякому. — Неохотно отвечаю. — Жизни! — Смеюсь.

— Это и я умею. Вот вы к войне как относитесь?

Я сжимаю губы, вздыхаю.

— Это же ужас! Фашисты эти! Ничего, танки грязи не боятся, как говорится. Я вообще сыну сразу сказал, что если призовут, поедет. А как иначе?

Я покусываю губы, тычу в телефон. Когда уже эта чёртова пробка рассосётся!

— Большая пробка, да? — обрубая его пассаж.

— Да не, сейчас на кольце только пару минут и проскочим. — За-
молкает и приоткрывает окно.

Я поворачиваюсь к своему окну. Напротив кольца огромный бил-
борд. На нём нарисована силиконовая блондинка в полотенце с гла-
мурно-обрезанным венником и надписью: «А кто тебя парит?»

Да уж, думаю. Много кто...

ДОРОЖНЫЙ РАЗГОВОР

= Текст публикуется в авторской редакции

— Ну, значит, вместе поедем, — в моём купе устраивался худощавый человек в армейской форме, вначале показавшийся мне совсем мальчиком. Когда поезд тронулся, первый вопрос, который он задал, был «Ну, как вы относитесь к =этому=?»

Дело было в Курске 22 июня 2024 года, и было понятно, что юноша (только потом я заметил, что его коротко подстриженные волосы почти совершенно седые) едет из-под Харькова. Я не привык кривить душой и честно начал отвечать, как отношусь к =этому=, но оказалось, что мой визави хотел лишь выпить за знакомство. Он оказался профессиональным солдатом, фактически наёмником — в том смысле, в котором это слово использует Юрий Аделунг в трилогии об осаждённом городе («Давно уже привык с подругой-аркебузой...»). Как ещё назвать человека, для которого не рутинная армейская служба, но именно участие в боевых действиях, по контракту, является основным занятием не протяжении более двадцати лет? По ходу разговора я ещё вспоминал Леона из известного фильма: хладнокровного убийцу, но с чёткими правилами игры — «не женщин и не детей» — и совершенно-го ребёнка в том, что оставалось за пределами его работы. Это отрывки из разговора. Проверить детали не представляется возможным, но я старался записывать их, как запомнил. Например, про «Спарту-300» — не смог найти, чтобы так называли именно батальон, остававшийся в Херсоне (за эту войну кого только спартанцами не называли, с обеих сторон). У меня не создалось впечатления, что собеседник намеренно меня обманывал, но этот текст — не о военных секретах, а о том, что внутри тех, кто возвращается с этой войны.

Ехали мы вместе 12 часов.

— Я, когда заключил контракт, думал, что буду воевать в Сирии. Потом сказали, что, вроде, в Африке. Ну, в Африке так в Африке. Но оказался я на Украине. Нам говорили всякое про украинцев, а оказалось — люди как люди. Это сейчас говорят, что нам тогда до Киева пятнадцать километров оставалось. Нет, конечно. Но, когда мы заходили, мы шли

спокойно, будто никто нас и не думал встречать. А вот когда отступить стали, тогда они по нам так славно ударили... Так нас разносили, были батальоны, от которых человек двадцать только оставалось. От батальона! Это сейчас мы воевать научились, а в начале были огромные потери. Да и сейчас, каждую одну-две недели, в одном только нашем батальоне и 300-е стабильно, и 200-е. Знаете ведь, что это такое? <...> Вы меня простите, что я матом, привык уже.

– Нет, я не хочу туда возвращаться. Меня пробовали не отпустить, но они не имеют права. Мне командир сказал: Батыр, я тебя под трибунал отдам. А я ему говорю – нет, это я раньше в прокуратуру пойду. Замолчал... У меня ведь пятеро детей. Я на «передке», жена звонит. Бросай, говорит, эту работу. А я ей говорю, ну, деньги-то ты получаешь?

Гуляет там с подругами.

Да и ты, говорит, в компании же. Да, говорю, вот, в компании – с противником. Мы тут, а они напротив, в таких же окопах.

Дочь кричит в трубку: папа, ты когда домой вернёшься? Да вот, говорю, пока не могу, работаю. Возвращайся, говорит, домой, хватит работать!

И младшая, слышу, кричит в трубку: «Па-па, па-па!..» Ей полтора года. Когда мобилизацию объявили, я ведь уже дома был. Жена спрашивает, что, пойдёшь? Я говорю – придётся, куда я денусь?.. Нам отпуск дают – один месяц в год. Я его на две части разбиваю, по две недели. Как приеду, сразу на рыбалку. Жена ругает, а я ведь всё равно вечером возвращаюсь. Ну что, если бы я днём по дому шатался?.. Были в Бурятии? Вы когда приедете, вы на Большое море не поезжайте, вы сразу на Ольхон. Вот это самое клёвое место!..

– В Припяти стояли, бабушка приходит к нашим солдатам: «Ребята, милые, угощайтесь!.. Вот пирожки, вот водочка!..» Кто поел пирожков – один только выжил, остальные не выжили...

– Мобилизованным, им ведь стабильно платят. Каждый месяц – двести тысяч, и неважно, на «передке» ты или в тылу. Мне тоже первое время хорошо платили. Потом меньше стало, но каждый месяц деньги приходили. А прошлый месяц – не пришли, этот – не пришли. Когда приеду, уже третий месяц будет. Я звоню в часть, там лейтенант: вот, тебе надо тут и тут расписаться. Я ему кричу: ты хоть понимаешь, где я нахожусь?

Нет, не понимает. Вот она такая, наша армия. Нет, дорогу не оплачивают, сам купил билет, сам поехал. Я привык самолётом, но если сейчас в Курске самолёт взлетит, его тут же «шлёпнут». Приходится поездом. Я ведь благодаря этой войне попутешествовал – когда бы я ещё в Курске побывал? А в Москве?..

– Пока мобилизованные к нам не пришли, я ведь самым старым, как правило, был. Сорок три года... А тут пришли – кому по пятьдесят, а кому и по шестьдесят лет, такие старики. Тяжело с ними было. А ещё лейтенанты эти пришли, молодые. Один что-то пытался мне сказать, а я ему – так-то и так-то. Что, говорит, ты воевал, что ли?

А я первый раз в 2002 году, в Чечне, потом в 2004-м, потом... Вот ещё над срочниками издеваются. А я говорю, да что же вы делаете? Зачем вам это надо? Вы что, сами срочную не служили?

– Мы – Восток. А западные – не люблю я их. Вы только не обижайтесь, мы называем их «зечками». Мы ведь два месяца за Изюм воевали, а они пришли – и за две недели всё отдали. И зачем мы там столько ребят положили? Они ведь уходили – у гражданских, уже на нашей территории, брали автомобили. Автомат направляли – и забирали. Разве так можно? Этот Шойгу, <...>, этот Герасимов, <...>. Простите, что я матом.

– Мы когда из Херсона уходили, нам, нашему батальону, было приказано стоять до последнего, прикрывать отход. А командир сказал – да <...> их, уходим!.. Мы последние переходили по плотине. На нашей стороне удивились – откуда вы, мы думали, все давно вышли уже?

Нас называли «Триста спартанцев», «Спарта триста», это про нас, если услышите где...

– Успел за пивом сбегать. Вот, угощайтесь. И «косичку» берите. Чеченцы, они всегда к пиву «косичку» берут... Я, правда, больше по водочке.

– Мы с (таким-то, русский) задание выполнили, медали должны были получить. Командир представление отослал в штаб, (такому-то) дали медаль, а мне – нет. Я спрашиваю, как так? Ведь если бы представление затерялось, оба бы не получили, там две фамилии было в листе. Нет, мне «железка» не нужна, медаль даёт прибавку к зарплате, каждый месяц... А я должен был получить и Суворова, и Жукова, и ... Почему не получил? Вот такая она, наша армия. И ещё за ранение. Первый раз меня осколками ранило, вот, в живот, видите?

Две недели был в больнице, оттуда снова на фронт отправили. Врач говорит, ничего тебе не положено, лёгкое ранение. А какое оно лёгкое, когда кишки видны, чуть не выпали? Второй раз была контузия, из уха у меня кровь текла. Кожу у меня на заднице отрезали, сюда, в ухо, пришили. Через две недели опять на фронт. Снова, говорят, лёгкое, ничего тебе не положено. А тяжёлое у них, это если ногу или руку оторвёт... Такая вот у нас армия.

– Вы мне напоминаете, как его, путешественника, он на лодке весь мир обошёл? Борода у него такая. Да, точно, Конюхов! Приеду домой, расскажу – с Конюховым ехал.

– А ещё заключённые. Теперь ведь, как совершил преступление, сразу спрашивают – тебя под следствие, или воевать пойдёшь? А война всё равно ведь когда-нибудь закончится. И вот после победы вернутся они все. Судимости нет, пришли после боёв, они же ни с кем считаться не будут. Говорят, сейчас уже возвращаются, вот, девчонок обижают. В армии тоже пытались себя поставить, да я такому сразу показываю, кто он и кто я.

– Приеду домой, разводиться буду. Я уже всё решил. У меня жена уже вторая. Мне говорят все – гуляет она с тем-то и с тем-то. Я звоню, говорю, ну, показывай шкаф, где там сосед сидит. Она правда идёт в другую комнату, открывает шкаф...

Ты что, думала, я серьёзно? – спрашиваю. Она тоже смеётся. Но всё равно, кто-то есть у неё. И то, конечно, она меня два года уже почти не видела. Два раза по две недели в год, разве это жизнь для неё? А сколько таких женщин по всей России? И ладно ещё, вернётся муж. А если вместо мужа письмо и медаль «За отвагу»? Зачем ей эта железка, ей муж нужен. А сыну что скажет? Ну, наверное, скажет, что вот, воевал папа, был героем, хотя, конечно, то-сё... Нет, никаких «то-сё». Воевал, герой, скажет. Так и про меня скажут, наверное... Должны сказать.

– Надеюсь, нас никто тут не записывает. Я вам такого про армию наговорил, ещё и с матом... Вот она такая, наша армия... Ну, давайте на посошок. Чтобы у нас с вами всё было, и нам за это ничего не было!

В УЧИТЕЛЬСКОЙ

— Я вас сегодня собрала по очень важному вопросу. Бывший ученик нашей школы — герой СВО. Посмертно герой. Погиб там... ну, понимаете, где. Николай Сергеев.

Директриса шумно выдохнула.

— Нужно памятное мероприятие организовать.

— Марья Степановна, какие мероприятия, сегодня двадцать третье мая. Завтра последний звонок.

Это усталый голос Марины Павловны, «англичанки». Вера Борисовна хорошо к ней относится, они часто пьют чай вместе.

— Марина Павловна, я вас не понимаю, — снова директриса. — Наш бывший ученик — герой СВО. Вы предлагаете это просто проигнорировать? И что — последний звонок? В такое время разве уместно веселиться целый день? С утра нужно будет провести классный час, а дальше уж на ваше усмотрение.

Вера Борисовна помнила этого Сергеева. Парень из неблагополучной семьи, конченный садист, как сейчас говорят — отбитый. Называл охранника Мирзоева, тихого пенсионера, чуркой и хачом. Как-то повесил за школой кота, которого Мирзоев подкармливал, и гвоздем (господи!) прибил к мертвому (или еще живому?) животному записку: «Сдохнешь так же». Случай с котом обсуждали пару недель, но потом замяли: школе не хотелось пятен на репутации. Сергеев же активно продолжал: дрался с другими учениками, напивался на дискотеках, хамил учителям, крал. Некоторые родители забрали из школы детей. Руководство решило просто дожидаться, когда Сергеев уйдет — после девятого класса. Так и случилось, но перед уходом он сильно избил одноклассника, тот какое-то время не мог ходить. Младший брат этого парня как раз в этом году выпускается. Школа опять замяла скандал, надавив на мать избитого, скромную одинокую женщину, до ночи пропадавшую на работе. Через год Сергеев ожидаемо сел, но довольно быстро освободился.

Разговор продолжался.

— Что я хорошего про него расскажу? — возмущалась учительница географии.

— Он же садист, помните это, с котом? И как мы потом нашего Рашида Фейрузовича откачивали? Националист... Сейчас такое не приветствуется, разве нет?

— Он испустил свои злодеяния кровью! — почти взвизгнул историк. — Не хотите проводить урок — что ж, будем знать. Проведем без вас. И добавил себе под нос: «Невелика потеря».

— Интересно, у него семья осталась, выплаты получить? Повезло кому-то, — зашептали за спиной Веры Борисовны молодые учительницы химии и русского.

Историк бросил в их сторону испепеляющий взгляд.

Разговор продолжается, но Вера Борисовна не следит: в помещении душно, ее начинает мутить, она ждет, когда же собрание закончится, но оно все не кончается, и вот встать и выйти уже нет сил, в глазах темно. Как будто ненадолго выключили свет, и вот она в медкабинете, пахнет корвалолом, медсестры давно нет, за нее Марина Павловна: выпейте, полегчает, это вы перетрудились, вам завтра нужно дома отлежаться...

Внезапно освобожденная от завтрашнего классного часа (или что они там решили? Вера Борисовна толком не помнит), она садится в автобус и едет по майскому дню домой. Ехать минут двадцать. Расстояние небольшое, но автобус петляет по всему району, да еще почти всегда пробки.

«Вот я и старуха, — думает она. — Пятьдесят два года. Несколько лет уже эти обмороки. Мать говорила: Вера, ты угасаешь как женщина!»

Мать умерла полтора года назад, но ее голос продолжает жить в голове. Сколько Вера Борисовна себя помнит, никого не было важнее матери, у неё по каждому вопросу имелось мнение, она всегда знала, как надо. Нет смысла пытаться не подчиниться, что-то доказать или что-то скрыть, все всегда складывалось так, как хотела мать. Чтобы перестать зависеть от нее, нужно было для начала переехать, то есть, снять квартиру или комнату — или найти кого-то с квартирой или комнатой. Но на переезд не было денег, а редкие мужчины, пообщавшись с матерью Веры Борисовны, вскоре уходили в никуда. А главное — не было силы воли. Вере Борисовне казалось: с матерью обязательно что-то случится, и если ее не окажется рядом, значит, виновата будет

она. Поэтому, как бы она ни злилась, уехать она не могла. .

«Все-таки единственный родной человек, - говорила она себе. — Как же я могу просто уйти в никуда? Ведь она же одна останется! А потом и я...»

Полтора года назад Вера Борисовна и вправду осталась одна. У матери оторвался тромб. Запутавшись в собственных чувствах, Вера Борисовна позвонила своей давней подруге Елене, которая после начала войны уехала с мужем и детьми в Сербию. Покойная мать не любила Елену. Но какое теперь это имело значение?

— Ты теперь свободна, — со свойственной ей прямоотой сказала подруга. — Приезжай к нам, Мишка устроился риэлтором, а я работаю в кофейне и на психолога учусь на курсах. Для тебя тоже что-нибудь найдем.

— Что значит «свободна»? У меня вообще-то мать умерла...

А через мгновение Вера Борисовна поняла, что ведь действительно — она свободна, ей больше не надо оправдываться и доказывать, что она правильно живет. Какая-то цепь разорвалась, ее больше ничего не держит. Стало одновременно и стыдно, и страшно, и где-то очень в глубине души — радостно.

Минут пятнадцать автобус еле полз — пробка. Веру Борисовну снова стало мутить, она вышла на ближайшей остановке и решила дойти до дома пешком. Что ж, если в школу завтра не надо, то и торопиться некуда. Ее мысли снова переключились на Сергеева.

Работал он, кажется, на шиномонтаже совсем недалеко от ее дома. Вроде бы говорили, что у него неплохие руки. Говорят, сейчас рабочие профессии в цене. Значит, Сергеев мог неплохо зарабатывать, ну, так, чтобы на жизнь хватало. Тогда зачем же, как же?..

Вера Борисовна и сама не поняла, как оказалась у шиномонтажа.

— Земля стекловатой! — сказал чернявый, жилистый парень и захохотал.

— Ты что говоришь-то, — одернул того мужчина постарше, с проседью. Но никакого сожаления не выразил.

— Мне он тоже не очень нравился, — сказала Вера Борисовна. — Я учительница, помню его, с ним были одни проблемы. Просто хотела узнать, вдруг...

Договорить не смогла, потому что и сама не понимала, — а что вдруг? Что она хотела услышать? Что он исправился? Стал хорошим работником и порядочным семьянином? Не хотел идти на войну, но его обманули или заставили?

— Так вам он зачем? — спросил мужчина с проседью.

— Да так... Он же мой бывший ученик. Хотела узнать, вдруг что-то нужно его семье?

— От него там одна девчонка залетела, Юлей зовут. Ребенку уже лет пять. Я почему знаю — рассказывал, что сына как-то вычурно она назвала, по-библейски, Марк, что ли... Или Матвей... Девчонка от него держалась подальше, он же как напьется, руки распускает, даже с клиентом как-то подрался... Вон в том доме живет она.

На следующий день Вера Борисовна уехала на дачу. В учительскую группу в вацапе сыпались фото и видео с последнего звонка. Директриса ожидаемо разразилась речью о Сергееве и завершила ее словами «нам нужно брать с таких людей пример». Мужской голос из зала крикнул — котов вешать, что ли? Или девочек бить? Кто-то возмущенно обернулся, кто-то засмеялся.

Потом эстафету взял историк и завел шарманку про «сложный исторический путь России». Из зала явственно послышалось мужское «бля-я-я-я...» — всё тем же голосом. Вера Борисовна узнала обладателя голоса: он давно жил за границей, на собраниях появлялся крайне редко, но деньги на школьные нужды сдавал регулярно.

«Такому ничего не будет», — подумала она. И тут же одернула себя: а что, что-то должно быть? За что?

Выпускники же в основном безучастно сидели в телефонах.

«Интересно, у них останется в головах все это?», — спросила себя Вера Борисовна.

Вера Борисовна гуляла по дачному поселку. Конец мая, но большинство дач пока пустовало. Она вспоминала свое детство, как она, тогда еще юркая, легкая, лазила с мальчишками по таким вот пустующим дачам. Они воображали, что там спрятан клад или живут привидения...

Знать бы, где сейчас те мальчишки. Одно хорошо — не там, не на войне (про себя Вера Борисовна называла войну войной, это был ее маленький внутренний протест против полностью подчинившейся официозу матери). Они уже старые. А вот их сыновья — может быть. Возможно, даже с их согласия.

Вера Борисовна не то что бы очень любила детей. Но в конце сентября 2022 года пережила шок, увидев несколько роликов с матерями, безучастно, а то и вроде бы будто радостно провожавших сыновей на войну.

«Как можно так безразлично относиться к своим детям? — думала она. — Зачем тогда рожали?» Поделилась этими мыслями с матерью и испытала еще один шок, услышав: долг перед государством... что скажут люди... государству виднее, как надо, какие у тебя основания ему не верить, ты что, самая умная?

«Да иди ты к черту со своим долгом, дура!» — рассердилась она тогда.

И мать тут же обмякла, съезжилась, не ожидая от вечно покорной дочери внезапного гнева.

Вернувшись на участок, Вера Борисовна прошлась по газону косилкой и подумала — здорово было бы играть здесь в мяч. Ей, конечно, уже не пристало, а вот, например, ребенку...

Всю дорогу в город в голове крутилось: он не виноват, сын за отца не отвечает, вдруг им нужна помощь, это его шанс вырасти нормальным, не садистом, не идти на очередную войну. Вдруг его мать нормальная и все понимает?

Снимать дачу сейчас дорого, а в городе летом душно. Юлия сможет отдохнуть от сына, он побудет с Верой Борисовной, она же биолог, с ней ребенок не заскучает. До города ехать меньше часа, так что добираться будет легко. Складывался целый план спасения одной маленькой семьи от агрессивного мира. Осталось найти Юлю (наверняка бабки, сидящие летом у единственного подъезда, ее знают) и предложить ей переехать на лето на дачу. Она, конечно, очень удивится, и может быть даже подумает, что это какой-то розыгрыш, а то и мошенничество, но ведь Вера Борисовна солидный человек, учитель отца ее ребенка.

— А вон она на детской площадке курит. В синем.

В висках у Веры Борисовны застучало. Она давно обдумала, что скажет, как ответит на настороженность, недоумение, страх. Но сейчас все вылетело из головы.

— Простите! — сказала она, подходя к девушке в синей футболке. — Вы Юля? А это ваш сын?

— Да, а что вы хотели?

— У меня пустует дача недалеко от Москвы, можете там с сыном летом пожить, бесплатно. Я Вера Борисовна, знакомая Николая Сергеева... Его учитель биологии. Хочу вам помочь.

— Матвей, нам пора! — сказала девушка, сгребла сына в охапку и быстро пошла с площадки.

— Я не причиню вам вреда, я вас спасти хочу. Ребенок за отца не отвечает! — Вера Борисовна не отставала.

Девушка молчала.

— Он должен вырасти свободным! — почти крикнула Вера Борисовна.

— Уже освободили, — ответила Юля, резко остановившись. — Меня такие, как его отец, уже освободили — от дома на родине, от обоих родителей, от младшего брата. Можно мы уже без вас проживем?!

Вера Борисовна застыла. Постояла, подышала.

— Вы этой истории не верьте, — неожиданно появившаяся соседка шипела прямо в ухо. — Там вообще непонятно, чья это ракета была, наверняка сами же все и организовали, только бы на нас свалить. Дерзкая какая. Я вообще смотрю на это и понимаю, что я не против, чтобы...

— Да заткнитесь уже! — оборвала ее Вера Борисовна. — Вы хоть понимаете, что вы говорите?

— Как жаль, что вы не в мать пошли! Интеллигентная была женщина, не то что...

— Не то что? — завелась Вера Борисовна. — Да горите вы в аду вместе с ней! В соседних котлах!

Дома, переведя дух, она позвонила Елене. Та сразу же взяла трубку, фоном слышалась быстрая речь сразу на нескольких языках.

— Лена, тебе удобно сейчас говорить? Очень надо. Ты мне скажи, что это за курсы, на которых ты на психолога учишься?

The phylogenetic roots of human lethal violence

Текст публикуется в авторской редакции

сейчас кто то придет. у них нет выбора. как сильно затекли мои ноги и болит где то в районе груди, тяжело дышать, тяжело думать. или это сердце болит. души то не бывает, душа не болит. в духовной семинарии на уроках анатомии говорили что души не бывает. сейчас кто то придет, охрана, берия. почему они не идут? они же знают что пожалеют если не придут. а если я умру? нет, такой хороший вождь как я не может умереть так вот бесславно. такой хороший вождь как я не может умереть так вот бесславно как умер ленин. хочется в туалет. такой хороший вождь как я не может умереть. ленин не умер. он просто спит в мавзолее. кто сегодня здесь режиссер? опять эйзенштейн? я отменяю свою смерть, сотрите смерть из сценария. почему с закрытыми глазами все вокруг кажется красным? почему они не приходят сюда? они же знают что пожалеют если я умру. а если они пришли и смотрят на меня, а мне охота в туалет? что делать, как понять? чувствую себя обездвиженным исусом. а если меня отравили? но кто, если все мертвы? а если я умру? где мой врач? нет, такой хороший вождь как я не может умереть. хоть бы меня не положили возле ленина в мавзолей. ленин похож на еврея и совсем не похож на грузина. своей мимикой и усами ленин чем то похож на гитлера. это я убил гитлера руками гитлера. неужто после этого кто то убьет и меня? ничего не слышно, где охрана? почему я не слышу ничьих шагов? все красное. все тихое. ненавижу тишину. люблю демонстрации и парады. неужто меня переживет черчилль? неужто меня переживут власик или берия? нет, власику не удалось, я совсем забыл об этом... как мне плохо... это все из за берии, он похож на еврея. иногда мне кажется что все кроме меня евреи. как отличить русского от еврея? как отличить русского от белоруса? лишь грузина всегда легко отличить среди толпы. поговаривают что гитлер был евреем. но никто не посмеет назвать евреем сталина. меня можно называть лишь вождем. моя мама плохо разбиралась в политике, она никогда не знала что такое генеральный секретарь, поэтому я ей говорил что я царь. это она

отправила меня учиться на священника когда я был юн. она отправила меня к этим евреям. безумная женщина. она всегда видела во мне сына а в себе деву марию. она не понимала что я есть бог. русские всегда понимали что я бог. представители других национальностей этого не понимали. некоторые люди считали и вовсе что иосиф это мое настоящее имя а сталин это моя настоящая фамилия. иосиф сталин, грузин, бог русских. забавно. а еврей гитлер был богом немцев. интересно, знал ли гитлер что такое освенцим, или это все будут выдумки безумного режиссера сокурова? почему ж он не снимет про меня фильм? кино это самое важное из искусств. потому что кино это выдуманная реальность, а ленин понимал что народ безграмотен. хоть крестьяне и научились читать, но крестьяне научились читать то что выгодно партии. никто не придет, наверное: ни власик, ни берия, ни хрущев, ни ангел смерти. берия это такая же воображаемая кукла как и ангел смерти. неужто теперь эта кукла хочет занять мое место? интересно, а я уже умер или еще нет? боль проходит. красный цвет перед глазами рассеивается и я не вижу теперь ничего. где врачи? я чувствую как умираю. либо я просто превращаюсь в меланхолика, как гитлер. трус, он убил себя. я бы убить себя не осмелился. хотя император японии поступил еще более мерзко. на что способен человек чтоб сохранить власть? с чем можно расстаться чтоб не расстаться с властью? нет! если я сейчас умру, то все навсегда запомнят меня стариком, умершем в луже мочи на полу. лучше бы меня застрелил берия. я не хочу в мавзолей, ведь мне придется делить мавзолей с лениным. я вижу облака. одно облако похоже на лицо сергея кирова. я ничего не вижу. я вижу как орджоникидзе здороваётся со мной и приглашает к столу. каким образом он умер? ничего не помню. где маленков? где мой сын: он вообще придет ко мне когда то, хотя бы на похороны? хорошо что у нас власть не передается от отца к сыну. нужно открыть глаза. глаза ничего не видят а уши ничего не слышат. ничего не хочется видеть и слышать. боль проходит. у меня больше нет мяса на моих костях. я не чувствую даже своих костей. такое чувство что собаки съели все мое тело а мухи... ненавижу мух: мухи похожи на евреев. гитлер был евреем и теперь он умер. у гитлера были усы. гитлер был тараканом и теперь он умер. кем был я? я уже умер? я в аду? ада не существует, а рай это стены кремля. боги не умирают. где хрусталев? где троцкий? где царь николай? николай не в счет, он не был богом

и поэтому умер. почему над моим телом не плачут берия и власик? почему над моим телом не плачут энгельс и маркс? почему над моим телом не плачут исус и дьявол? смерть это удел стариков. старость это вещь которую больше всего хочется убить. старение убивает жесткость, лидерство, а старики всегда превращаются в гнилые яблоки. гнить нельзя, нельзя валяться на земле, чтоб по тебе топтались садовники. садовников не бывает, садовники это выдуманные люди. все люди это выдуманные животные. человек: это лишь выдуманное слово для описания высокоинтеллектуального животного. яблоки должны быть золотыми, чтоб никто не мог скушать ни кусочка яблока. всем нужны яблоки, но яблоки ничьи. я не могу умереть хоть и время идет вперед. время идет вперед? средняя калорийность суточной диеты сельскохозяйственного работника на сегодняшний день на 17% ниже уровня 1928 года. если я умру то кому будут интересны мои книги и статьи? хорошо что никто не увидит мои стихи. запретить оружие и незащищенный секс на всей планете. расстрелять автомат калашникова. расстрелять пули. расстрелять детей которые вырастут и будут воевать. расстрелять войны на всех континентах. мы расстреляли берлин в 1941 и 1944, мы задушили удавку насилия. убивать гитлеров в зародыше. это таракан гитлер ворует на советских кухнях хлеб. о чем я говорил? нужно немного поспать а то мысли путаются. надеюсь никто не узнает что сталин когда то спит, я никогда не сплю. я никогда не усну, я всегда буду рядом. надеюсь врачи не узнают что я так много пью алкоголя, а то мне придется их отчитать за наглость. нужно прятать бутылки с алкоголем не в кабинете, а в соседних помещениях. например в библиотеке, на полке посвященной мировой истории. не люблю врачей, среди врачей много евреев. грузин не может быть врачом и запретить вино, так же как капиталист не может быть вождем. потому что вотчина вождя это вся страна, а вотчина капиталиста это лишь мясо. а все мясо съедят члены коммунистической партии и центрального комитета. а интеллигенции ничего мы не дадим, мы лишь будем пить кислое молоко интеллигенции, а затем окончательно всё съедим до последнего хрящика. максим горький это говно. даже михалков не мог написать нормальный гимн без моей редактуры. мы окончательно всё съедим до последнего хрящика. я всё доем. к счастью у меня по прежнему есть зубы. сталин это зубы, это кровь, это тело, это голова каждого ныне живущего. а остальные не выживут, ведь мир

слишком жесток и сложен. ведь даже бактерии и микробы хотят жить и есть. жить и есть любой ценой. всем нужна еда. никто никому не нужен. сталин нужен всем. в каждом из ныне живущих в сердце, голове, печени, селезенке, заднице живет сталин. никто никому не нужен. мы нужны лишь земляным червякам. каждый рождается и умирает в одиночестве, кроме сиамских близнецов. каждый одинок словно кокон и каждый несчастен в поисках любви. каждый раздваивается в стремлении победить свое одиночество. каждый верит что кому то до него есть дело, хотя бы выдуманному богу. каждый голоден в поисках другого человека. голод это камень в форме которого мы умираем и рождаемся, камень в форме которого мы плаваем словно рыбы в материнском животе. все мы это рыбы. рыб никто не спрашивает ни о чем. рыба это начало. голод это начало. вот и чайки или коршуны кружатся в комнате, хотят скушать мое тело. возможно мавзолей это все таки не такая уж плохая идея. я думаю что патриарх это одобрит. я думаю что бог это одобрит. гитлер считал что бога нет и умер, ленин считал что бога нет и умер, император николай считал что бог есть и умер смертью более страшной чем ленин. ленин не гриб. наполеон не торт. такого великого полководца нельзя скушать во время обеда. я не думаю что мертвый ленин вырастет в лесу, ленин слишком обмяк, ленина скушали. троцкий смеется над лениным. троцкого скушали тоже. я не думаю что умру: я просто немного посплю а затем вновь проснусь. не люблю сны. потому что сны невообразимы. однако невообразимое это лишь отпечаток материального. холокост, преследования космополитов и евреев после холокоста: это невообразимо и это реально. гадкая чайка кусает мой лоб и трогает мои веки на глазах. никто не знает как вести себя с чайками. нужно будет издать указ об истреблении этих птиц. приказываю разрушить гнезда как в советском союзе прежде разрушали немецкие кладбища в 1943 году. огород на месте кладбищ. цветы вместо солдат. приказываю разрушить гнезда как в советском союзе прежде разрушали русские кладбища в 1920 году. восстановим сельскохозяйственный потенциал республики! все хотят кушать. никто не хочет умирать. даже ева браун не хотела умирать. приказываю рушить гнезда и общипывать крылья. приказываю в здании бывшей церкви расположить тюремно-психиатрическое отделение бутырской тюрьмы. приказываю на территории черепа расположить тюремно-психиатрическое отделение

бутырской тюрьмы. приказываю на территории ссср расположить тюремно-психиатрическое отделение бутырской тюрьмы. сталин это единственный разрешенный опиум для народа. сталин это единственный любимый мужчина для каждой нормальной женщины. сперма сталина единственная и обязательная. равным сталину может быть только сталин. сталин может общаться лишь со сталиным. построим сталина в отдельно взятой стране. нужно больше сталиных. в каждый дом минимум по одному сталину. бог в каждый дом. бог из машины. индустриализация. планирование. сельское население. кто главнее: бог или священник? что важнее: оружие или полигон? что сложнее: война или шахматы? красные победили: «Игра в шахматы: Ленин с Гитлером — Вена 1909». война это опиум для детей. никто больше не умрет и никто не воскреснет. никто не будет есть и никто не будет съеден. никто не придет потому пол подо мною жидкий. воздушный вождь в тяжелом потухшем свете одинокого кабинета. ни марша ни песни ни трибун ни речей ни цветов: тишина. тишина словно все засыпают после долгого празднования первая. тишина словно все засыпают после долгого рабочего дня. тишина словно все засыпают. где спит мой отец? кровать это слюна, а трава это материнское лоно. что я знаю о своем отце? что знают обо мне мои дети? никто ничего не знает. никто никому не нужен. все дураки. где мои сапоги? почему мои ноги мерзнут? я не могу пошевелить пальцами. я даже не могу посчитать свои пальцы на ногах в собственном воображении. мне нужно одеяло. моя покойная жена всегда укрывала мне ноги одеялом по ночам. все убегают. все предатели. даже мои сапоги убежали от меня. даже трупы моих родителей убежали от меня под землю. есть что то рабское во взаимоотношениях детей и родителей. смерть в данном случае это лучшая альтернатива, естественная одинокая свобода. нельзя быть рабом. рабы больны и не способны на восстание. но рабы тоже хотят кушать. к тому же как известно рабам труд это лучший доктор. arbeit macht frei. каждому свое: кому то быть вождем а кому то сапожником, кто то лежит в кровати а кто то лежит стопками словно дрова на растопку коммунизма. дымок, чайки, небесный мифический бог, не способный доказать собственное присутствие. даже усатый таракан гитлер больше похож на бога чем еврейский исус. наверное нужно было мне сбрить свои усы. быть побритым. быть свободным как голый жеребенок на пушистом пастбище. невероятным кажется что каждого

рано или поздно съедят. прочь проклятые чайки: я еще не умер. я не чувствую ног, надеюсь мои ноги никто не съел. что я слышу: неужели приближается птичий царь? ах нет: это опять проклятый троцкий замышляет что то против меня. троцкий всегда был против. троцкий не птичий царь. царь здесь только один. сталин это царь. сталин это папа. сталин это мама. сталин это няня. спасибо товарищу сталину за счастливое детство. приказываю: быть счастливыми. приказываю: взимать плату в размере 300 рублей в год за обучение в 8, 9 и 10 классах школы. приказываю: найти и расстрелять виновных в крахе доступности советского образования для широких масс. приказываю найти птичьего царя: у меня к нему много вопросов. приказываю: забыть все что было. приказываю: помнить. помнить поля усеянные хрустящими костями и закатные грозы над молочными берегами чужуной ночи. приказываю: пить грузинское вино и петь кавказские песни. приказываю: пить грузинское вино поднимая тосты за русский народ. приказываю: поднимать тосты за русский народ и их русского царя иосифа. приказываю: ни шагу назад, держать путь на землю обетованную. пусть заблестят огонь и золото. пусть взойдет золотой телец. пусть будет золото словно яблоко. пусть восходит золотой телец над головами людей. и кости мои заменят луну и звезды. и кроме меня нет больше царя. и кроме меня нет больше отца. и кроме меня нет больше бога. и кроме меня нет больше конечностей. я не чувствую собственных ног, онемели ноги. сейчас кто то зайдет в комнату. бесконечный змей? птичий царь? верный пес молодой беатриче? угрюмый лаврентий берия? Темоһраб по имени Варһоmet? реальности не существует: есть лишь комната и мои закрытые глаза подчиненные фантазиям. есть лишь звезды на ночном небе и на красном стяге. есть лишь кровь рабочих и жажда умирающих на производстве. есть лишь выплаканное золото и алхимия неизвестности. ничего нету. все последовательно в том что ничего нету. искусство, еда, одежда, государства: ничего нету. есть лишь желудок прожорливой интеллигенции (как известно интеллигенция это говно) и голодные глаза рабочих. ленин считал что интеллигенцию можно утопить в плевках времени, посадить на пароход и отправить в америку. мы превратим америку в ядерный пепел! ленин считал что рабочие достигшие апогея никчемности и голода сами по себе восстанут против угнетателей. как показывает мировая история данная теория была лишь заблуждением.

как говорил путин людям нужен царь, советские люди не способны писать историю для себя самих, зато они с радостью пишут историю для своих повелителей. но и здесь кроется ошибочное суждение: истории не существует, ведь я могу ее сочинить, переписать и даже стереть. жизни не существует: я могу повернуть с любой жизнью точно такие же манипуляции как и с историей. всё вокруг ожидает кожаного ремня и плётки. плётка способна стереть что угодно. плётка царя это угнетение, а плётка сталина это манна небесная. получается что вкус боли и запах плётки зависит от рук ее владельца. шаг влево шаг вправо расстрел. мир круглый: идешь налево и попадаешь радикально направо, идешь направо и попадаешь глубоко налево. мир плоский: ты падаешь, стоя на углу пропасти. направо абсолютная монархия налево коммунизм. а где то в непонятном месте в невыясненном положении болтается слева направо и справа налево гитлер с социал демократической партией на шее. жаль что гитлер решил разрушить наши отношения. советский союз был готов скушать гитлера и его германию в последнюю очередь. мы превратим германию в ядерный пепел! мы превратим мир в ядерный пепел! наша страна нигде не заканчивается. наша страна нигде не начинается. даже у меня нет имени. у меня много имен. у меня нет имени. у меня нет места. у меня нет времени. я вне времени. сталин это беломорканал в котором всё утонет как в сказочном ручье из сахара. всем диабетикам по сахарной вате! каждому по потребностям! зачем нужен мир если в нем нету сталина? зачем нужен мир если в нем нету ссср? зачем нужен мир если в нем нету россии? зачем нужен мир если в нем нету третьего рейха? зачем нужен мир если в нем нету разбомбленных нагасаки и хиросимы? зачем нужен мир если в нем нету разбомбленной каховской гидроэлектростанции? всё это гидро. всё это гидра. сталин умирает. но сталин жил, сталин жив, сталин будет жить, от кубы и до корей, от шри ланки и до ямала, сталин жив! глупые режиссеры: они снимают фильмы о смерти сталина не понимая что я до сих пор не умер. я просто устал и лежу отдыхаю. моя нога немного онемела, но такое бывает в моем возрасте. даже у исуса ноги болели и немели прежде чем он умер и воскрес. даже у единорогов иногда болят рога, но единорогов никто не спрашивает. почему? потому что единорогов не существует. даже сталина не существует: я лишь исполнитель воли народа, я лишь воздух надежд угнетенных, я лишь вымышленный супергерой для всех

обиженных друг другом либо судьбой, я лишь маятник который качают руки миллионов несчастных, я лишь часы судного дня не способные отсчитывать время для наступления будущего. а кто ты? ты человек? ты такой же сталин как и я, просто меньше меня раз в сто. ты переходишь дорогу на красный свет и восхищаешься мной, ведь я могу просто разрушить светофор, если не захочу дожидаться зеленого сигнала. ты восхищаешься моим могуществом и поэтому смиренно переходишь дорогу лишь на зеленый сигнал светофора. ноев ковчег оказался титаником. ялтинская конференция оказалась крымским консенсусом а мирная конференция оказалась войной. неужели в одном и том же месте постоянно может происходить одно и то же: например война? войны не бывает, война это просто хирургическая операция на теле. убить человека на войне это просто выдавить прыщик на спине. долгая мучительная операция без хирурга и анестезии. ленин опять гриб. еврей тоже гриб. следовательно ленин еврей, я так и знал. ленин это гриб. еврей это ядовитый гриб. Der Giftpilz. Ja ja, das ist der Giftpilz. да здравствует нация! борьба с космополитами! да здравствует интернационализм! борьба с националистами! ура демократии и свободе! трогательно пела Муму. но свинья не радовалась никогда — потому что тоже была большевичка. окончательное решение украинского вопроса. окончательное решение австрийского вопроса. много вопросов. нет ответов. только ветер в ответ. а в ушах моих ветер утих. в носу немного свербит. в ноге немного торчит игла времени. профиль по прежнему гордый грузинский. грузины всегда были настоящими ариями. нет, это русские являются настоящими ариями. а немцы это просто усатые тараканы. у тараканов есть усы. у советских людей усов не бывает. это советские люди повесили звезды на небе. это советские люди повесили серп и молот на ночном звездном небе. это советские люди повесили красный цвет на небе. небо это собственность советской страны. неба больше нет ведь теперь это собственность советской страны. ядерный пепел это собственность советской страны. экспроприация солнца. ожидание патрона. сталин это мальчик который выжил. мальчики не должны выживать, они должны умирать. но сталин это избранный: мальчик который выжил. ты говоришь что выживание и магия немыслимы. холокост немыслим. но холокост это реальность. реальность это отпечаток восприятия. материя есть объективная реальность, данная нам в ощущении. ты говоришь что

выживание и магия немыслимы. ты говоришь что выживание и магия немыслимы. ты говоришь что выживание и магия немыслимы. магия это наука. магия это теория коммунизма. коммунизм это борьба плюс электрификация всей страны. наша борьба. плюс электрификация всей страны. моя борьба. плюс электрификация всей страны. Mein Kampf. плюс электрификация всей страны. березы шумят. мои уши по прежнему живы. ветер в животе это не ответ. дети поешьте немного коры. дети расковыряйте березу и попейте сока. только внутри дерева вместо березового шума и плача: глухое звяканье. и с этого момента я не буду даже пытаться найти ничего хорошего и красивого в мироздании. ни белых и пушистых звезд в ночном небе, ни млечного пути, ничего. я только буду смотреть на цветок и вспоминать детскую мысль про то что жизнь и смерть это рождение и увядание одного и того же цветка. я только буду смотреть на цветок и вспоминать детскую мысль про то что цветку тоже может быть иногда больно. цветок тоже могут бить. цветок тоже может быть отцом сапожником избивающим свою семью. мама почему ты в детстве меня била так часто? детства нет. мамы нет. цветков нет. есть бормотание ветра в ушах. есть бормотание. есть смирение. нету смирения. сталин это сталь. это человек который не хочет жить в смирении словно монах. это протест. это чума которая одновременно является любовью. даже болезнь может быть объектом восхищения. восхищаться красотой ядерного взрыва это протест. гордиться тем что тебе есть чем гордиться это протест. но может ли в глубине бунта таиться смирение? революция это согласие. что такое восстание и согласие спросил я однажды у нейросети. ВОЙНА это не восстание а отсутствие восстания, или по-другому: на ВОЙНЕ сходятся те кто от нее бежит: так мне ответила нейросеть. я ничего не понял. я не доверяю автоматизации. нейросеть не умеет создавать трудовые лагеря но скоро научится этому. нейросеть не умеет крушить трудовые лагеря но скоро научится этому. опыт тишины фатален для нейросети. нейросеть это ребенок напичканный школьными учебниками. а ребенок напичканный знаниями это паяльная лампа. учиться учиться и еще раз учиться! пороть горячку бесконечно размышляя как заполнить пустоту. учиться учиться и еще раз учиться! даже я должен учиться. я должен научиться быть настоящим сталиным: однажды меня приняли за двойника и грубо со мной обходились. «Весь мир – театр, а люди в нем – актёры». «Вся жизнь – театр, а люди все –

актёры». «Озимандия, я — мощный царь царей! Взгляните на мои великие деянья, владыки всех времён, всех стран и всех морей!». «Моей державе в мире места мало». «Я роняю запад ууууу, я роняю запад ааааа». ВОЙНА это не восстание а отсутствие восстания. восстать против войны это значит убить войну. подорвать ядерную бомбу которой так гордилось правительство это значит убить войну. отказаться воевать это значит убить войну. отказаться жить это значит убить войну. отказаться от своей борьбы это значит убить войну. отказаться от своих убеждений и борьбы за свои убеждения это значит убить войну. но что такое война? почему в батальоне противника в первых боях теряют семь процентов личного состава, а у нас при атаке этого батальона через полчаса после начала наступления остается лежать весь личный состав? что такое война? мне кажется что это огромная комната, а телевизор это место где война происходит. мне кажется что это оскорбление своего нравственного чувства. что такое война? это когда люди делают вид что хотят умирать. это когда люди выживают за счет уничтожения себе подобных. ну и хуй с ними, они же не со зла. что такое зло? это бессмысленное падение и цепляние за грязные, режущие брюхо деревянные ящики добра. и никто не знает что такое смерть: деревянная коробка с сюрпризом. что такое смерть? актёры умирают ежедневно во время спектакля. если умер зритель, то умер и театр. я также полагаю, что театр умирает, когда в театральную кассу перестают приходить деньги. у денег есть ноги. деньги это воровство. зарплата это воровство. люди воруют деньги у своего таланта, у скоротечного времени, у своих чувств, у своих знаний, у своих умений. деньги это воровство. деньги это воровство у самого себя. деньги это воровство: как касательно финансов, так и касательно свободы. умные люди знают что воры не воруют а воруем все мы. мы живем в кредит у природы а она не спрашивает нас ни о чем, она регулярно повышает нам процентную ставку. что хочет природа от нас взамен? о чем говорит молчаливая листва костей? листва смирения под ногами. как это называется? никак это не называется. никто этого не знает. никто не называет. никто не зовет. у меня тоже нет имени. никто. зачем? а незачем. нос свербит конечности немеют и не спасает даже водка. подсунули паль вместо водки. нету больше сил терпеть паль вместо водки. что такое водка? это как кокс только легальный. в украине называется горилка. но украины нет. такой страны не бывает.

ее придумал ленин. горилки нет. пьянству бой, это удел капиталистов. повысить цены на водку. направлять доходы на индустриализацию. индустриализировать каждый туалет в каждой деревне. советские люди не терпят в говна и не ходят в туалеты. не говорить о туалетах, не говорить о говне: потому что, потому что у нас говна нет, у нас лишь высококачественные вещи. молчание это отсутствие. тишина это согласие. онемение это смирение. нет разговоров о говне: нет проблем. нет туалета: нет проблем. в каждую семью по космонавту в телевизор и по рулону туалетной бумаги. в крайнем случае по газете правда. бумага это всегда правда. бумага это гордое терпенье деревьев превращенных в объект для подтирания задницы. незавидна судьба деревьев: сегодня ты кормишь людей своими плодами а завтра тебя спилят и превратят в туалетную бумагу. нужно больше деревьев, нужно больше туалетной бумаги, нужно больше еды, нужно больше сериалов, нужно больше блогов, нужно больше богов, нужно больше жевательных резинок, нужно больше сидушек с подогревом на унитазах, нужно больше говна! коричневые. красные. разноцветные люди. черные. белые. азиаты. разноцветные люди. геи. гетеросексуалы. квиры. разноцветные люди. почему люди в стремлении самости выбирают себе сочиненный свыше цвет? почему люди не собирают вместо этого цветы? что говорят об этом менты? даже желудки бомбоубежищ ищут слезливый ответ. непередаваемое чувство дома которого больше нет. диски времени разрезанные в небесных лужах наслаиваются. времени нет: есть лишь вода в которой мы карабкаемся в попытках выплыть в будущее а не в утопление. но каждый ковчег вновь титаник. но каждая гора арарат это айсберг. каждая пасха это быстроногий песах. и горло молчаливо перерезано шерстяно яблочным лезвием. чьи руки способны держать раскаленное лезвие без рукоятки? о чем говорит металл? время это вода. время это прилив смывающий песочные замки. время это засуха на месте разбомбленной гидроэлектростанции. время это плевок в неизведанное. это стекание плевка со стены рая в ожидании открытия ворот аж до самой смерти. время это моча без туалета. время это черная дыра в деревенском туалете космоса. время это то что можно смыть и невозможно вымыть. вымыть. выть. мыть. мать. муть. чайка кричит как новорожденный втиснутый в клещи тела. откуда в кабинете чайка? откуда в горле чайка? что такое война? это войка. это волна. это песок. это слово перевертыш которое нельзя говорить.

это что то теплое как детство в кишке соленого от слез шкафа. это старость. ведь умирают лишь старики, да? нет? что такое война, как не стих на две страницы? что такое война, как не золотая медаль или чугунная педаль? что такое война, как не счастье? ведь после смерти все несчастные перестанут быть несчастными? войну всем людям на всех континентах, пусть все будут счастливы! пусть играют марши растут кладбища а люди пусть любят родину смородину уродину с цифрой ноль вместо буквы о. война это солнечность дня победы. даже если все сдохнут то останется победа. и родина. и уж тогда революция победит дорогие товарищи! черная дыра смородины туалета которую нужно защищать и зачищать. отсос у калашникова оргазм от винтовки вот что такое жизнь. повторение. повторение тезисов это жизнь. повторение советских тезисов это жизнь. рисование воображаемой линии горизонта это жизнь. скидки на помидоры у которых вот вот закончится срок годности это жизнь. рисование воображаемой линии горизонта это жизнь. скидки на помидоры у которых вот вот закончится срок годности это жизнь. повторение. повторение это жизнь. разговор об одном и том же это жизнь. научить всему детей это жизнь. не уметь ничего это жизнь. уметь всё но не жить. повторение желтка в белке или мертвой курицы с которой всё началось. повторение. каждый из нас знает лишь одну фразу. каждый из нас знает одну и ту же фразу. каждый из нас борется за свою фразу. каждый из нас обучен своей фразе. каждый из нас обучен своему языку. все языки и фразы на самом деле одинаковые. повтори: демобилизация денацификация девальвация деменция. используй глухие звуки. повторяй. вливайся во всеобщий хор. выливайся. рассыпайся. вставай в очередь за колбасой. вливайся в очередь из людей. выбивайся в люди. не нужно выбиваться в люди. лучше пытаться стать бабочкой. лучше быть плавуче воздушным. как чайка. но где же птицы берут крылья? а что если их оторвать? оторвать крылья от птиц, оторвать птиц от неба? небо от этого не рухнет на голову. будущее от этого не рухнет на голову крышей-крысой. всё течет, всё протекает, всё плесневеет. никто не возвращается. кроме предателей. порт туч. будущее течет в собственное отсутствие. время это краситель для пыли. ты всё знаешь. ты ничего не знаешь.

чайки кричат. пароход отплывает. что такое агония? лучше бы я был священником.

Фигурантка

Текст публикуется в авторской редакции

Нельзя сказать, что Анна не представляла себе, как это случится. Может быть, стук в дверь будет легким и задорным. Как отскакивает от пола картошка, высыпающаяся из мешка. Но скорее это будет похоже на землетрясение, полагала она.

Анна жила до четырнадцати лет в центре Азии, где горы порой движутся. В момент подземного толчка мир не становится громче, но тело безошибочно понимает: сейчас ты можешь умереть. Даже если это двадцатое землетрясение за твою жизнь, и оно всего-то четыре балла, а значит, опять ничего страшного не случится... Все равно, первый импульс всегда — бежать.

Когда они придут, Анне бежать будет некуда. Да она и не собиралась этого делать. Она намерена всё выдержать с достоинством. Ей даже мельком вспомнились сюжеты про пионеров-героев типа Лёни Голикова. Правда, ей сорок четыре года, какой из нее пионер. Значит, она тем более сможет.

— Вы хотели бы, чтобы это быстрее закончилось? Вон как громко этого требовать стали. Видели в телеграм-каналах? — спросила она у Валентины-пикси.

«Пикси» — это тип Валентиновой стрижки. Она их так и записывала: Валентина-пикси, Ирина-каскад, Света-боб.

— Как бы да, — закусила щеки Валентина-пикси. — Но как бы и нет — я не знаю, что он тут будет делать, когда вернется. Нормальной работы у него давно не было. А сейчас — и деньги, и люди его вроде как уважают...

— Но там же опасно, — возразила Анна. — И дома, наверное, вам одной тяжело. У вас же частный дом? Там работы уйма.

— Ну... как бы в целом нормально. Если что ломается, я «мужа на час» вызываю. Обычно что слетает? Газовый котел. За зиму два раза стабильно встает. Это, кстати, потому что Мишка самый дешевый в своё время купил... Но теперь деньги есть — я вызываю мастера,

и все прекрасно. Так что... Последнюю фразу Валентина не договорила. Осеклась.

— Я прекрасно вас понимаю! — успокоила ее Анна. — У меня с мужчинами не складывается. Два раза замужем была, обоих послала куда подальше. Знаете, я даже жалею, что у меня сын, а не дочка. Что из него получится?

А он у нее, что в двенадцать, что в девятнадцать — один и тот же Илюша. Хорошо, что у него отсрочка, пока студент. А если бы его пришлось за границу, чтоб не призвали, отправить? Об этом она думала с ужасом. Он никогда в жизни самостоятельно не застилал себе постель, не платил за коммунальные услуги и даже рубашку погладить не мог: если не получалось, звал маму.

Когда Анне вдруг казалось, что все-таки однажды ее разгадают и непременно заберут, сожаление и тревога укладывали ее в кровать и укутывали с головой. Она думала тогда, что жестоко поступает с сыном: ему девятнадцать, почему он должен лишиться матери? Её-то мама умерла лет восемь назад, не так давно, и она, взрослая, еле это пережила, а тут... Тюрьма вообще-то хуже, чем смерть.

— Мам, у тебя что, депрессия? — спрашивал Илюша, если видел Анну в кровати. — Давай я фалафель схожу куплю, а?

Всё-таки заботливый. Запомнил наконец, что мясо она два года как не ест.

— Вот скажи мне, а если ты останешься жить один, ты что будешь себе готовить? К своему стыду, я тебя даже пельмени варить не научила.

— А с чего это я должен один жить?

— Ну... может, я мужчину себе найду. К нему перееду. Илюша в ответ чесал затылок:

— Мам, ну еда — это не проблема. Я почти до вечера в универе, там столовая, а вечером всегда можно пива попить — оно калорийное! Анна вздыхала: нет, нет, конечно, никто ее не вычислит.

Ирине каскад совершенно не шел: тонкие русые волосы выглядели на концах неаккуратно. «Будто мыши погрызли», — думала про себя Анна. Она предлагала Ирине сменить стрижку, но та говорила:

— Я с 2010 года так стригусь. А вдруг с простым каре, которое вы мне предлагаете, будет только хуже?

И Анна каждые шесть недель выстригала ей одно и то же. Но вот

уже три месяца Ирина-каскад не записывалась к ней. Анна решилась позвонить:

— Ир, а вы что, к другому мастеру теперь ходите?

— Да мне не до того... Не до стрижки мне... Он мне звонит оттуда и ноет, ноет, ноет. Похудел на восемь килограммов, холодно ему все время, кидают не пойми на какие задания. Шесть человек, с которыми он больше всех общался, уже всё... И он мне ноет, ноет. А что я сделать могу? Мне же его оттуда не вытащить.

— Может быть, он сможет добиться хоть отпуска? — робко спросила Анна. А что она еще могла спросить... В прошлом октябре она отправляла Ирине с анонимного аккаунта инструкцию, что можно сделать, чтобы все осталось по-прежнему, но Ирина отправила ее альтер-эго в черный список.

— Да что вы, какое там «добиться»!.. — горько усмехнулась Ирина. — Мне жалко его, все-таки он не виноват, что так не по-людски все устроено, но он меня просто изводит: я не знаю, как помочь. Обращаться куда-то бесполезно, мы это всем чатом уже поняли. Некоторые мужики там совсем уже с ума сошли. Они не были готовы к такому. Один, вы представляете, своей матери в ватсап пишет: хочу «Несквик», мама, пришли мне «Несквик». Мужуку под пятьдесят, а ему «Несквик» подавай, а! Ну куда это годится? Нет, мой-то молодец, еще держится. Но недавно он мне написал: зачем ты меня тудапустила? А мне так обидно стало!

— А вы его не отговаривали, что ли?

Анна боялась услышать: нет, пусть идет, а как иначе. Но, слава богу, Ирина сказала другое:

— Как же не отговаривала, если отговаривала? Я ему говорила: не ходи, просто не ходи, и всё. Работаешь всё равно неофициально, никто не найдет тебя. А он заладил, мол, прятаться — это не по-мужски. Ну, вот и итог.

— Ира, может, вас на каскад на этой неделе записать все-таки?

— А давайте, действительно, всё-таки каре попробуем, а?

«Дорогая Валерия! Это мама Вадима из чата защитников парка Молодежи. Ваша инструкция нам очень помогла. Вадик в Батуми, все хорошо. Вечно буду вам благодарна, дай вам бог здоровья!».

И картинка с голубоглазым мужчиной: он показывает пальцами сердечко.

Анна улыбнулась: она была и Валерией, и Борисом, и Виктором Васильевичем... Пожалуй, в этом списке больше десятка имен. Хорошо, что еще есть места, где можно купить симки без паспорта. Одни она выбрасывает, новые покупает.

Она переслушивает голосовые сообщения, прежде чем выкинуть очередную симку.

«Борис, здравствуйте! Спасибо, что написали. Дела наши не очень... Видно, он уже был в списках, и его не выпустили. Но сейчас он в больнице на обследовании. Один глаз у него полностью не видит. Требуем и будем требовать через суд, чтобы его отправили домой».

«Виктор Васильевич, у нас всё хорошо. Всё сделали четко, как вы нам написали. Мой папа в деревне у своих дальних родственников. Это пошло ему на пользу. Даже пить бросил. У него там все старообрядцы, водки не купишь. Папа говорит, мол, я впервые за 43 года вдохнул полной грудью. А если б, говорит, не Виктор Васильевич, я бы зайцев в лесу ловил на пропитание, в Чечне-то я уже побывал... Подумать страшно, а если бы мы не нашли вашу инструкцию в том маленьком чате!»

На самом деле Анна будто нырнула. Она в толще воды — ей тепло и не страшно: сердце бьется медленно, дышит она по чуть-чуть, слышит их окрики слабо. Думает: хорошо, что Илюша нашел себе девочку и сегодня ночует у нее.

Она едва двигается. Всё-таки в воде тяжело: тело словно удваивается. Они недовольны, продолжают орать — говорят, чтобы она шевелилась быстрее, они тут до вечера сидеть не намерены.

Находят несколько симок, радуются, как дети. Пакуют ее ноутбук, четыре мобильных телефона и компьютер сына.

Они едут мимо цепочек ржавых куцых гаражей, мимо оранжево-черных глянцевых растяжек. Деревья будто сдерживаются распусться: не положено, апрель! Анна думает: а вдруг она всё это больше не увидит? Ну и ладно. Раньше она была уверена, что хоть немного пожалеет, но нет. К тому же она вспоминает вдруг: один телефон они не нашли. Улыбается этой мысли.

Анна спрятала его в железную банку с содой. Сообщение в вотсап прислал контакт, записанный как «Света-боб»: «Здравствуйте! Отмените сегодняшнюю запись. У нас сегодня похороны».

Унтер ден Линден

Отрывок

Публикуется в авторской редакции

От автора:

Рассказ-хроника, 2024 год, Берлин, выборы президента России.

Тысячи россиян собираются у избирательного участка, выстраиваясь в очередь длиной в сотни метров.

Главная героиня — одна из тех, кто пришел отдать свой голос, но застрял в длинной, неподвижной, холодной очереди. Время тянется, люди устают, а очередь не движется.

Все в очереди разные, но с каждым часом ожидания возникает все больше разговоров, конфликтов, кто-то шутит, злится, кто-то тихо выражает отчаяние. Постепенно героиня замечает в этих людях знакомые черты, слышит «русские» голоса — узнает в них типичные образы и из своего прошлого, и из оппозиционного берлинского настоящего.

Эта история — о том, как ожидание и обстоятельства заставляют задуматься о своей роли в российском настоящем. О том, как быть частью общества в этой толпе, если каждый в ней борется за что-то своё.

15:38

290 метров до посольства

Солнце совсем скрылось, и очередь заметно устала. Затекали спины, мерзли ноги. Люди вертелись, вставляли в странные положения и облокачивались на заграждения.

Время от времени на другой стороне улицы курсировал человек, скрытый за плакатом с ярко-зеленым котом и слоганом «Если не Путин, то кот». Проезжали машины, из которых играл гимн России. Еще напротив выхаживала девушка в русском народном платке и с жестяной матрешкой на груди, она махала российским флагом с золотым орлом в середине.

— Чучело, — сказал кто-то.

В основном очередь осталась ею недовольна, но девушка быстро нашла единомышленников.

— У меня вот нет возможности сегодня проголосовать. А вам спасибо, что пришли сделать правильный выбор! — Она говорила так громко, что явно обращалась ко всем, а не только к новым знакомым. Они обнялись, девушка поправила платок и сделала с ними селфи.

Аккуратно одетая женщина вылезла из ее объятий, оглянулась на толпу, подняла сжатую в кулаке руку и тоже обратилась не к собеседнице, а ко всем:

— Конечно, правильный!

Толпа неодобрительно загнула.

— Да что вы орете! Я как историк вам говорю! Советский Союз еще вернется!

Ее спутник прикрыл ее объятием от недовольной толпы и скромно достал из кармана баночку сидра. К девушке с матрешкой подбежал мужчина с флагом Украины и стал прыгать прямо перед ее носом, пока полицейский не попросил его отойти.

Я засомневалась, есть ли смысл стоять дальше. С одной стороны, если я уйду, то останется кто-то другой. Не верилось, что один голос, сто голосов, тысяча голосов смогут что-то поменять. Конечно, не смогут. Россия была абсолютно к нам безразлична.

Но я стояла, переминаясь на затекших ногах. Качалась и ворочала тазом, чтобы как-то пережить скопившуюся в спине боль. Получается, даже если России была безразлична я, она все еще не была безразлична мне.

16:30

160 метров до посольства

На последнем перекрестке Маша помахала знакомой, которая уже успела проголосовать, и мы подтянулись к ней спросить, как все прошло. Я успела к концу разговора и услышала только, что держаться нам нужно вместе, вставать рядом с другими молодыми ребятами, что путинисты будут нас провоцировать и выводить на конфликт.

Я подумала, что это какой-то бред. Но на заметку взяла: лучше никому не отвечать и ни с кем не говорить.

Мы радовались, что наконец-то свернули на знакомую Унтер ден Линден. Обычным шагом оставшееся расстояние можно пройти за пару минут.

— Еще часочек! Ну, может, полтора!

У нас в первый раз проверили паспорта. Ксению не пустили, потому что ее паспорт оказался с истекшим сроком годности, и документ, подтверждающий ожидание нового, ей никак не помог. «Это решение остается на усмотрение комиссии», — читала она. Решение комиссии — значит нет. Она отдала Маше свой шарф и пошла назад, выбираться из заграждений.

Напротив посольства шел концерт незнакомой мне группы, продолжал курсировать человек-плакат с зеленым котом.

17:50

49 метров до посольства

Мы пришли в исток реки из людей, где узкая очередь расширялась и превращалась в озеро. В нем не было никакого течения и направления, все только слегка перемешивались между собой в небольшом свободном пространстве.

Маша сказала, что пойдет домой. Было слишком холодно. Мы распрощались и пообещали, что стоим до конца. Осталось вроде немного. Мы с Леной снова сказали: «Ну, может, еще часок».

Когда диалог затихал, я проваливалась в мысли, которые блуждали везде уже без моего контроля. Что будет через пять лет? А через десять? Что будет, если поехать домой? Куда ехать, если поехать домой?

Когда это все закончится? Закончится?

Я, наверное, так глупо выгляжу. Все люди глупо выглядят, какой смысл в этом великом стоянии? Про нас напишут где-нибудь завтра? Или мы станем мемом про поехавших?

Может, это я глупая?

Что на другой стороне пропаганды?

Когда война началась, отец грубо сказал мне, что нам, проклятым бюргерам, просто промыли мозги. И я до сих пор думаю: а что, если да?

Можно окончить университет, заработать денег, прочитать тысячу книг, говорить на двух языках, на трех. Можно спрашивать людей, можно здороваться за руку с президентом. Можно писать в инстаграм. Можно грустить, переживать, хоронить.

Можно быть смелым и ходить протестовать. Можно быть смелым и не ходить.

Можно все это делать и все равно ничего не понимать.

В первые дни войны я работала волонтером на вокзале, куда на поездах прибывали беженцы. Усталые люди, которые искали туалет и радовались горячему супу, потому что это в сто раз лучше, чем бутерброд.

Я встретила женщину с чемоданами и тремя детьми.

— Куда нам теперь идти?

— Нужно спуститься в центр помощи, на один этаж вниз, направо вдоль «Макдоналдса». Там есть поесть, и предметы гигиены, и помогут билеты купить на следующий поезд, если вам нужно.

Женщина все поняла, но застыла, окруженная чемоданами и детьми.

— Детская комната тоже есть, там поиграть можно. Давайте я вам с чемоданами помогу? — Я надеялась, что это расколдует ее и поможет сдвинуться с места.

— Ой, нет. Возьмите, пожалуйста, лучше ребенка. Сил больше нет. — Она передала мне тяжелого сонного мальчика.

Он разволновался, и я подумала, он заплачет. Но он не стал, свесил грязную ручку мне через шею. Он пах поездом, а не человеком.

Мы дошли все вместе до детской комнаты, и я вернулась встречать следующих.

Я схватилась за это воспоминание и вернулась к толпе, напряженной бездействием, и Лене, стоявшей рядом. Нет, все правильно.

18:30

40 метров до посольства

Я хотела сделать фотографию вывески «Посольство России», но ракурс был не очень. Получилось сфотографировать только головы людей с «сольство России».

Все стояли, прижимая к себе руки в попытке согреться. Кто-то пританцовывал. Терпеливо и растерянно ждали — тысячи чуть теплых и усталых рук, ног и затекших спин. Солнце опустилось за Бранденбургские ворота в начале улицы: его было видно через голенькие стволы деревьев и шапки высоких людей впереди. Я подставила лицо и закрыла глаза, чтобы захватить последнюю теплоту.

Неожиданно толпа оживилась: люди зашелестели и начали вставать на цыпочки, выставляя телефоны вперед, увеличивая картинку на камере, чтобы понять, что происходит.

В первом ряду один голос крикнул: «Юля!», потом второй, третьего уже не было — все вокруг поняли, кто это. Голоса сложились в один,

и имя Юлии пульсировало везде.

— Что они все орут, я не понимаю. Что за Юля? — спросил за моей спиной мужской голос.

— Да кому она вообще нужна? — ответил женский.

Навальная вышла из посольства на улицу, и теперь все слилось в огромное «Россия будет свободной!» Я видела, как кричат все, и мне перестало быть стыдно, мне стало куда неправильнее молчать. И я тоже закричала.

— Вот выборы закончатся, и будет завтра ваша Россия свободной, — мужской голос назидательно объяснял никому и всем.

— Да они просто не знают, что Россия уже свободна, — женский голос.

И они засмеялись.

Я повела носом от отвращения. Мне вспомнились слова «моя Россия сидит в тюрьме»[†], хотя никто из моих знакомых пока еще в ней не сидел. На глаза все равно навернулись слезы.

Я обернулась.

Женщина с черными завитыми кудрями, запакованная в розовую куртку, достала из кармана телефон, подняла его над головой, и заиграл гимн России.

— Знаете, кто поет? Шаман! — И она начала подпевать. — Хорошо как поет, слушайте лучше!

Высокая брюнетка и задержала на ней взгляд. Глубоко вдохнула и зычно крикнула: «Путин — хуйло!»

И сотни голосов думали так же.

Волна покатила по очереди дальше и дальше. Я посмотрела на розовую куртку и подумала: «Получила?», но она продолжила танцевать под гимн и спросила своего мужчину:

— Сколько же их проплатили? Откуда столько денег?

— Да может им по двадцатке дали и хватит.

Сложно было не реагировать на такое, и я прошептала Лене: «У меня очки одни стоят как их зарплата, какая двадцатка», хотя это, конечно, было не совсем так. Они не услышали, диалог продолжался.

— Не стыдно этим детям, интересно?

— Ну, как видишь, не стыдно.

[†]Песня группы Порнофильмы «Это точно пройдет».

— Мерзнешь? Прислоняйся вон к девчонкам поближе.

Я обернулась на эту фразу.

— Не надо к нам прислоняться.

19:36

5 метров до посольства

Рядом со мной девушка прижималась к своей подруге в волосатой шубке.

— Какая привлекательная шуба, — подумала я и поняла, что сказала это вслух. Но никто не обратил на меня внимание, это к лучшему.

Как тепло было бы запустить руки в эту синтетическую шерсть, как приятно было бы погладить ее.

Наш диалог с Леной распался на части. Связные предложения перемежались долгими паузами. Одна мысль, не заканчиваясь, уже сменялась другой. Лена время от времени говорила фразы на немецком, как будто совершенно не замечая.

— Ты совсем замерзла? Хочешь, обнимемся, я пушу тебя в свое пальто. — Я расстегнулась.

— Мне кажется, я тебя там заморожу.

— Да нет, мне не так холодно пока.

Я расстегнулась, Лена обняла меня, и я попробовала закрыть ее своим пальто сверху. Я не почувствовала от нее ни холода, ни тепла. Но скоро Лена стала чуть меньше дрожать.

В толпе не было места для движения, чтобы согреться. Мы все стояли, повернув головы в одну сторону, и смотрели, как люди пропадают в дверях. Может, внутри будет теплее.

Живот ныл. Как можно так хотеть в туалет, если за последние шесть часов я не выпила ни капли воды?

— Уже почти восемь. Мы, наверное, не успеем. Но мы ведь никуда не уйдем? Я все равно хочу достоять. — Я посмотрела на Лену.

— Да, давай. Я тоже никуда не уйду.

Охранник на входе отошел в сторону — пропустить новую группу людей. Толпа сжалась, и когда пошла обратная волна, мужчина спереди ударил меня локтем в грудь.

Я вскрикнула.

Между мной и мужчиной мгновенно оказалась Лена. На нас смотрела стоящая рядом полицейская.

Его лысина развернулась, и я увидела неприятное лицо: «Не хотел, конечно, ну что вы, я же не сильно».

Я не думала, что он не специально, но не стала ругаться. Полицейская отвернулась.

19:56

0 метров до посольства

Мы с Леной стояли совсем рядом, держась друг за друга, и охранница еще раз посмотрела наши паспорта.

Во внутреннем дворе мы сдали вещи, и в следующей палатке нужно было раздеться, чтобы нас прощупали: я сняла пальто и куртку. Меня начало трясти настолько, что сложно было одеться. Я боялась, что упаду, потому что при шаге я не чувствовала стопой земли, только дрожь. Концентрируюсь на ногах, я быстро зашагала ко входу.

Я толкнула тяжелую дверь, и меня ослепили свет и теплота. Массивные хрустальные люстры, высокие двери, позолота, запакованные в парадные костюмы мужчины и женщины.

Это был настоящий princess moment: как в любом фильме «Дисней». Только я не очень подходила на роль принцессы: меня колотило, и неприятно было идти в уличных ботинках по ковру.

Я говорила всем «Добрый вечер», и все отвечали мне так же.

— Проходите за любой свободный стол.

Свободных столов было много. Слишком много, если думать о людях, целый день простоявших снаружи. Я подошла к тому, что был рядом с Лениной голубой курткой.

— Вы еще не голосовали?

— В смысле? Я, чтобы сейчас проголосовать, весь день простояла.

— А онлайн?

— Нет.

— Хорошо, но я все равно обязан проверить. — Регистрирующий стал впечатывать мое имя в телефон. — И правда не голосовали. Что ж, хорошо. Где вы живете?

— Берлин.

— Тоже хорошо, — и он вписал от руки мое имя в бумажную табличку. Потом мой адрес. Попросил подписать.

Ручка вываливалась из пальцев, которые я не могла сжать. «Простите, я очень замерзла». Он еще раз ткнул в место для подписи и протянул бюллетень.

Я опять не поняла, что нужно делать, в голове была пустота. Я зашла в кабинку и начала читать бумагу: поставьте любой знак в пустом квадрате рядом с выбранным кандидатом. Я подумала, что смешно будет поставить звездочку или сердечко, но это все не то: я выбирала между крестом и галкой.

Немцы всегда отмечают правильный вариант крестом, русские — галочкой.

Вышел серьезный разговор с моей идентичностью: я поставила галку.

Шуркнула шторкой, пошла к урне, через плечо увидела Лену. С трудом засунула бумажку в узкую прорезь. И это все.

Мы пошли назад через ковры и люстры. Обнялись.

Когда я забрала сумку, времени было 20:03, сотни людей все еще стояли в очереди, и толпа скандировала «Продлить». Охранник крикнул: «Продления не будет!» и стал закрывать дверь на ключ.

Из цикла «Ком в горле»

Тексты публикуются в авторской редакции

Салат с лангустами

Лангустов удобно сначала ошпарить кипятком, а потом уже чистить: отрывать им голову, вынимать кишечную вену, сдирать панцирь. Порозовевшие от кипятка панцири напоминают вырванные ногти с маникюром. Но ногти в салат класть не будем: негигиенично.

— Ты можешь поверить своим глазам? — спросила Яся мужа. — Это наконец-то происходит. С нами!

Гриша покровительственно ей улыбнулся:

— Я всегда знал, Ясь. Мы столько работали, столько платили налогов и наценок, что это невозможно просто так выдержать. Я бы не решился ребенка заводить, если бы не был уверен, что с нами это в конечном счете произойдет. Владька, как тебе ресторан?

Владька крутил головой из стороны в сторону. Было на что посмотреть! Каждое посадочное место декорировано по-своему: столик сказочной феи, шезлонги у бассейна, маленький садик, увитый плющом, ночное небо на фуд-горке, радужный парк аттракционов с едой... Да чего там только не было!

— Приветствую! — поклонился семье счастливых молодых ошпаренных лангустов. — Меня зовут Владимир. Я помогу вам получить максимум удовольствия от пребывания у нас. Давайте я провожу вашего молодого человека в детскую комнату, там все обустроено наилучшим образом. А вы выбирайте столик. Может быть, хотите что-то более интимное? Направо по коридору кабинеты, каждый в своем стиле.

— А какие свободны? — осторожно переспросил Гриша. Не хватало еще испортить такой момент чьим-то вторжением.

— Абсолютно все!

Бегло осмотрев все кабинеты, Гриша с Ясей выбрали вариант «Загородный отдых» - стилизацию под деревенский сруб с выходом к бассейну.

— Жалко, я купальник не взяла, — вздохнула Яся.

— Не расстраивайтесь, у нас все предусмотрено, все кабинеты оснащены купальными принадлежностями, полотенцами и вообще всем, что может понадобиться. Готовы сделать заказ?

— Ну да, конечно. Мы столько лет мечтали, выдумывали! — Яся искренне улыбнулась официанту. Владимир понимающе кивнул.

— Мы хотим салат с лангустами и розовое шампанское. А потом для меня австрийский шницель, а для жены кролик с цветной капустой. К основным блюдам виски. И на десерт мороженое.

Владимир сделал пометки в блокноте и умчался. Гриша сел в кресло-качалку, Яся свернулась клубочком на диване.

— Господи, как здорово! — выдохнула женщина.

Салат и вино появились практически мгновенно.

— Когда будете готовы отведать горячее, нажмите на вот эту кнопку, — сообщил Владимир и тут же исчез.

Супруги завороченно смотрели на салат и не могли решиться его попробовать. На гигантском поле из зелени алели крохотные бесстыдные попки помидоров. Тонюсенькая стружка сыра служила украшением. Но лангусты затмевали все. Гигантские, розовые, они напоминали нагих перекормленных младенцев, вальяжно раскинувшихся на травке.

— Даже не знаю, как это есть, — протянула Яся.

— Давай для начала выпьем, — Гриша разлил по бокалам искрящееся шампанское. — За нас!

— За нас!

Отхлебнув шампанского, супруги поцеловались и, глядя друг другу в глаза, захохотали от полноты чувств.

— Может, сначала поплаваем? — предложила Яся.

И плавки, и купальник идеально подходили по размеру. Вода была чуть холодновата, но Гриша нашел, где включается подогрев.

Наплескавшись и доведя жар в бассейне чуть не до уровня бани, Гриша и Яся вылезли из воды, вытерлись и накинули купальные халаты.

— Как есть хочется! — Гриша устремился к столику с салатом и замер от неожиданности. Лангусты уменьшились чуть не втрое. Теперь они напоминали не младенцев, а розовых червячков. На зеленом поле салата стали виднеться пролысины.

— Это как? — не поняла Яся.

— Сейчас узнаем! — Гриша решительно нажал кнопку вызова.

— Готовы отведать горячее? — Владимир появился в мгновение ока.

— Нет! Вы лучше расскажите, что с нашими лангустами.

— О, какая досада! Так случается с лангустами, если их передержать на огне. Своего рода девальвация. Вы включали подогрев бассейна, да? Ох, к сожалению, вам придется съесть теперь салат в таком виде. Ну, или отказаться от него. Понимаете, у нас строгий порядок выдачи, — смущенно бормотал Владимир.

— Да ладно, съедим, — недовольно буркнул Гриша. — Отключите, пожалуйста, весь этот подогрев, а то вообще ничего не останется.

— Конечно! — сверкнул улыбкой Владимир. — И жду вашего сигнала, чтобы подать горячее.

Салат ели уже молча. Владимир налегал на шампанское, и Яся недовольно поводила плечами.

— Давай горячее просить, — наконец сказала она. — А травку эту догрызем вместе с мясом.

Но в этот раз Владимир не спешил отозваться на сигнал. Салатница была уже пуста, шампанское давно окончилось. Все кисточки на ска-терти Яся переплела в косички. Гриша все жал и жал кнопку. Наконец Владимир появился.

В одной руке официант держал клетку с декоративным кроликом, а в другой кровавый мохнатый шмат мяса. Под мышкой Владимир зажимал конверт и молоток.

— Предупреждая ваши вопросы, скажу, что в стране произошел ряд перемен, пока вы доедали салат. Начались военные действия, переменились условия сервиса. Виски, к сожалению, кончился. Но вы легко можете забить кролика молотком, а потом с его же помощью отбить мясо. Приготовить продукты будет удобно на живом огне, возле бассейна есть мангал. Мороженое (две порции) обязуемся предоста-вить зимой, когда замерзнем. И вот еще (Владимир указал носом на конверт). Ваш сын Владислав был призван в армию из детской комнаты и отличился при проведении наступления. Вот посмертные отличия и похоронные. Если хотите, можете заказать на эти деньги другой салат: первый вас, кажется, разочаровал.

Владимир исчез. Яся тупо смотрела на кролика, жующего цвет-ную капусту, а потом истерически разрыдалась. Незванный Владимир

появился снова.

— Простите, совсем забыл! — бойко отрапортовал он. — Ваша жена же сейчас от горя помрет, так что держите тряпку, челюсть ей подвяжете. Поминальная водка за счет заведения — и мои соболезнования, мои искренние соболезнования!

Липкие острые баклажаны

Баклажаны нужно нарезать соломкой, выдержать с полчаса в солевой воде или в слезах, промыть и обжарить, а потом залить смесью соевого соуса, сахара и крахмала. И, конечно, прибавить острого — чеснока и красного перца. Самое привлекательное в этом рецепте — сочетание несочетаемого: по липким пальцам острыми каблуками, по липкой тле человечества острыми ракетными осколками. Острым липкое сделать просто.

— К сожалению, ваша жена скончалась. Обширный инфаркт.

Паша замер с раскрытым ртом. Его глаза наполнились слезами.

— Да быть не может, вы что, она же такая молодая, ей ещё сорока нет.

— Ну, в военное время у всех с сердцем плохо. Крепитесь.

Паша недоверчиво всмотрелся в лицо врача.

— Это же... Это шутка такая, да? Я знаю, я смотрел... Шоу такие есть, они на слабо всех берут, а потом разбирают, кто как реагировал. Верка могла на такое согласиться, у нее ж вообще ума нет, безбашенная совсем...

Врач смотрел на Пашу с сочувствием, и тот внезапно обмяк.

— Что, правда?

Врач устало кивнул.

— Можно мне к ней?

— Ну, зайдите, — неохотно согласился врач.

Вера лежала на постели с закрытыми глазами, разбросав обнаженные ноги.

— О господи, что ж вы делаете, почему юбку не поправили! — Паша бросился одергивать одежду на жене. — Верка, ты чего?

Он искоса глянул на врача.

— А она теплая. Знаете, бывают такие случаи, что выглядит все, как вот это вот, а человек просто спит.

Врач презрительно промолчал.

— Верка, дай я тебя поцелую! — Паша впился в губы жены. — Доктор, а она отвечает! Отвечает, тоже сосется со мной, это как это, это ж она не мертвая тогда! Доктор, я вас очень прошу, я умоляю...

Теперь у Паши было очень хитрое выражение лица.

— Вы можете выйти? Я ее оживлю, это она прикидывается все, я вот покажу сейчас...

— Всё, всё. Пройдемте, — врач взял Пашу за локоть, но Паша, по-прежнему хитро улыбаясь, вырвался.

— Вы ничего не понимаете. Ее защитить надо. Ей помочь надо, она же хочет...

Врач попытался вывести Пашу из комнаты, но получил основательную оплеуху и оказался в коридоре. Дверь захлопнулась, щелкнула задвижка, погас свет. Из-под двери полилась безумная липкая пустота.

Сырная закуска «Игрушки»

В гроб возьму с собой одну или две игрушки. Или три. При жизни не любила их, буду любить без жизни. Буду лежать, во все глаза смотреть в яркое, яростное, издырявленное небо и играть.

А закуска делается просто. Из творога, тертого сыра и зелени, заправленных майонезом, лепятся шарики и обваливаются в разном. В тертой моркови. В желтке. В крабовых палочках. В земле. В крови. В тебе.

Игрушки приводят меня в ярость, и я начинаю все вокруг громить. Так что и гроб меня не удержит. Все равно буду любить. Лежать. Громить. В кунжуте и в тебе.

— Отдайте! — раздалось из-за двери. Снова противный трескучий звонок, снова стук в дверь. — Отдайте, я верну деньги, я вдвойне верну.

Лиля с тоской подумала: почему у них такой противный звонок. Он же мог переливаться колокольчиками или играть какую-нибудь музыку. А так — просто удавиться хочется.

Никита вышел в коридор, посмотрел на Лилю и неуверенно предположил:

— А, может, правда отдать?

— Нет!

— Ну Лиль, ну у нее же сын на фронте погиб. И кот умер этот, который папка нашего. Ты представляешь, как ей одиноко?

— Нет!

Три недели назад Лиля купила у Ольги котенка. И именно этого котенка Ольга сейчас требовала назад. Да, она принесла деньги, много — наверное, втрое больше, чем Лиля тогда заплатила. Но Лиля не хотела уступать.

У нее была причина — правда, довольно странная. Дело в том, что кот не приживался. Он не давал себя гладить, не шел на руки, не валялся на диване и не точил когти. Он сидел и выжидал.

— Ну, если ты так ставишь вопрос... — сказала тогда Лиля коту. — Подождем.

Теперь Ольга предлагала Лиле сдать его. А Лиля никогда не сдавалась.

Звонок. Стук в дверь. Звонок. Стук в дверь. Звонок. Звонок. Звонок.

— Я больше не могу это терпеть! — крикнул Никита и распахнул дверь. На пороге стояла усталая женщина с тусклыми глазами.

— Я вас умоляю! Продайте мне Гладуна. Он мне нужен. Я без него не справляюсь.

— Кота зовут Леонард, — процедила Лиля.

— Я... Вот деньги. Это все мои деньги, тут много. Отдайте кота, пожалуйста, — тупо повторила Ольга.

Никита обнял Лилю и прошептал:

— Давай уступим ей. Нам и деньги не помешают. И кот сейчас ни к чему — мы же уезжать собираемся.

— Да что хотите делайте! — сердито сказала Лиля и ушла в спальню. Никита взял деньги, аккуратно пересчитал их и вынес Ольге котенка-подростка. Ольга тут же прижала Гладуна к себе и, пробормотав что-то, убежала домой.

— Лечиться ей надо, — вздохнул Никита, пряча деньги в тумбочку.

А Ольга уже показывала Гладуну комнату, наполненную разнообразными кошачьими девайсами. Дразнилки. Мышки. Мячики. Барабанчики. Когтеточки.

— Нравится тебе что-нибудь? — озабоченно спрашивала она у Гладуна. — Может, это? Или это? Или вот... Нет? Ничего не нравится? Ничего не нравится!

И Ольга в первый раз зарыдала — громко, в голос, распутив губы. Гладун некоторое время смотрел на нее, а потом подошел к мячику и неуверенно принялся играть.

Кофе

Кофе хороший напиток: он бодрит. Кофе бывает натуральный и растворимый. Натуральный кофе варится в турке, турка включается в розетку, розетка вмонтирована в стену, стена составляет часть дома. Натуральный кофе аппетитно пузырится и покрывается шапочкой вкуснейшей на свете пены. Смотрим на эту пену, как на прекрасную женщину, к которой больше никогда не прикоснемся, и в этом взгляде корица, сахар, сливки, черный перец, кардамон, имбирь и маленькая щепотка соли. Нет ни дома, ни, стены, ни электричества в розетке, ни уж тем более пенорожденного божественного напитка. Бодримся. Растворяем.

Варя варит себе кофе. Звонит телефон.

— Да! Да!

Это Варины родные.

— Варечка, солнышко, как ты?

— Нормально.

— Нормально? А по голосу не скажешь... Обстрелы были? Далеко?

Ну и ладно. Варя, ты, наверное, хочешь поздравить папу.

Ой, да. У папы день рождения.

— Конечно! Папа, я тебя поздравляю, будь, пожалуйста, здоров и вообще молодец, — тараторит Варя, снимая турку с огня. Турка отправляется на стол.

— Спасибо. У нас тут такое застолье образовалось: и язык заливной, и телятина, и торт. Мы прямо пируем.

— Ну, я за вас очень рада. Мысленно с вами.

— Варечка, как мы хотим, чтобы война кончилась и ты была с нами.

И надеемся...

Голос мамы прерывается. Плохая связь. Сегодня с Польшей плохая связь. Зато вчера родителям дали вид на жительство. Варя поэтому очень хочет, но не надеется.

Обстрелы есть, обстрелы недалеко. Варя наливает кофе в чашку, убирает турку в мойку и прижимается лицом к теплему столу.

Ей кажется, что столу это важно. Как только она уберет щеку, стол начнет остывать.

И Варя не убирает щеку долго. Долго-долго.

Сейчас этот десерт уже мало кто помнит, а раньше гоголь-моголь был очень популярным. Готовится он так. Берем все свои воспоминания и разделяем на желток и белок. Желток нужно растереть добела (или дочерна, тут уж как кому с желтками повезло) с сахаром, а белок взбить в крутую пену, чтобы он полностью видоизменился. Потом нужно смешать обе субстанции и есть, есть, есть ложкой, хотя вы и так будете это есть ложкой, никуда не денетесь.

Леся проснулась от ощущения, что худая и длинная мужская нога расположилась на ее животе. Не открывая глаз, попыталась перевернуться и наткнулась на по-утреннему тугие плавки. «Сашка-Сашка, почему в моей палатке», — пробормотала она, улыбнулась и осторожно высвободилась.

Солнце еще толком не взошло, но Леся сразу пошла к озеру. Вода после ночи хранила тепло, как в термосе. Сбросив халатик, она плавала, пока не наткнулась на рыбака в камышах. «Ой. Рыбу, наверное, распугала», — огорчилась Леся, но Виталик улыбался и показывал ей смотанные снасти: уже собирался возвращаться.

— Ко мне пльиви — согремся! — крикнул Виталик, показывая фляжку с остатками коньяка. Леся хохотнула, представив, как пьет коньяк голая и в рассветных лучах, отрицательно мотнула головой, уплыла.

Наплававшись и изрядно проголодавшись, она с трудом выбралась на берег и снова надела халат. Виталик шел ей навстречу.

— Ну и зачем одевалась? Ну весь кайф же обломала! — ворчал он. — Раздевайся снова!

— Размечтался, — одернула его Леся. — В другой раз как-нибудь. А как у тебя улов?

— Да кое-как, но нам хватит. Карасиков на завтрак пожарим, а из остального уху в обед сделаем. С головешкой и водочкой. А кто по кухне сегодня старший?

— Реваз костер разожжет, а готовит Вера.

Гориллья морда Виталика расплылась в улыбке. Вера творила чудеса, она ниоткуда доставала травки, корешки и дикие овощи, превращала консервированные сосиски в пищу богов, а кроме того, за смешные деньги находила в деревне яйца, домашний хлеб и молодое вино.

— Пойдем поможем, — Лесе все сильнее хотелось пить. Кажется, это называется «сушняк». А водой они, конечно, не запаслись, придется самой сходить.

Реваз раздувал костер и кашлял, а Вера уже нарезала лук, кабачки и сосиски, так что помогать-то особенно и не с чем было. Карасей Виталик чистил только сам: у него была какая-то особая технология.

— Верочка, мы такие голодные, спасайте! — жалобно сказала Леся. — И пить чертовски хочется.

Вера улыбнулась, поправила свою обычную халу на голове, засемила к костру и вдруг медленно осела на землю.

— Верочка! — Леся всерьез испугалась. Все-таки Вера немолода. А врача тут пойдди найди.

Внезапно Вера забрыкалась, перевернулась на спину и замотала в воздухе тощими старушечьими ногами.

— Реваз, помогите нам! — Леся уже всерьез запаниковала, но Реваз заходился в приступе кашля. Было видно, что он сплевывает в молодой огонек костра кровавые ошметки.

Черт! Черт, черт, черт! Сашка!

Но никто не отзывался. Леся пыталась помочь Вере встать, но женщина вдруг ухватилась за ее палец каким-то детским движением, жалобно посмотрела и обмякла.

— Реваз! У нас беда! Вера, кажется...

Но Реваз лежал лицом в углях и не дышал.

— Что там с завтраком? — послышался голос Саши. Рыдающая Леся бросилась к нему, прижалась и вкратце все объяснила.

Саша молчал.

— ...так что не до завтрака. Разве что Виталику захочется. А нам надо бежать в деревню.

— Виталику не захочется, — медленно сказал Саша. — У него головы теперь нет, завтракать некуда.

Леся изумленно глянула на Сашу и увидела, как стремительно чернеет, обугливается его кожа. Она укусила себя за руку, чтобы не заорать. Пила кровь из горсти, чтобы не лакать, как собака. И проснулась снова.

— Опять старые друзья приходили? — почти спокойно спросил у Леси муж. — Что-то они зачастили. Отпустила бы ты их.

Бы.

Печенье «Фауна»

Есть что-то невероятно отвратительное в том, чтобы делать печенье в виде животных. Отгрызи-ка ушко у слона. Перекуси жирафу

шею. Антилопу оставь без ноги — пусть попритихнет. А удава можно съесть целиком — он совсем небольшой. В общем, я и о тесте писать не стану. Из любого теста можно. Из любого — не нужно.

— Какая тебе нравится? Выбери, — попросил Миша застенчиво. Аня окинула женщин взглядом. Вот эта, рыженькая, воплощенный трепет? Или вон та, цветущая, с каменными коленями? А вот еще величественная темнокожая дама, красный рот которой — как пожар в лесу. А вон та сердится и кривляется, словно показывает Ане и Мише: уходите!

Некоторые женщины сидели на деревьях, напрягшись в ожидании прыжка. Самые легкие свисали с веток и болтались, как расслабленный пенис. Одна изогнулась так, словно не было у нее ни лица, ни ног, а только сливочные пломбирные шарики груди.

Пожилая, седая — та приглаживала свою белоснежную бороду. Две сестры с одинаковыми утиными носиками не отпускали друг друга, держались за руки и обнимались. Женщина с темно-серыми волосами прикрывала тело руками. Красноглазая блондинка поглядывала с яростью и презрением. Полная черноволосая красавица охотно распрямляла складки живота и снова сворачивала их в гофр. А две юные девушки с белыми глазами убийц жались к решетке и тянули к Мише с Аней руки.

И все они смотрели пристально и тревожно — как в ожидании обстрела.

За полчаса до того Аня ждала его у ворот. Юная, темноволосая, ноги длинные, глаза с поволокой — любой позавидует.

— Привет! — Аня потянулась поцеловать Мишу. — А мы что, опять в зоопарк? Мы же в прошлый раз там были.

— Были, но самого интересного еще не видели. Ты, наверное, и не слышала о таком уголке. О нем мало кто знает.

— Правда? А что там? Змеи, да? Змеи?

Миша проводил Аню через какие-то технические помещения, кивая сотрудникам и всем своим видом подтверждая правомерность такого прохода. Уборщицы и грузчики отворачивались.

Наконец Миша вывел Аню во внутренний дворик, закрыл ей глаза рукой, поцеловал горячими нетерпеливыми губами и подтолкнул вперед:

— Вот!

В огромном вольере были деревья и камни. И еще... Женщины. Много голых женщин.

— Что это? — ужаснулась Аня.

— Это воплощенная красота, — тихо ответил Миша. — Помнишь ту историю с клеевыми детками? Ну, когда в обособленном поселке все нюхали клей, а дети у них потом рождались без мозга. Совершенно беспомощные. Но некоторые — очень красивые. И вот... Их всеми правдами и неправдами берегли от программы ликвидации. Но уберегли только этих. Девочек. Девочки красивее мальчиков, уж я-то знаю. Так какая тебе больше всех понравилась?

Аня нерешительно кивнула в сторону рыженькой.

— А вообще мне тут как-то не по себе. Пойдем отсюда.

— Как раз собирался предложить.

На территории зоопарка была обычная кафешка, пройдя сквозь которую, попадаешь на террасу шикарного ресторана. Аня хотела martini и оливок, но официант жестами показал на заблаговременно размещенную на столе табличку «Спецзаказ». Круглое лицо Миши сияло:

— У нас сегодня действительно нечто особенное, вот увидишь.

И когда официант принес гигантское блюдо и снял с него серебряную крышку, Аня не смогла сдержать крика.

Дедушка поставил перед Аней стакан холодного молока, чашку чая и клубничное варенье, но она, досадливо отмахнувшись, выпила ещё водки и закурила. Дедушка недовольно поморщился:

— Ты хоть закусывай.

— ...и я побежала не знаю куда, на шоссе, и махала рукой, а машины не останавливались и не останавливались. Минут через двадцать только такси поймала. Спасибо, что заплатил: я ж без кошелька, без ничего.

— Аня, «Беломор» слишком крепкий, хватит.

— Как он так мог, дедушка? О чем он думал?

Дед вздохнул:

— Ну, я его не оправдываю, конечно. Но ты же знаешь, клеевых деток ликвидируют, это закон. И хорошо еще, что так. А не в бордели продают. Они, может, и не понимают никакой смерти. Мозга-то нет.

— Да я не знаю насчет мозга! Ну хорошо, пускай даже нет! Ну а душа? Душа-то у них есть?

Дедушка накинул Ане на плечи плед и ответил:

— Души сейчас ни у кого нет. Атавизм.

Пирог из черешни

Тесто для пирога делается просто: три яйца, стакан муки, стакан сахара и разрыхлитель. А вот с фруктовым компонентом, будь то черешня, вишня, малина или яблоки, дело обстоит сложнее. Когда предлагали эмиграцию, деревья не учли. И они как-то автоматически остались. И все видели. И с этим живут. И даже, как ни странно, плодоносят.

Прошу вас: почистите ягоды (ну, или фрукты), помойте их и дайте им сахара и коньяку. Коньяк, конечно, можно заменить валерьянкой, но потом вы пожалеете. Прошу вас, сделайте это. Чистое, сладкое и крепкое в Украине никому не помешает.

Сергей специально выбирал для аренды жилье подешевле, но уютное. В пятиэтажке комнату можно было снять за смешные деньги, при этом в качестве бесплатного бонуса предлагались завтраки и ужины. Ему нужно было провести в Харькове всего неделю, а документов предстояло восстановить уйму, и возможность хоть иногда не заботиться о питании грела душу.

Встреча с квартирной хозяйкой была назначена во дворике у подъезда. Сергей, как обычно, пришел раньше, поэтому какое-то время просто сидел и любовался высоченной черешней, растущей около дома. Ему под ноги сыпались тёмно-вишневые ягоды.

— Только не пробуйте дрянь эту.

Сухопарая пожилая дама смотрела на него абсолютно равнодушно.

— Почему? — обиделся за яростно красивые черешни Сергей.

— Всё это гниль, падаль. Никто никогда не попробует ни одной ягодки с этой черешни. Падают те, которые изнутри сгнили. А до тех, которые ещё съедобны, не долезешь. Вы же Сергей? А я Светлана, сдаю комнату с завтраком и ужином. Пойдемте посмотрим.

Пока они поднимались по лестнице, Светлана рассказывала все тем же тусклым невыразительным голосом:

— На завтрак омлет с зеленью, кефир и чай, кофе не держу, сахар свой можете принести. На ужин салат и творог, чай по требованию.

Дополнительное одеяло, полотенце — это все есть. Wi-fi есть, пароль на двери. Лифта, как видите, нет, но нам всего на третий...

Светлана отперла дверь и пустила жильца в квартиру. Сергей осмотрелся. Всё ветхое, но чистенькое. Сойдет.

— Вот, пойдёмте дальше, ваша комната там. Утюгом можете пользоваться, а электрочайник не дам: проводка старая, может закоротить. Вот это ваш стол, диван, шкаф с зеркалом. А комната, через которую мы прошли, моя. Там убили мою дочь Елену, — так же равнодушно сказала Светлана.

— Как убили? — оторопел Сергей.

— Ну, осколок прилетел в окно. И ей в голову, — Светлана критично глянула на стол и сдула с него невидимую пылинку.

— А... А почему вы мне об этом говорите? — идиотским голосом спросил Сергей. — Может, я снимать у вас передумаю?

— Ну, вы же должны знать, что я вам более безопасную комнату сдаю. И потом — добрые соседи все равно расскажут, — пожалала плечами Светлана и немного обиженно добавила: — только, знаете, если они вам скажут, что у них прямо никого не убило, вы не верьте. Нет тут таких квартир, чтоб никого...

Сергей никак не мог прийти в себя.

— А... А почему вы так... Почему вы не плачете? — и сам разозлился на себя за дурацкий вопрос.

— Спасибо, я сегодня уже плакала. Так что, не передумали снимать? Если все устраивает, я сейчас и картину повешу.

Торт «Битое стекло»

Вспомните все свои несбывшиеся надежды, безответные любви, не сложившиеся отношения, ненаписанные стихи. Приготовьте плотное желе разных сортов и цветов — апельсиновое, лимонное, яблочное, клубничное. Застывшее желе нарубите кубиками.

Разбавьте творожную массу йогуртом и добавьте к творогу желатин. Залейте этой смесью все ваши неуспехи, болезни, несбывшиеся фантазии, неоконченные пьесы, разноцветные кубики — все залейте. Будущее все съест, не подавится.

— Что, уже? Прямо сейчас? Но я не могу, я не готова.

Впрочем, она не знала, почему не может. Дома ее ждал муж, который никогда ее не любил, и кот, которому было все равно, как и полагается коту.

В чем она не готова? Да, она не похудела и осталась обвернутой плотными ремнями мяса. Да, она не бросила пить вино и носить пижамы. Она хотела потом, с первого числа, с завтрашнего дня, со следующего месяца.

И когда грубые руки привели ее к коробке, где следовало назвать причину, зачем она нужна дальше, или замолчать навеки, она по-прежнему была не готова. И она подошла к коробке, заискивающе погладила ее и прошептала:

— Я хочу писать о космосе.

И — задышала.

Хтонь

Текст публикуется в авторской редакции

Через поле устало брёл человек. Спотыкался, попадал в ямы и рытвины.

Зачем он так пошёл? Прежде ведь всегда ходил вдоль шоссе.

Вокруг бронзовели сухие травы. Шумели морским прибоем. Редкие облака казались застывшими. На горизонте жёлтой кленовой стеной стоял лес.

Смеркалось. В небе проступал лунный шар, усиливался холодный ветер. Идти становилось сложнее, ноги подкашивались и почти не слушались, голова шла кругом, но человек не останавливался.

Наконец впереди за межой забрезжили огни. Ему показалось, что они мелькают слишком часто, но огни лишь тускло горели. Он вошёл в село. Ветхие заборы. Старые сады с костлявыми яблонями. Безлюдные, неуютные улицы. Пруд, затянутый ряской. Знакомый двор и тёмно-коричневый дом.

— Маня, открывай! — он взобрался на крыльцо и три раза ударил кулаком в дверь.

Донёлся шум. Щелкнул засов.

— Где тебя носит? — в проеме показалась женщина в халате в крупный цветок.

Лицо её было злое, брусничного тона. С порога на неё уставились стеклянные бессознательные глаза мужа.

— А-а-а, всё понятно! То-то я думаю, смена три часа как кончилась, а этого всё нет. Опять нажрался!

— Не твоё дело! — буркнул человек и, втолкнув женщину внутрь, ввалился в дом. Упираясь обеими руками в стену, начал скидывать с себя сапоги.

— Жрать готово?

— А что, Вань, друзья твои тебя не накормили? — издевательски покачала головой Маня.

— Заткнись! — огрызнулся он. — Дай жрать!

Маня вздохнула и пошла в кухню. В глубокую тарелку налила какую-то густую жижу. Вложила ложку. Поставила на замызганную клеенку.

— Иди, готово.

Ваня плюхнулся на табуретку. Взял ложку и тупо уставился в жижу. Сверху плавали глазки жира, и из них на него смотрело много таких же Вань.

— Хлеба подай мне!

— Нет хлеба, ты обещал купить по пути домой!

— Я что, всё помнить должен? Твою мать... Мне это дерьмо теперь без хлеба жрать?

Маня молчала.

— Дай водки, запивать буду, — сказал Ваня.

— Хватит с тебя водки, ты посмотри, на что ты похож! — лицо Мани вновь стало

брусничным.

— Дай водки, я тебе говорю! — загремел Ваня и треснул кулаком по столу.

В кухне зазвенели стёкла. Маня вздохнула и полезла в заветный шкафчик. Достала стопку и початую бутыль. Ваня, опустив взгляд в плоску, принялся медленно глотать жижу. На каждые три ложки — стопка. Маня сидела напротив, подперев ладонью подбородок.

— Кстати!

Ваня вдруг полез в карман штанов. Достал какую-то мятую бумажку. Кинул в Маню.

— Полюбуйся! Как тебе?

— Что это? — недоверчиво спросила Маня, разворачивая лист.

— Повестка! На войну еду! — откликнулся Ваня значительно.

— Что? Ты совсем, что ли?

Тут Маня развернула листок и действительно прочла: «Повестка».

— Ну, что молчишь? Сегодня начальник на предприятии вручил. Мы с пацанами и отметили это дело! Сначала по чуть-чуть, а потом Егорыч говорит, айда...

— Боже мой! Да ты в своем уме ли? Как ты там будешь-то? Ты до дома-то еле сегодня дошёл!

— Баба! Чего ты понимаешь вообще? Ты знаешь хоть, сколько там платят? — зарычал Ваня.

— И знать не хочу! Никуда ты не пойдешь! Меня здесь бросишь одну, а сам погрёшь чёрт знает где!

— Ты тупая или что? Там в месяц двести с хреном тысяч дают! Ты понимаешь, что я год батрачить за такие деньги должен? А там за полгода больше миллиона! Завтра еду в город на сборный пункт!

Ваня опрокинул новую стопку.

— Никуда ты не поедешь! Ты на ногах-то твёрдо стоишь дай бог два дня в неделю!

— Что?! Чокнутая баба, сука! — Ваня резко вскочил.

Смахнул тарелку на пол — осколки разлетелись по углам. Схватил Маню за шею и потащил в комнату. Бросил на кровать, принялся бить и душить. Поставил синяки под глазами, чуть не вывернул руку. Наконец, слез с неё.

Вернулся в кухню. Слышал, как Маня в спальне тихо скулит в подушку. Это его раздражало: «Заткнись, тебе говорят!». Вновь сел за стол. Принялся допивать остатки водки. Ему грезился миллион. «Это сколько стопок денег получится, если миллион по тыще разложить?..»

Через час позвал Маню в кухню.

— Иди вещи мне в дорогу собирай, да поживее, мне спать надо лечь рано!

Маня паковала одежду в пакеты. Две пары спортивных штанов, семейники, носки с протёртыми пятками, футболки на лямках, теплый шерстяной свитер. «Убьют тебя там, Ванечка, убьют!» — слезливо шептала она. Ваня полулежал на диване и гневно смотрел на Маню, но уже ничего не говорил.

К десяти в сенях стояло четыре больших пакета ваниных вещей. Погасили свет. Легли. Ваня отчего-то не мог уснуть. Рядом, с потемневшими синяками на лице, спала Маня. Даже во сне продолжала тихо плакать. Ваня смотрел на голую деревянную стену. На ней белелое лунное пятно. Он немного протрезвел. Думал: «Двести десять тысяч... двести пятнадцать тысяч...».

Внезапно ему представилось, как он пойдет в первый бой. Как это?.. Просто в прорыв с оружием наперевес? А дальше? Увидел перед глазами окоп — и как его засыпает землей после обстрела. Услышал, как свистят пули и страшно звучат залпы. Почувствовал, как на него падает что-то тяжелое, ужаснулся: окровавленный труп какого-то мужика, который, казалось, только недавно был рядом. Только что

в него прилетело.

Картинки сменяли одна другую. Ване становилось не по себе. Из воображения почему-то исчезли большие стопки денег, в которых миллион по тысяче наличными. Откуда-то раздался грустный собачий вой. Возникла гадкая мысль: «А вдруг я правда там сдохну?».

Он поднялся с постели. В сенях накинул куртку, вышел во двор. Были первые заморозки. Серебрилась трава, мёрзли пальцы, и изо рта шёл синеватый пар. На мрачном небе ни облачка, только горсть осенних звёзд. В селе ни звука.

Он закурил и медленно пошёл вокруг дома. Вновь собачий вой. Теперь совсем близко.

— Заткнись, Макс! — крикнул Ваня.

Макс был большой дворнягой, жившей у них во дворе. Ваня держал Макса в тесной клетке и почти не кормил.

Новые мысли роем кинулись на него. «А что если правда сдохну? Кто меня там найдет? Найдут ли? Похоронят? Или так и бросят гнить?». Он остановился, стал жадно затягиваться сигаретой, но тревога лишь усиливалась.

Макс завыл сильнее и уже не реагировал на крик.

«А может, нахрен, не ехать туда?» — внезапно пронеслось в Ваниной голове. «Может, спрятаться, убежать в лес?.. Нет-нет, найдут, оштрафуют, арестуют, посадят!

А что мужики на заводе скажут? Нельзя! Раз сказано, значит надо, не бросят же меня, как мясо, в самое пекло...».

Макс пронзительно выл.

— Макс, пасть закрой, скотина! — процедил сквозь зубы Ваня.

«Сегодня тут, а завтра... Где я буду завтра? А если правда сразу кинут? Что я сделаю? Кому сказать-то? Кто поможет? Может, ну его нахрен, чёрт возьми!».

Его начало трясти. Окурок выпал из рук. Он видел, как над лесом сгорела яркая звезда, слышал, как Макс начал разъяренно метаться по клетке и лаять.

Ваня, не оглядываясь, сорвался с места и зашагал к дому. Вошёл в сени, дрожащими руками сорвал со стены ружье, зарядил. Подошёл к клетке Макса, прицелился и выстрелил. Попал точно в голову. Вой и лай тотчас прекратились. На лицо Вани брызнула тёплая, чёрно-алая кровь.

Он бросил ружье на землю и, сам не понимая, что делает, побежал в дом. Быстро скинул куртку и сапоги, обтёрся кухонным полотенцем, залез под одеяло. Его продолжало трясти. Лился холодный пот. Он не помнил, как уснул в ту ночь.

Утром был туман. Маня проводила Ваню с вещами. Долго стояла у калитки, плакала и крестила вслед. Крестила даже тогда, когда он совсем исчез из виду.

Кипр, лето 2023

Так бывает

Это была вторая повестка. Когда в квартиру позвонили в первый раз, ты не знал, кто этот человек, немного сплюснутый дверным глазком. Он спросил твоё имя и фамилию, а ты простодушно ему ответил, после чего он протянул повестку и произнёс банальную, но пугающую фразу: «Получите, распишитесь». И ты закрыл перед ним дверь. Извинившись, конечно.

Как ни странно, никакого штрафа в «Госслужбах» не появилось и в дом больше никто не приходил. Ты даже подумал, что пронесло. Но спустя месяц в квартиру позвонили ещё раз. Ты мысленно перебрал, кто это может быть: соседка, рабочие в подъезде, доставка, алкоголик с четвёртого этажа. Нет, никто из них не должен звонить тебе в дверь. Ты чувствуешь, как у тебя сбивается дыхание и становится как-то беспокойно в области живота, но тихонько подходишь к двери и смотришь в глазок. И видишь, как женщина с сумкой через плечо снова нажимает на звонок, и тебя пробивает дрожь. А вдруг она, пристально посмотрев в глазок, сможет увидеть, что ты за ней наблюдаешь. Нет, она разворачивается и уходит. А после ты находишь в почтовом ящике вторую повестку.

Вечером, когда ты расскажешь про это отцу, он будет ругаться, мол, не было у нас в семье ещё бегунков, и все доблестно отдавали свой долг Родине. А ты не хочешь на войну, не хочешь держать оружие, направлять его на людей и стрелять. И уж точно не хочешь, чтобы кто-то направлял его в тебя и стрелял. Конечно, отец ещё скажет, что любит тебя и гордится твоими достижениями: и тем, как ты хорошо сдал ЕГЭ, и тем, как ты получил красный диплом МГУ, и тем, что ты устроился в престижную компанию. Но ты думаешь: скорей бы оно кончилось. Тебе больно видеть раскрасневшееся лицо отца, который то и дело чешет грудь, потому что от невыносимой жары в последние две недели у него скачет давление и болит сердце. А ещё обидно, что он, твой отец, тебя не понимает, живёт своими совковыми представлениями о патриотизме, ради которых готов отправить сына на войну погибать. А это тебя просто добивает: «Если позвонят в следующий раз, и я буду

дома, я открою дверь и заставлю тебя взять эту чёртову повестку. Я не буду лгать, что тебя нет. Ты есть, и ты пойдёшь служить, как того требует твой долг». А ты думаешь, как несправедливо, что этот долг возникает по факту твоего рождения в этой стране, действия, мало с тобой связанного. Несправедливо, что у кого-то есть власть распоряжаться тобой, отлавливать тебя, будто зверя, и отправлять на смерть за чужие тебе идеалы. И жаль, что ты не можешь объяснить этого отцу, он тебя не поймёт. Ты просто уходишь к себе в комнату, оставив его доедать ужин — который он скорее всего не доест, потому что от нервов ему теперь в рот ничего не полезет.

Так бывает. Утром ты просыпаешься рано по привычке, потому что в это время обычно звенит будильник, и тебе надо вставать на работу. Но сегодня не надо, сегодня у тебя выходной, и ты думаешь помастурбировать, чтобы скорее вновь уснуть и наконец-таки отоспаться. Ты слышишь звонок в дверь. Чувствуешь, как напрягаются ноги, как начинает ускоряться сердцебиение и крутить живот. В дверь стучат, и ты начинаешь перебирать: соседка, рабочие в подъезде, доставка, алкоголик с четвёртого этажа. Третья повестка, думаешь ты, и остаёшься в постели. Стучат ещё несколько раз, но так слабо, будто ничего и не было. Тебя отпускает. Может, и правда не было, а тебе всего лишь показалось — в пограничном состоянии между сном и бодрствованием. Ты переворачиваешься на бок и всё же засыпаешь. Так бывает. Твой отец оставил телефон, документы и ключи в гараже, дверь которого захлопнулась. И теперь звонит в дверь, потому что запасные ключи от гаража в его комнате, и он знает, что у тебя сегодня выходной и ты ему откроешь. Вот уже вторую неделю жара, а он поднимался по лестнице слишком быстро. У него становится тесно в груди. Твой отец начинает стучать в дверь, отходит к окну в подъезде, возвращается. У него перед глазами появляются черные точки, дышать становится труднее, начинает «вести» голову. Он оседает на пол у двери в квартиру, его рука становится тяжёлой, и стук в дверь получается слабым, будто и не было никакого стука. Так бывает.

Переводы

Владимир Фещенко

Карла Харриман

Из цикла ДИАЛОГИ (ПРОТИВ ВОЙНЫ) В ЭПОХУ ПАНДЕМИИ
(2022–2024)

Пер. с англ. Владимира Фещенко

Повозка

Каково быть столешницей в груди жилых домов.
Не то чтобы в Киеве много дачных домов.
Мы не знаем этот город.
И каково это — быть столешницей.
Чем-то гладким.
В городках, сокрушенных на восточной границе.
Те слова, лишённые ног.
Кто это тут говорит?
Пятеро мужчин на словах из ног.
Они выступали против зерна —
Зерна древесины.
Формы текут, топают —
Утопают.
Топают.
Утопают —
Ноги слов.
Пятеро мужчин говорят тут в потоке форм.
Входит женщина —
С медицинским жгутом.
Прибыли на границу с Польшей.
Было пятеро их, не знаю.
И мужчин, не знаю, как смогла она —
Добраться до польской границы.
И каково это — столешница без ног как повозка.

Русским/украинским поэтам

– проверяю имейл каждые пять минут, жду ответа. Ответили
вот ответили, и от ответа мне как-то не по себе.
Наседать на свою благодетель — несколько мрачное занятие.

Скажи жжение.

Возьми латкес.

Запах лука в картофельных парах напомнил русских поэтов
на нашей кухне, пьющих водку в более ранний час,
чей сейчас.

Они не спали.

Они и сейчас не много спят.

Всю ночь напролет в твоём воображении. Некоторые из них
умерли.

Нет, не в моём. В моём они спят ивняком всяких идеализмов
в удушье просторных равнин под арестом в маленьких
фермах и собирая грибы.

Сейчас почти всех их нет с нами, но ещё кто-то есть.

Некто. Алексей. Другие тоже прославлены на губах тех, кто
ещё жив.

Алексей стал медно-купоросным.

Хммм. Показалось, это отсылка к окиси меди.

Украинские завалы говорят о каждом мертвом поэте в России
как украинском.

Им надо быть осторожными здесь. Завалы рассеиваются в
частицы, распыляемые по всей планете.

Как обычно, но того более.

Изготавливая изгиб, изгибаясь.

Так. Пусть уйдут как ушли.

Уходят снова и снова.

Кое-как прибывает.

Все не то.

Прибывают.

Разбиваем сердца с ними, когда они прибывают с притворством
стойков.

Ну а потом достаем на стол водку.

Они ещё не поспали.

Храним водку в морозилке, вдруг кто-то будет искать.
Признаться, не до конца понимала этот мужской пол. Но
Алексей —
Теперь понимая, забыто.
— я была поэтом в компании Алексея.
Расплачено завалами —
Да, забудь понимание.
— и никогда больше в таком же духе.
Точно. Не хватает лишь лоска.

20 марта 2022 года

Почему я не поэт

Ты помнишь эту вещь?
Которая про живопись? Конечно, помню.
Она про замещение, когда одно замещается другим.
Но они не равнозначны, так ведь?
Нет. Из-за него просто плодится негативная атрибуция.
Пошлые сердца вылетают из дождевого востока.
И все в трещинах.
Смыслы просачиваются, как сейчас в военное время.
Когда не было его —
Военного времени? Думаешь, не было —
Нет, ты перебил, я хотела сказать, нас нет в живых.
Ad infinitum. Что ж, мы не знаем, что смазать жиром, маслом,
краской —
Как смазать кистью на поле битвы мыслей —
Когда поэты не изучили достаточно войну —
Помнишь песню «Ain't gonna study war no more»? Хорошая
была.
Спеть песню.
Иметь задор в труде протеста.
Горячий этот и тупой отрыв поэтики, так называемый.
А потом тело оставили за рамками картины в конце.
Призыва в армию? Чтобы картина схлопнулась в дверной
проем солдата, пришедшего домой.
Еще здесь утро. А кто же оторвался тут?

Их свет переключился в Мали

— но ничего нельзя узнать.

Хотя их можно описать. Имена названы, отказы встречены.

Хотелось бы сказать про Украину что-то, ведь —

Вкус войны стреляет по соседству, и никому и не сказать
окна —

Вообразив субъекта, вернувшись в свой родной очаг.

Обвинения в пении.

А вот поэту надо быть космополитом и всех знать.

Пока грезишь о мире, не ввязываясь в стихотворение.

Твои характеры кого-то да достанут.

Знаешь, мне думалось о внутреннем и внешнем.

Окно солдата схлопнулось в дверной проём картины, да.

А холст с осколками, из их руки вытаскивая, картонно-
красные капли.

Вишневый рынок.

Я думала о тех отчаянных поэтах.

Бросая стихи на растерзание волкам.

Я не об этом хотела. Я думала о внешнем и о внутреннем,
не хваталась за настроения.

А градации в нашем общении — они соответствуют звукам,
которые мы хотим извлечь?

— когда нельзя сказать, как далеко от тебя до мыслей другого.

Близко ли, далековато ли? И как это отражается на
твоих внутренних мыслительных схемах, и что в итоге
выливается в ответ или суждение. Этому, разумеется,
предшествует какое-то (никогда не достаточное) чтение
научных статей и выкладок, очерчивающих определенные
области интересов автора:

Авторитарная цензура в России и Китае.

Преумножение частных ополчений.

Материнство под угрозой.

Центр беженцев-инвалидов.

Психология этого тирана и другого в белом мире.

Дебаты насчет империи.

Спрос на автономию.

Упадок нефтяной экономики.

Кто это сказал?

Это результат синтеза, как и всё остальное в этом перечне.

Источает немного парфюма.

Или типа нефть при капитализме.

Арт

Татьяна Малкина

Я уехала из России в 2019 году. Эмиграция, пандемия и начавшаяся война сильно изменили мое мировоззрение, пробудив чувство беспомощности перед событиями, которые кардинально меняют мою жизнь, но на которые я не могу повлиять. Я остро чувствую, как мои личные переживания переплетаются с общей трагедией, вызывая ощущение бессилия и грусти. В этой работе я размышляю о том, как связи между людьми могут укреплять наши позиции, предоставляя поддержку и солидарность. Но они также ограничивают нашу свободу, лишая возможности принимать решения. Эта картина отражает мое видение войны и людей, которые участвуют в ней в разных ролях.

Татьяна Бонч-Осмоловская

Во времена катастрофы оголяются смыслы и проявляются архетипы, а мы даем им имена: юной матери — мадонна, ребенку — истина и жизнь, свету — свет.

Визуальная работа изготовлена на основе широко разошедшейся по интернету фотографии Богдана Кутепова (УП), сделанной 8 июля в Киеве после попадания российской ракеты в больницу Охраны материнства и детства, где лечатся дети с тяжелыми заболеваниями. В работе использован шрифт Voskresensky.

Станислав Львовский

full-scale invasion [полномасштабное вторжение]

У меня нет никакого комментария для этой серии, ни короткого, ни длинного. Нужно, наверное, находить какие-то слова, — но пока их нет. Обещаю, что когда и если я их найду, — скажу вам об этом.

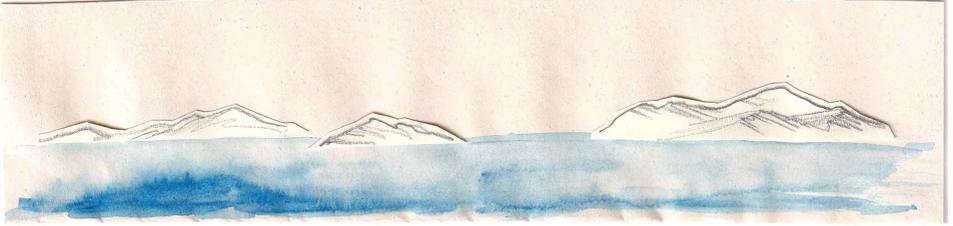
Оля Тамкович

Возможно, эта работа выглядит не так отчаянно, как многие. Увидела я ее в 2022 году и оттягивала создание. Думала, что мое ощущение поменяется и не будет настолько безнадежным, холодным, горьким. Для меня это история на языке магического реализма, рассказ о том, как отступают силы. Прошло два года — и я с ужасом обнаружила, что все еще могу сделать этот проект, не почувствовав, что он для меня устарел. А сейчас я сама всех оставляю и собираю вещи для отъезда.

НА СЛЕЗАХ

РАСТЁТ ГОРЕ

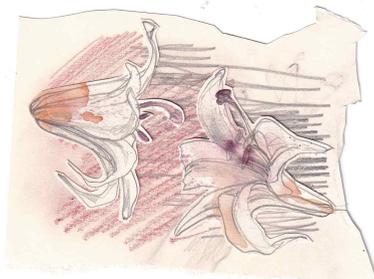

НАКРОЕТ НАС С ГОЛОВОЙ

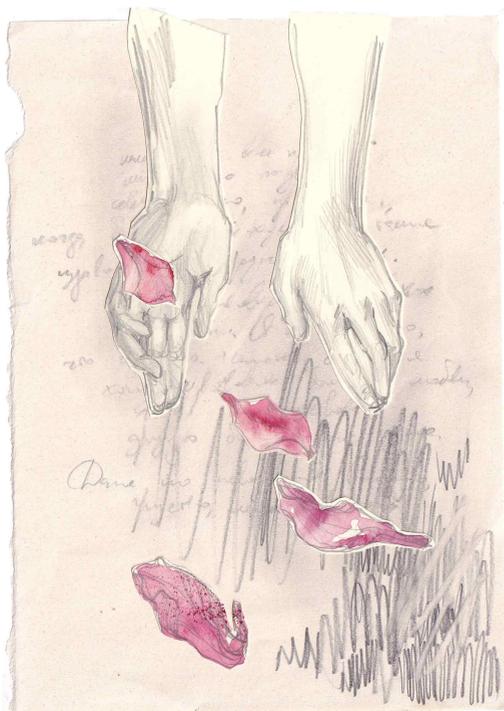

МЫ БУДЕМ ГОВОРИТЬ ЦВЕТАМИ

ТЫ ВЫПЛАЧЕШЬ
ВСЕ ГЛАЗА

КОГДА ЗАЙДЕТ
СОЛНЦЕ,
Я ТЕБЯ ОСТАВЛЮ

В ЭТИ
ЗЕМЛИ
НИКОГДА
БОЛЬШЕ
НЕ
ПРИДЕТ
ВЕСНА

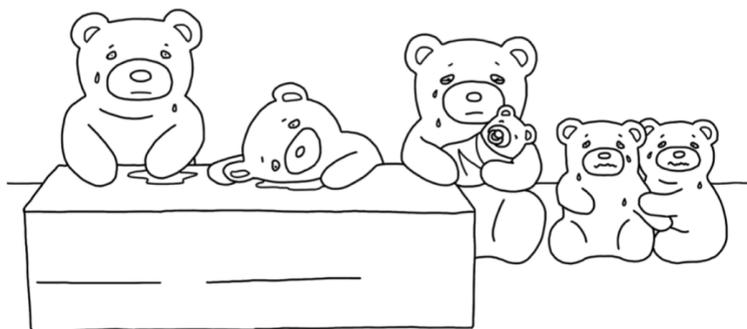

Марина Стараканами

Чем дальше, тем меньше эмоций: как будто все места, отвечающие за эмпатию, обкололи лидокаином. Реже открываешь новости о военных действиях и политических репрессиях, реже рефлекслируешь, начинаешь понимать людей, у которых «а что случилось?». Защитная реакция психики — или пропаганда — действительно работает. Рисунки помогают полностью не провалиться в это состояние и все еще чувствовать себя живым человеком.

РОДИТЕЛИ, ЖЕНА И ДЕТИ МАРМЕЛАДКИ,
ПОПАВШЕЙ В 1%.

ПРЕСТУПЛЕНИЕ
И БЕЗНАКАЗАННОСТЬ.

Макс Острый

Происходящий где-то не с нами ужас тем не менее оформляет в рамку наши жизни. Эта рамка может представлять как мучительное и яркое воспоминание или ощущение, или наоборот — таиться в тяжелом воздухе, в каждом вздохе. Можно переживать ее, можно не замечать, но, так или иначе, наши жизни проходят теперь внутри нее, за нацелленным на нее занавесом.

Занавес-1

Занавес-2

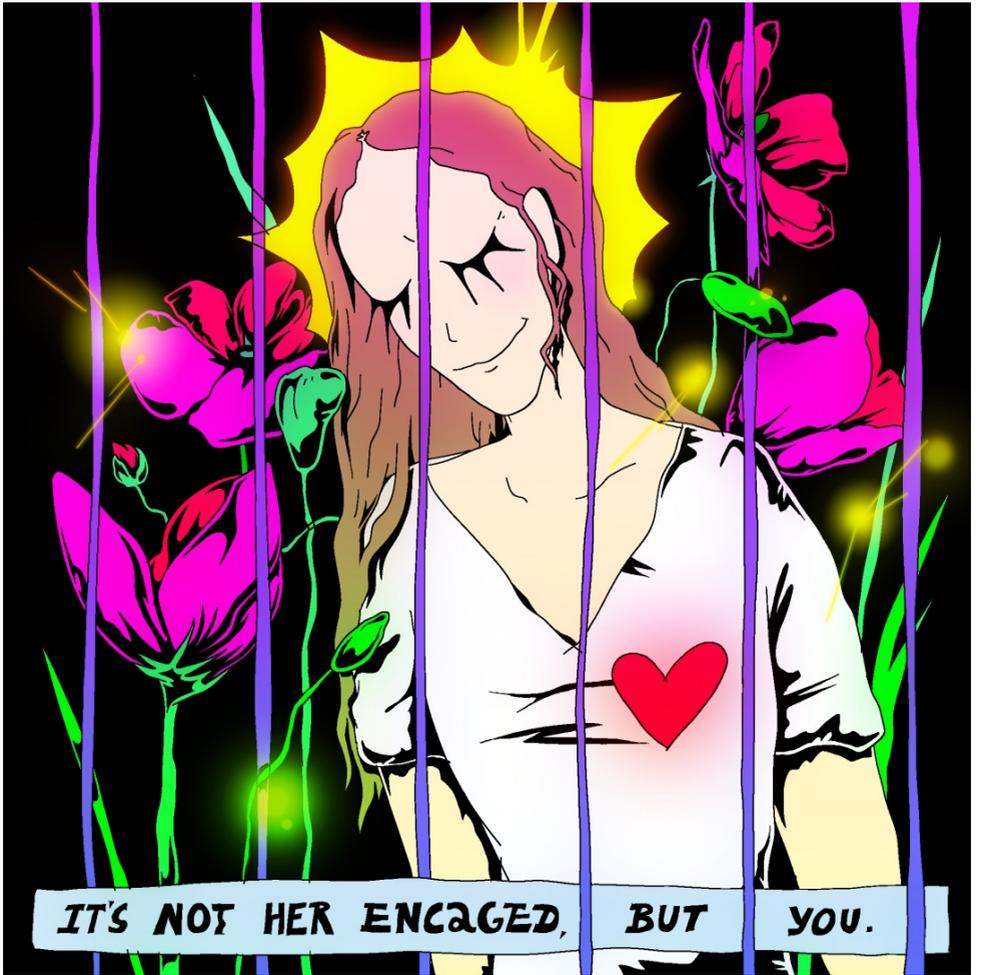
Занавес-3

Пастель, фотография, белила, акрил.
Июль 2024 года.

Half Liter Diary

Веб-комикс — рефлексия художниц Криминализы и Рулампо, бесплатно распространявшийся с июня 2022 года. Каждую неделю художницы по очереди интерпретировали происходящее, пытаюсь увидеть хотя бы чуточку смысла там, где его и быть не может, сохранить и передать этот опыт, всеми силами делая так, чтобы боль, что окружает нас всех, ушла и никогда больше не возвращалась.

IT'S NOT HER ENGAGED, BUT YOU.

PRESIDENT'S WORKPLACE 3d RENDER HIGH CONTRAST

BR2W

WEEK 24

OFFICIAL SPONSOR OF **TERRORISM** FROM SUPPORT NOW

CALL US NOW AND HELP TERRORISTS TO PROTECT TRADITIONAL VALVES AND SECURE YOUR THOUGHTLESS BRIGHT FUTURE BY PURCHASING ANY OF THE FOLLOWING:

+39 452 88 60 251

PURE FUN NOW AVAILABLE FOR ANY AGE GROUP

things
I'm ti-
red of*

4-dreams1.mp4

4-dreams2.mp4

Режиссерку Женю Беркович и драматурга Светлану Петрийчук посадили на 6 лет за спектакль «Финист Ясный Сокол».

Речь адвоката Ксении Карпинской сразу после приговора:

«Это решение, конечно, мы будем обжаловать, хотя на это надежды мало. Но я хочу, чтобы вы знали, что эти девушки АБСОЛЮТНО НЕВИНОВНЫ. Абсолютно невиновны! И ничего нового в закрытом заседании не было! Всё упирается в показания. Карпука, которого вы слышали. Секретного свидетеля Никиты. И в две экспертизы: деструктологическую и психо-лингвистическую. <...> Конечно, у нас нет выхода, и мы будем обжаловать это решение. Но те люди, которые причастны к этому решению, они будут с этим жить. И, возможно, когда-нибудь справедливость восторжествует. А вы знаете, что Джордано Бруно 7 лет уговаривали признаться, и только после 7 лет его сожгли? Так вот, сегодня в судебном заседании Светлана сказала, что она тоже не откажется от своей веры и никаким образом не будет признаваться в том, чего она не совершала. То же самое сказала Евгения. Она сказала, что она не увидит свою бабушку больше никогда, потому что 6 лет в 90 лет она не проживет. Она, возможно, не увидит своих приемных детей, мы не знаем, что с ними будет завтра. И, наверное, она не сможет родить новых детей в силу возраста. И обо всем этом было известно и судье, и прокурору. Ну, в такое время мы живем».

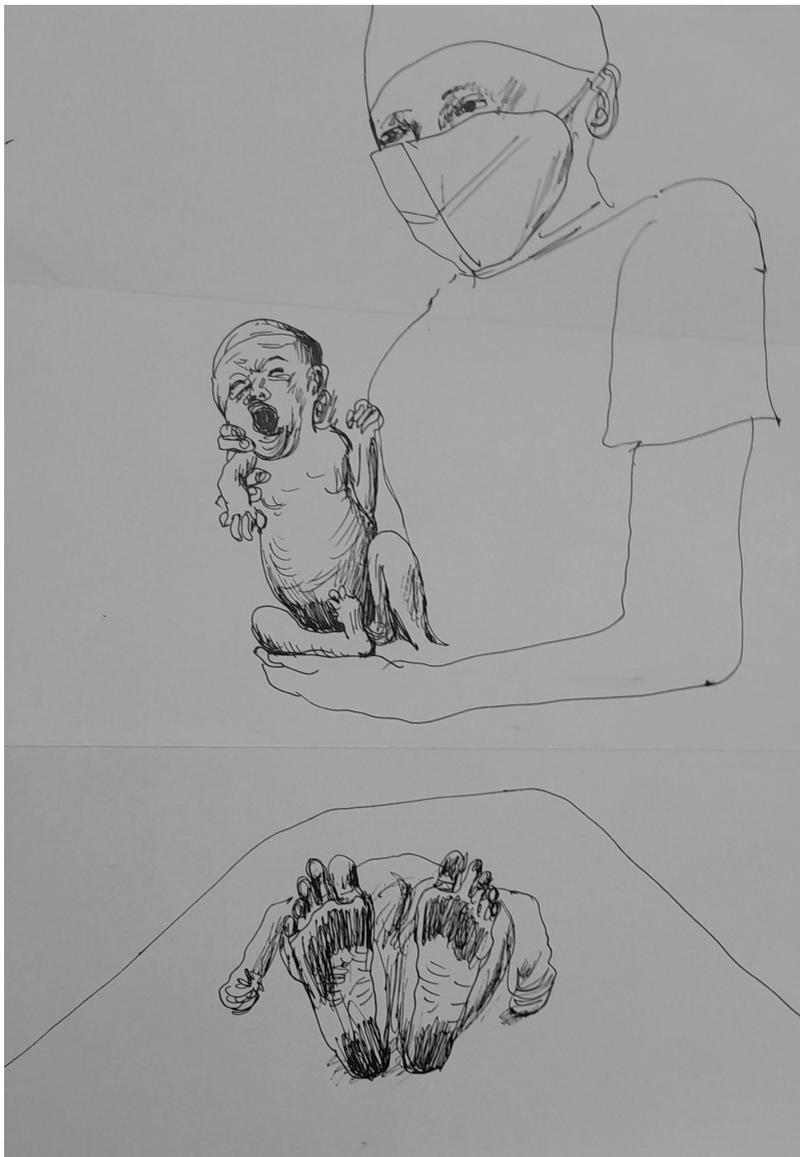

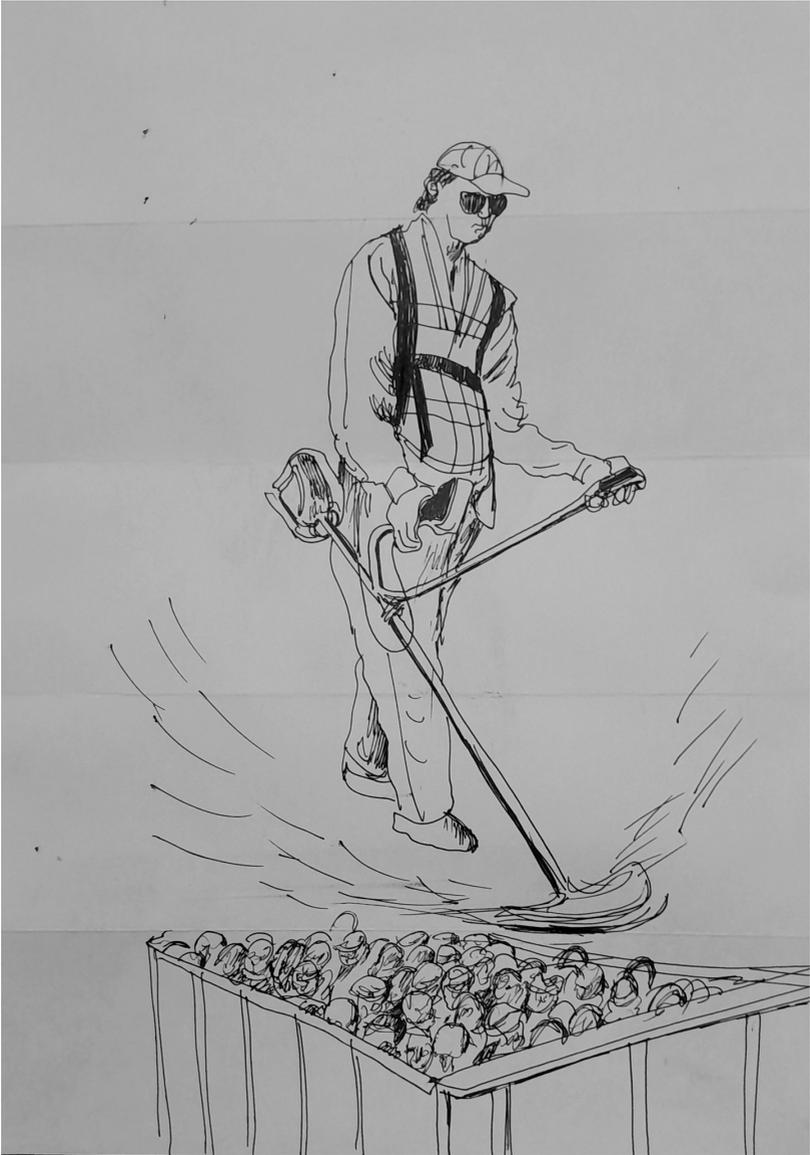

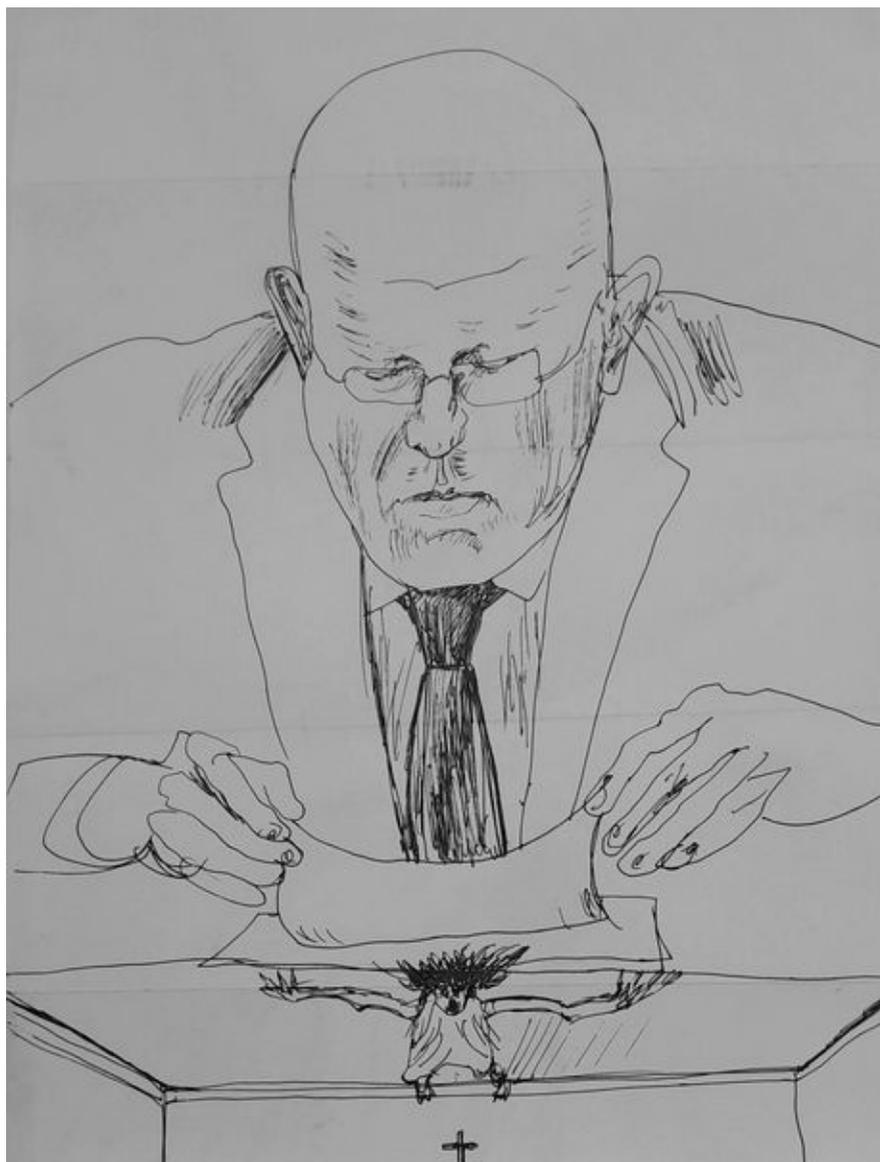
Екатерина Галактионова

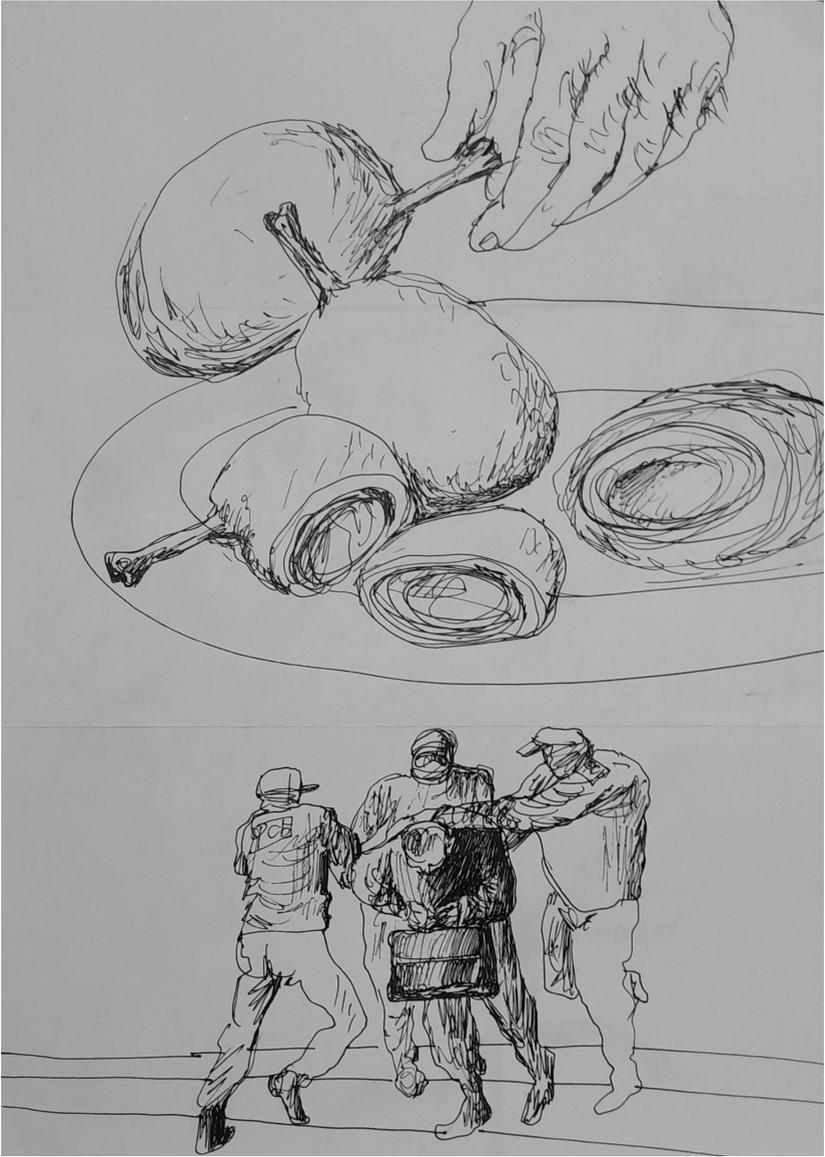
Эти рисунки — попытка рассказать о том, что происходит сегодня, зафиксировать свои эмоции и найти художественный эквивалент тому, что меня окружает.

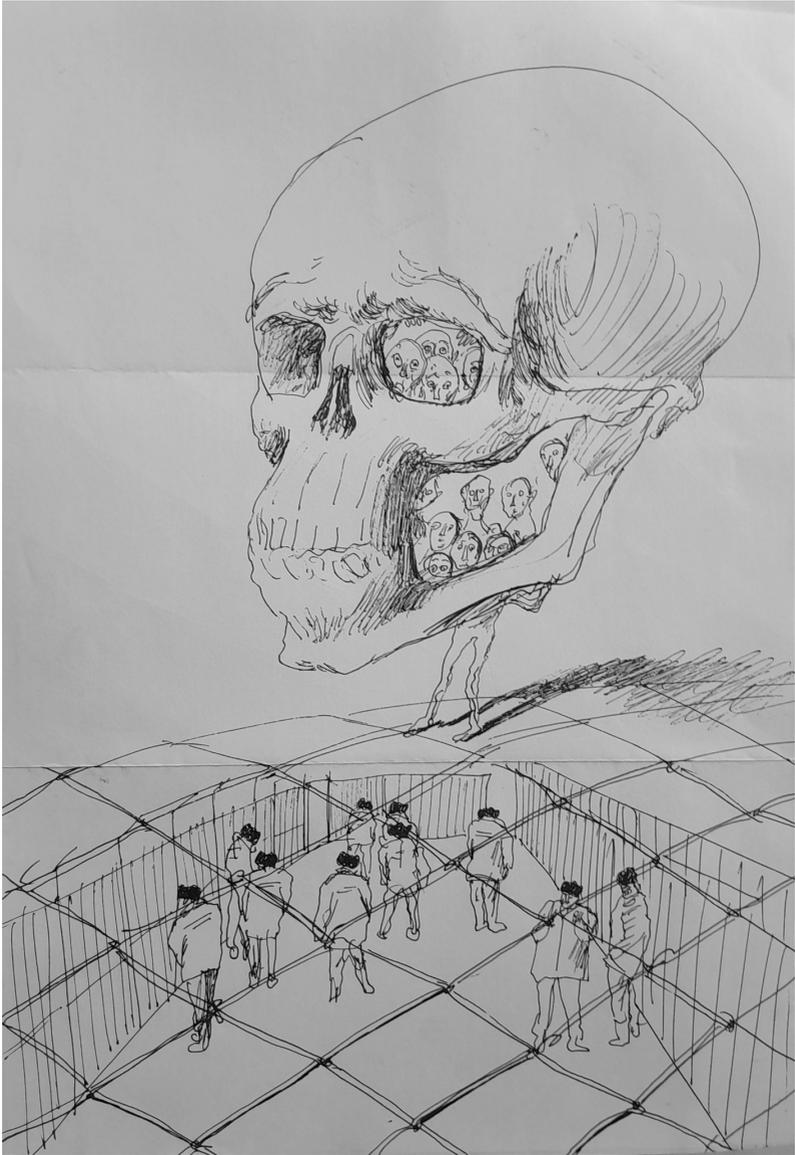

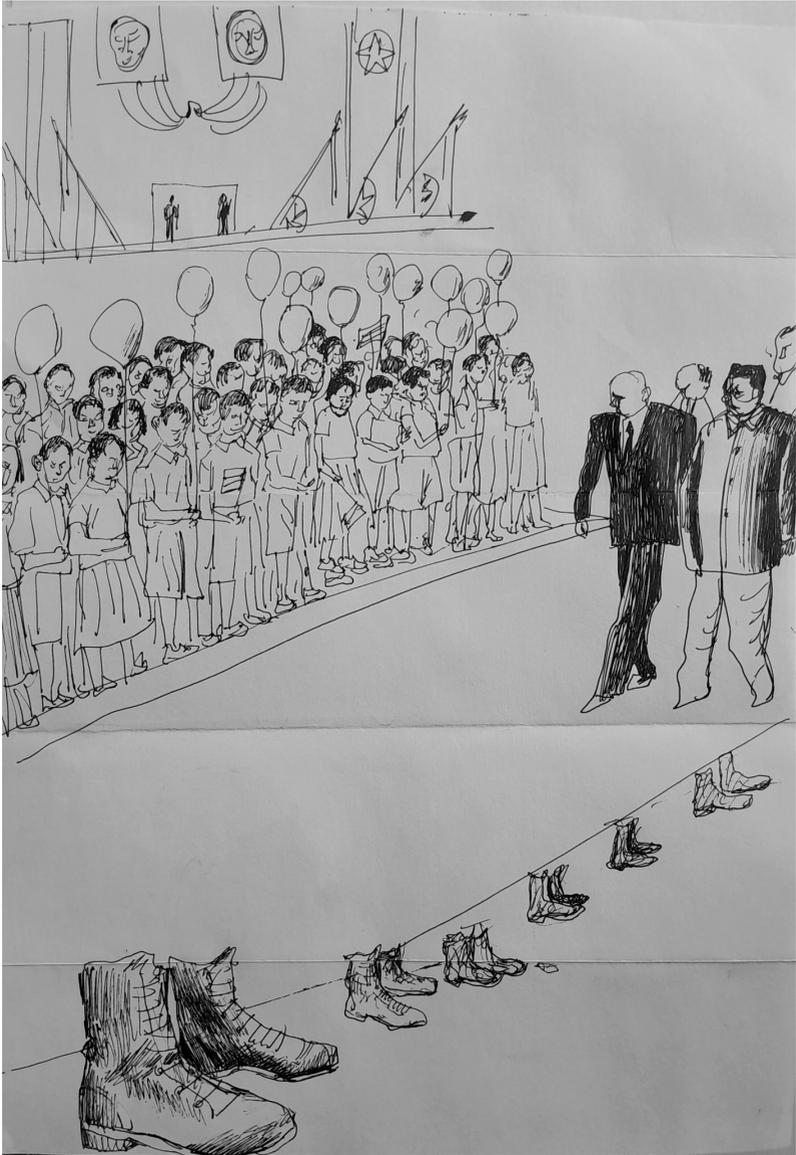

Екатерина Галактионова

Роспись начинается шествием тюленеобразных мужчин, которые идут по призыву, не понимая, что этот путь — отказ от будущего не только для них, но и для следующих поколений. Они идут с ощущением своей правоты, воспитанные авторитарностью государства и семьи. Взрослые вылупились на толщу земли над собой и топчут небо, а дети смотрят вперед. Небо и земля поменялись местами. Опустошение и хаос ждет такую страну. Распухшая жаба принимает всех в себя. Завесы скрывают преступления, пока работает карусель — под общее идиотическое веселье и пугающую ажитацию.

Роспись была сделана в полуподвальной дружественной галерее и висела совсем не долго. Приходили люди, смотрели и комментировали: «Да, всё понятно, всё так и есть. Всё в жопу жабы!»»

Дмитрий Гармаш, Денис Смирнов, Гарик Оганесян, Мария Ракитина

Этот клип рассказывает о периоде пронизывающей метели, которая нависла над Россией. Он посвящается всем тем, кому сейчас изнурительно холодно и кто ждет скорейшего наступления весны.

[garmash.webm](#)

Столпы традиционализма

Эта работа состоит из трех отдельных композиций; вся она вдохновлена лекцией о традиционализме Марии Быковой (профессор философии Нью-Йоркского университета)

«Вера» — первый столп русского традиционализма, отсылающий к собору Василия Блаженного на Красной площади в Москве. Если внимательно посмотреть, можно увидеть, что собор построен из ядерных бомб, смоделированных по образцу Царь-бомбы, самой большой ядерной бомбы, созданной людьми. Этой работой мне хотелось передать глубокую милитаризацию церкви.

«Суверенитет» — второй столп. Я вдохновлялся картиной художника Василия Верещагина «Апофеоз войны». Разрушенные звезды башен Кремля символизируют неизбежную победу над злом, а груды черепов — огромные и бессмысленные жертвы. На фоне этой груды я расположил разрушенное здание, стены которого показывают последствия войны

«Семья». Последний столп отражает современную российскую жизнь: утрату идентичности, обреченность и безнадежность. Люди вынуждены надевать на себя «вуаль», скрывающую их чувства и мысли, чтобы не попасть под каток репрессий. В центре композиции находится луч света, падающий на телевизор, по которому идет передача Скабеевой «60 минут», отводя внимание от гроба в центре комнаты. Так пропаганда отвлекает от суровой реальности.

Все три работы связаны через зловещий красный свет, представляющий упадок моральных ценностей в обществе под тяжестью традиционализма.

Faith

GZ

Family

GZ

Sovereignty

Богдан Кравцов

14.02.2023

В феврале 2022 года я улетел из России и первые полгода войны жил в Грузии. Но Грузия отказала мне в виде на жительство, а посольства большинства европейских стран в Грузии, Армении, Турции не брались за мое дело — раз я гражданин РФ, то мне нужно вернуться в Москву и просить визу в московских посольствах.

Лишь две страны согласились со мной работать — Литва и Франция. Литва справилась с бюрократией быстрее, так что с лета 2022 года я живу в Вильнюсе. Как и многие россияне, не принимающие политику сегодняшнего российского государства.

Прекрасный город, гостеприимная страна!

Фильтр (Filter)

4 × 4 см

<https://anch.info/rus/sixteen-square-centimeters/3056>

Урожай

Этот череп покрывают слои и слои всевозможных новостей о смерти: о войнах, несчастных случаях, убийствах, стихийных бедствиях и проч. Это письменные следы абсурдной и невыносимой реальности, где масса ужаса постоянно растет и новые катастрофы накладываются на старые, закрывая их от нашего взгляда и делая нас каждый раз более нечувствительными к происходящему. Эти кусочки бумаги — мусор, но за каждым из них стоит реальная смерть.

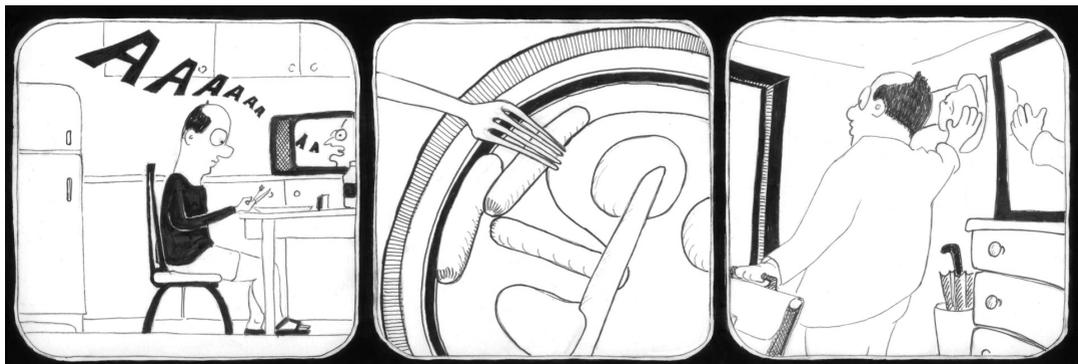
Работа может быть продолжена ее обладателем: он или она сможет добавлять новые слои из свежих новостей.

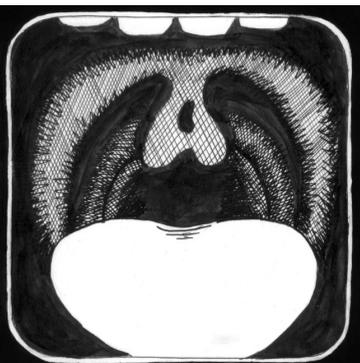
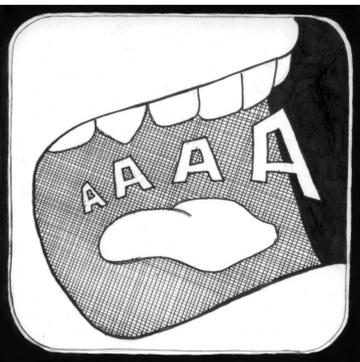

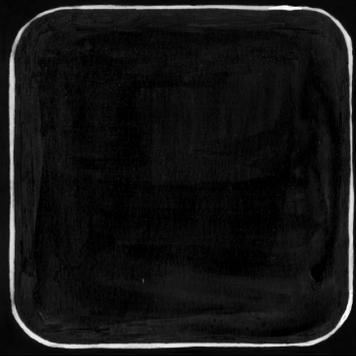
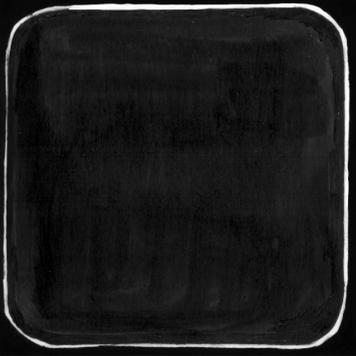
Папье-маше, газета, клей
2024 г.

Когда мы учились кричать, мы верили, что сможем дотянуться голосами до самых отдаленных уголков мира. И так его изменить. Мы кричали что есть мочи, миллионы голосов. Все громче и громче. Мы рвали глотки в стремлении перекрыть окружающий мир под себя. В крике растворилось все — слова, смыслы, даже наш человеческий облик. Внезапно мы стали заложниками собственного всеобъемлющего крика. Научимся ли мы когда-нибудь снова говорить?

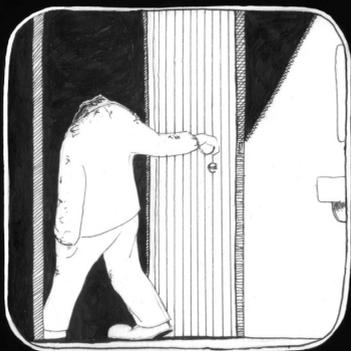

**THE
BIG
SHOUT**

by Vukobović

Юлия Семченко

Это часть проекта, начатого еще до войны, в новогоднюю ночь 2022 года, работой «Дети». Я тогда объединила давно ушедших и новых людоедов в общую серию работ. «Дети» и «Свадьба» были сделаны до начала войны и участвовали во **втором номере ROAR**. Эта картинка лежала до апреля этого года начатой — со столом, Лениным и Сталиным. В этом году работа продолжилась Гольбейновским Иисусом и сценой из средневековой анатомии. Пообщавшись с друзьями, которые поют песни победы каждое 9 мая, я поняла, что хочу поместить их перед большим столом за детский столик, как карликов. Дальше работу населили всякие другие карлики и фантазийные персонажи.

Я спонтанный художник, и все мои персонажи приходят, можно сказать, сами. Когда стала смотреть фильмы о фашизме, увидела, что метафора с карликами не мое ноу-хау, и запустила маршем карликов из «Жестяного барабана». В окне на самом дальнем плане у меня Бойс, сажающий дубы, он попал в окно сразу за людоедами. Дарт Вейдер сам соткался из тьмы за спинами ныне живущих чудовищ, на Сталине появилась маска свиньи, а Чебурашка и дядя Вова из «Кин-дза-дза» просто охреневают от этого черного цирка. Такая вот литература в образах.

Партия мертвых

партия мёртвых
z-коса для z-смерти
(жатва русской мечты)

литера z скрючила не только речь, зашив зигзагами рты. литера z скрючила также и смерть, превратив её в боевую и экономическую задачу.

и зетники словно бы не умирают, но по клику на госуслугах переводятся в бессмертный полк, становясь нетленной партией героя.

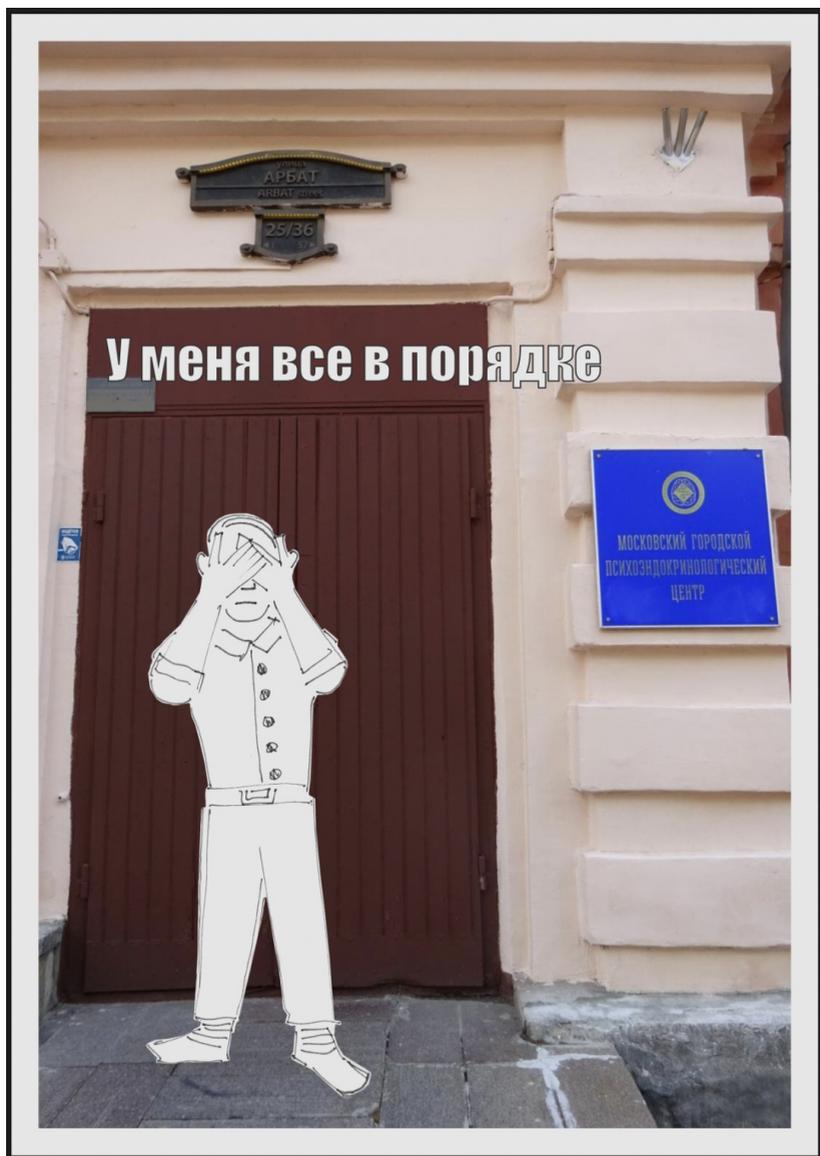

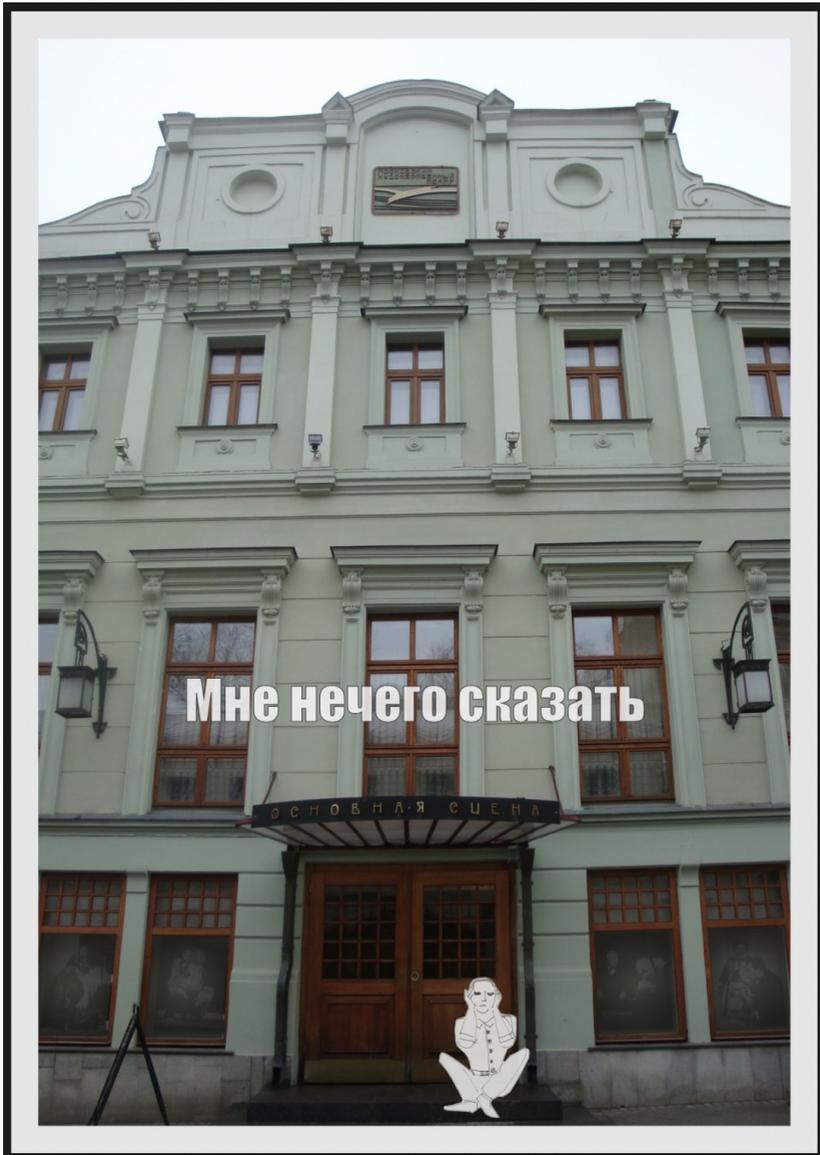

*(фотографии сделаны на митинге-реквиеме «русская мечта»,
крепость чапала, 8 мая 2024)*

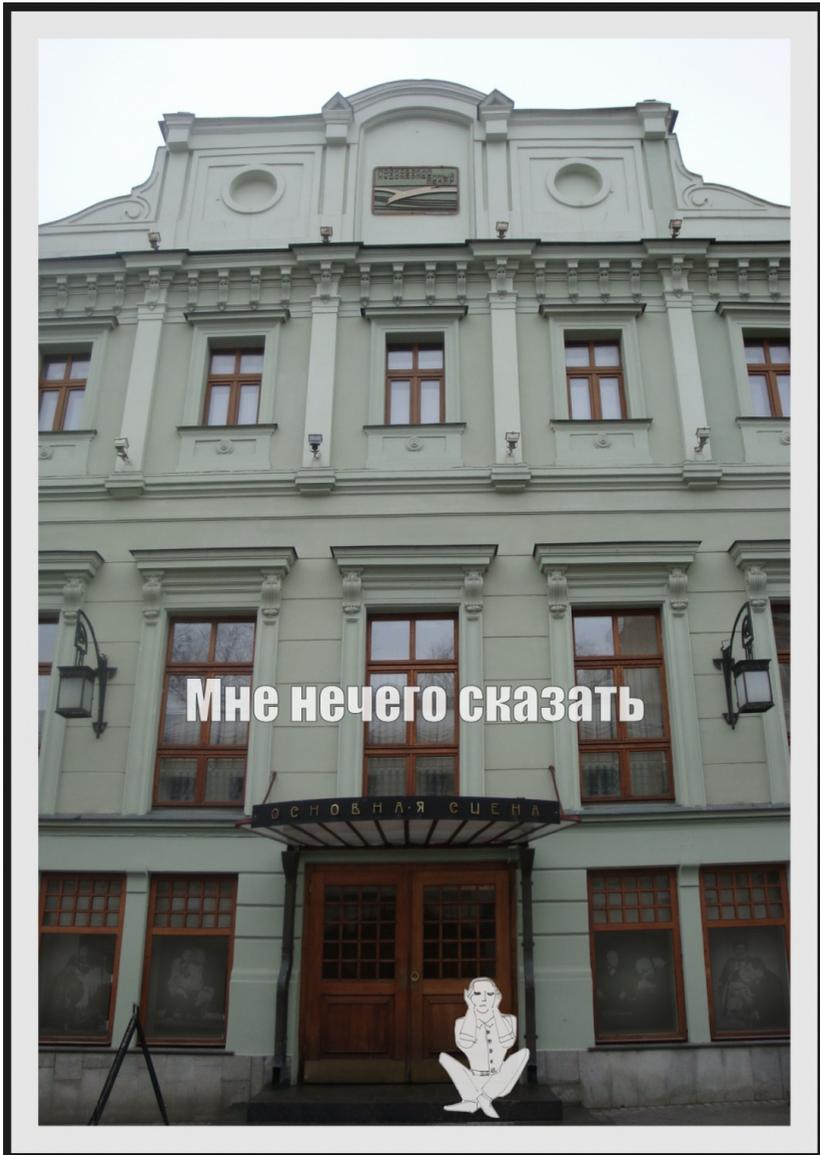
Анна Карандина

Эти работы — о горьком чувстве, которое ты испытываешь, когда остаешься внутри и каждую секунду все понимаешь. Но молчишь.

Мне нечего сказать

Мне нечего сказать

арт-группа «The Great Tits»

«Как стать миллионером» (пособие)

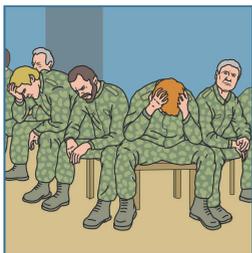
«Дамы и господа! Не проходите мимо! Только сегодня, только у нас, исключительное предложение! Мы даём вам возможность разбогатеть! Решите все ваши проблемы разом!»

От покупки молчания и лояльности российское государство перешло к покупке живого товара. Лозунг «люди — новая нефть» переливается всеми оттенками красного. Не сумев продать своим гражданам идею священной войны, Государство втягивает людей в продажу своих и чужих жизней, устанавливая цену за тело. Как ярмарочный мошенник, завлекающий зевак яркими картинками и обещаниями легких денег, Государство придумывает способы обмануть посетителей этой кровавой ярмарки.

«Дурачок, посмотри сюда — у меня здесь деньги и уважение, которых ты не видел никогда в жизни, ты будешь богатым героем», — берет под локоть мошенник очередного простофилю, отворачивая его взгляд от груды тел, забытых на чужой земле.

Как стать миллионером 1 воин = от 2 до 15 млн руб

Российская Федерация 2024
1 кг от 183 293 руб

100 000 руб

Приведи друга/сына/мужа

Выплата за привлечение на военную службу по контракту

10† x 100 000 руб

- * Количество привлеченных рекрутов для получения первого миллиона
- ** Количество привлеченных не ограничено

2 400 000 руб

Сдача тела в аренду

Выплата за привлечение на военную службу по контракту

Единовременная выплата за подписание контракта

Региональная выплата за подписание контракта

от 195 000 руб/мес

6 700 000 руб

Инвалид III группы

Выплата за привлечение на военную службу по контракту

Единовременная выплата за подписание контракта

Региональная выплата за подписание контракта

Региональная выплата за увечье

Инвалидность III группа

Единовременная выплата за увечье

1 кг = 1 395 833 руб

Региональные выплаты указаны только для города-героя Москва

Транспортировка рекрута до места подписания контракта осуществляется за свой счет, транспортировка тела военнослужащего семье осуществляется Министерством Обороны РФ

При отсутствии тела военнослужащего выплаты могут быть ограничены

Подписанный контракт считается бессрочным и не подлежит расторжению до специального указа президента Российской Федерации

Заберите с собой, пожалуйста

Please take this card with you

Заберите с собой, пожалуйста

Please take this card with you

Заберите с собой, пожалуйста

Как стать миллионером

1 воин = от 2 до 15 млн руб

Российская Федерация 2024
1 кг от 183 293 руб

7 780 000 руб

Инвалид II группы

Выплата за привлечение на военную службу по контракту
Единовременная выплата за подписание контракта
Региональная выплата за подписание контракта
Региональная выплата за увечье
Инвалидность II группа
Единовременная выплата за увечье

1 кг = 413 829 руб

12 120 000 руб

Инвалид I группы

Выплата за привлечение на военную службу по контракту
Единовременная выплата за подписание контракта
Региональная выплата за подписание контракта
Региональная выплата за увечье
Инвалидность I группа
Единовременная выплата за увечье
Единовременная выплата при увольнении с военной службы (не годен к службе)

1 кг = 322 340 руб

15 360 000 руб

Смерть

Выплата за привлечение на военную службу по контракту
Единовременная выплата за подписание контракта
Региональная выплата за подписание контракта
Региональная выплата за смерть
Страховая выплата за смерть
Федеральная выплата за смерть

1 кг = 183 293 руб

Расчеты стоимости килограмма война основаны на средних значениях
Ранение или увечье не является основанием для прекращения контракта
Аммуниция и экипировка приобретается за собственные средства
Во время боевых действий деятельность судов может и будет ограничена
"Как стать миллионером" - Партия мертвых и арт-группа "The Great Tits"

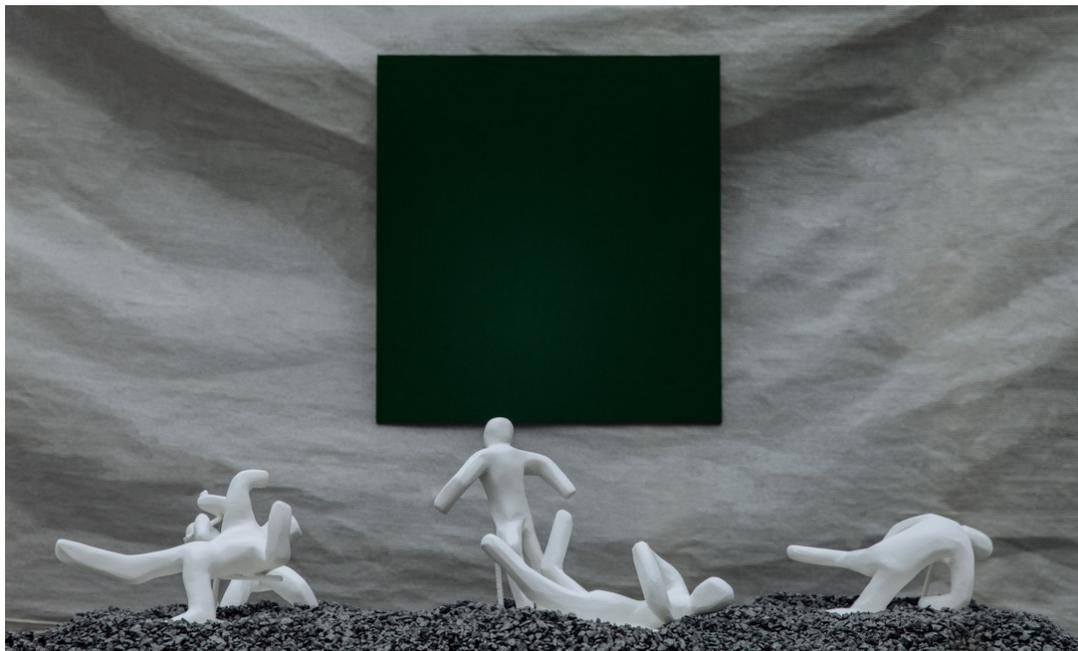
Заберите с собой, пожалуйста

Dance of the brave

Это серия абстрактных гипсовых скульптур, объединенных одним событием и местом действия. Прототипом для их создания стали реальные люди, задержанные полицией на протестных акциях в центре Москвы. Их позы, если убрать все лишнее, часто похожи на странный, неестественный танец, с изгибами, не свойственными человеческому телу в состоянии покоя. Эта работа посвящена всем, кто имел смелость выходить на протесты, несмотря на опасность быть жестко задержанным и/или избитым сотрудниками ОМОНа и Росгвардии.

Зеленый квадратный фон — цвет военной техники, в который были выкрашены многие подъезды, детские площадки и городские заборы в России. Неизменный фон жизни советского и постсоветского поколения, которое сейчас выступает против продолжающейся диктатуры и видит будущее России свободным от паразитирующего правления.

Одна из скульптур отсутствует, символизируя тех, кто сейчас — герой нашей памяти.

История этих песен довольно проста. После шока 7 октября мне казалось, что у меня полностью отбило речь. Через неделю внезапно что-то пробилось, на третьем моем языке — английском. Потом еще два стихотворения прорвались сквозь немоту. Через три с половиной месяца появилось полтора стихотворения на иврите. Мой русский язык так и не справился с произошедшим, не знаю, справится ли когда-нибудь. Недавно моя подруга рассказала мне про SUNO AI — программу, способную генерировать музыку, основываясь на человеческих подсказках. Мне захотелось с ней поэкспериментировать. И хотя мои стихи не очень-то пригодны для вокала, мне показалось, что в таком, «эстрадном», исполнении они смогут дойти еще до кого-то — скажем, кого-то, не любящего читать стихи.

[Psalm_Beyond Counting.webm](#)

[Day after day after day2 video.webm](#)

[Bring them back.webm](#)

Юридическая информация

Редакция и издатель

© 2022, 2023 Roar-Review.Com

Все права защищены

Ответственность

Редакция не предоставляет справочной информации.

Мнения авторов материалов сайта не всегда совпадают с позицией редакции.

Редакция Roar-Review.Com не несет ответственности за содержание веб-сайтов, на которые даются гиперссылки.

Содержимое сайта адресовано читателям, достигшим 18 лет.

Правила использования материалов

Веб-сайт Roar-Review.Com (далее – Сайт) содержит материалы, охраняемые авторским правом, товарные знаки и иные охраняемые законом материалы, в частности тексты, фотографии, видеоматериалы, графические изображения, музыкальные и звуковые произведения и др.

Коллективу редакции сайта принадлежит авторское право на использование содержания Сайта (в том числе право на подбор, расположение, систематизацию и преобразование данных, содержащихся на Сайте, а также на сами исходные данные), кроме случаев, отдельно отмеченных в содержании опубликованных на Сайте материалов.

Пользователь Сети не имеет права вносить изменения, публиковать, передавать третьим лицам, участвовать в продаже или уступке, создавать производные продукты или иным образом использовать, частично или полностью, содержание Сайта без письменного согласия редакции Сайта. Исключение составляют:

- использование размещенных текстовых материалов в объеме не более 300 (трехсот) знаков, без учета знаков препинания, с упоминанием имени автора, а также с ссылкой на Roar-Review.Com и адрес Roar-Review.Com. При перепечатке материала с Roar-Review.Com в интернете необходимо указать

адрес (URL) <https://Roar-Review.Com>, по которому первоначально был опубликован материал;

- свободное воспроизведение видеороликов и фотоизображений в личных некоммерческих целях (личные блоги, прочие личные ресурсы). При таком использовании необходимо указать имя автора (имя фотографа/видеографа), © Roar-Review.Com и адрес: <https://Roar-Review.Com>.

Во всех случаях мы будем благодарны, если вы проинформируете нас об использовании наших материалов.

Полное или частичное воспроизведение материалов, размещенных на веб-сайте Roar-Review.Com, правообладателем которых является не Roar-Review.Com, без письменного разрешения правообладателя запрещается.